

З. 18.

III. 47.

II. 6.

№ 7.

6

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

=

VI.

X

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ШЕСТЫЙ.

Изданіе четвертое.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Александра Смирдина.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чшобы по оппечашаніи предспавлены были
въ Ценсурный Комишешъ при экземплярѣ.

С.-Пешербургъ, 7 Іюня 1834 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

Изданіе книгопродавца Смирдина.

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

БѢДНАЯ ЛИЗА.

=

Можешь быть никшо изъ живущихъ въ Москвѣ не знаешь такъ хорошо окрестностей города сего, какъ я, потому что никшо чаще моего не бываетъ въ полѣ, никшо болѣе моего не бродитъ пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли — куда глаза глядятъ — по лугамъ и рощамъ, по холмамъ и равнинамъ. Всякое лѣпо нахожу новыя пріятныя мѣста, или въ спарыхъ новыя красы.

Но всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на копоромъ возвышающіяся мрачныя, гошическія башни Си....нова монастыря. Споя на сей горѣ, видишь на правой споронѣ почти всю Москву, сію ужасную громаду домовъ и церквей — копорая предспавляется глазамъ въ образъ

величественнаго амфитеатра: великолѣпная картина, особливо когда свѣтитъ на нее солнце; когда вечерніе лучи его пылаютъ на безчисленныхъ златыхъ куполахъ, на безчисленныхъ крестахъ, къ небу возносящихся! Внизу разстилаются пучные, густозеленые, цвѣтущіе луга; а за ними, по желтымъ пескамъ, шепчетъ свѣтлая рѣка, волнуемая легкими веслами рыбацкихъ лодокъ, или шумящая подъ рулемъ грузныхъ спруговъ, копоры плывутъ отъ плодоносѣйшихъ странъ Россійской Имперіи и надѣляютъ алчную Москву хлѣбомъ. На другой сторонѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ копоры пасутся многочисленные сѣна; тамъ молодые пасухи, сидя подъ тѣнію деревъ, поютъ просныя, унылыя пѣсни, и сокращаютъ тѣмъ лѣтніе дни, споль для нихъ единообразные. Подалѣе, въ густой зелени древнихъ вязовъ, блистаетъ златоглавый Даниловъ монастырь; еще далѣе, почти на краю горизонта, синѣются Воробьевы горы. На лѣвой же сторонѣ видны обширныя, хлѣбомъ покрытыя поля, лѣсочки, три или четыре деревеньки, и вдали село Коломенское съ высокимъ Дворцомъ своимъ.

Часто прихожу на сіе мѣсто, и почти всегда встрѣчаю тамъ весну; туда же прихожу и въ мрачные дни осени, горевашъ вмѣстѣ съ Природою. Спрашно воютъ вѣтры въ сѣнахъ опустѣвшаго монастыря, между гробовъ, заросшихъ высокою травою, и въ темныхъ переходахъ келій. Тамъ, опершись на развалины гро-

ныхъ камней, внимаю глухому спону временъ, бездною минувшаго поглощенныхъ—спону, ошъ кошораго сердце мое содрогається и препенешъ. Иногда вхожу въ келліи, и представляю себѣ шѣхъ, кошорые въ нихъ жили—печальныя каршины! Здѣсь вижу сѣдаго сшарца, преклонившаго колѣна передъ Распяшіемъ, и молящагося о скоромъ разрѣшеніи земныхъ оковъ своихъ: ибо всѣ удовольствія исчезли для него въ жизни, всѣ чувства его умерли, кромѣ чувства болѣзни и слабости. Тамъ юный монахъ—съ блѣднымъ лицомъ, съ шомнымъ взоромъ—сшопришъ въ поле сквозь рѣшетку окна, видишъ веселыхъ пшичекъ, свободно плавающихъ въ морѣ воздуха—видишъ, и проливаешъ горькія слезы изъ глазъ своихъ. Онъ шомишся, вянешъ, сохнешъ—и унылый звонъ колокола возвѣщаешъ мнѣ безвременную смерть его. Иногда на врашахъ храма разсмашриваю изображеніе чудесъ, въ семъ монастырѣ случившихся—шамъ рыбы падаюшъ съ неба для насыщенія жителей монастыря, осажденнаго многочисленными врагами; шущъ образъ Богоматери обращаешъ непріятелей въ бѣгство. Все сіе обновляешъ въ моей памяши испорію нашего шечесшва—печальную испорію шѣхъ временъ, когда свирѣпые Ташары и Лишовцы огнемъ и мечемъ опустошали окрестности Россійской сполицы, и когда несчастная Москва, какъ беззащитная вдовица, ошъ одного Бога ожидала помощи въ люшыхъ своихъ бѣдспвіяхъ.

Но всего чаще привлекаешъ меня къ спѣ-

намъ Си...нова монастыря — воспоминаніе о плачевной судьбѣ Лизы, бѣдной Лизы. Ахъ! я люблю шѣ предметы, кошорые прогаютъ мое сердце и заспаваютъ меня проливать слезы нѣжной скорби!

Саженьяхъ въ семидесяти отъ монастырской стѣны, подлѣ березовой рощицы, среди зеленого луга, стоишѣ пусая хижина, безъ дверей, безъ окончинѣ, безъ полу; кровля давно сгнила и обвалилась. Въ сей хижинѣ, лѣшѣ за тридцать передѣ симѣ, жила прекрасная, любезная Лиза съ шарушкою, маперью своею.

Отецъ Лизинѣ былѣ довольно зажиточный поселянинѣ, потому что онѣ любилѣ работу, пахалѣ хорошо землю и велѣ всегда презвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обѣдняли. Лѣнивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлѣбѣ переспалѣ хорошо родиться. Онѣ принуждены были отдать свою землю въ наемѣ, и за весьма небольшія деньги. Къ тому же бѣдная вдова, почти безпрестанно проливая слезы о смерти мужа своего — ибо и крестьянки любилѣ умѣютъ! — день ото дня становилась слабѣе, и совсѣмѣ не могла работать. Одна Лиза, — кошорая осталась послѣ отца пятнадцати лѣшѣ — одна Лиза, не щадя своей нѣжной молодоспи, не щадя рѣдкой красосы своей, прудилась день и ночь — шкала холспи, вязала чулки, весною рвала двѣспи, а лѣшомѣ брала ягоды — и продавала ихѣ въ Москвѣ. Чувствительная, добрая шарушка, видя неутомимоспѣ дочери, часто при-

жимала ее къ слабо-біоющемуся сердцу, называла Божескою милоспїю, кормилицею, оспрадою спароспи своею, и молила Бога, чшобы Онъ наградилъ ее за все шо, чшо она дѣлаешъ для мапери. «Богъ далъ мнѣ руки, чшобы рабошашъ, (говорила Лиза): ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенкомъ: теперъ пришла моя очередь ходишъ за шобою. Перестанъ шолько крушитъся, переспанъ плакашъ; слезы наши не оживяшъ бапюшки.» Но часто нѣжная Лиза не могла удержашъ собственныхъ слезъ своихъ — ахъ! она помнила, чшо у нее былъ ошецъ, и чшо его не спало; но для успокоенія матери спаралась шайшъ печаль сердца своего, и казашъся покойною и веселою. — «На шомъ свѣшъ, любезная Лиза (ошвѣчала горесшная спарушка), на шомъ свѣшъ перестану я плакашъ. Тамъ, сказываюшъ, будушъ всѣ веселы; я вѣрно весела буду, когда увижу ошца швоего. Только теперъ не хочу умерешъ—чшо съ шобою безъ меня будешъ? На кого тебѣ покинушъ? Нышъ, дай Богъ прежде приспроишъ тебѣ къ мѣспу! Можешъ бышъ, скоро сыщешся добрый чловѣкъ. Тогда, благослова васъ, милыхъ дѣшей моихъ, перекрещусъ, и спокойно лягу въ сырую землю.»

Прошло года два послѣ смерти ошца Лизина. Луга покрылись цвѣшами, и Лиза пришла въ Москву съ ландышами. Молодой, хорошо одѣшый чловѣкъ, прїятнаго вида, вспрѣшился ей на улицѣ. Она показала ему цвѣшы — и

закрасилась. Ты продаешь ихъ, дѣвушка? спросилъ онъ съ улыбкою. Продаю, отвѣчала она. — «А что тебѣ надобно?» — Пянь копѣекъ. — «Это слишкомъ дешево. Возьми тебѣ рубль.» — Лиза удивилась, осмѣлилась взглянуть на молодого человѣка, — еще болѣе покрасилась, и опустивъ глаза въ землю, сказала ему, что она не возьметъ рубля. — «Для чего же?» — Мне не надобно лишняго. — «Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной дѣвушки, стоятъ рубля. Когда же ты не берешь его, возьми тебѣ пянь копѣекъ. Я хотѣлъ бы всегда покупать у тебя цвѣты; хотѣлъ бы, чтобы ты рвала ихъ только для меня.» — Лиза опустила цвѣты, взяла пять копѣекъ, поклонилась и хотѣла идти; но незнакомецъ остановилъ ее за руку. — «Куда же ты пойдешь, дѣвушка?» — Домой. — «А гдѣ домъ твой?» — Лиза сказала, гдѣ она живетъ; сказала и пошла. Молодой человѣкъ не хотѣлъ удерживать ее, можетъ быть для того, что хитроходящіе начали останавливаться, и смотря на нихъ, коварно усмѣхались.

Лиза, пришедши домой, рассказала матери, что съ нею случилось. «Ты хорошо сдѣлала, что не взяла рубля. Можетъ быть это былъ какой нибудь дурной человѣкъ» *Ахъ нѣтъ, матушка! я этого не думаю. У него такое доброе лице, такой голосъ* — «Однакожь, Лиза, лучше кормишься трудами своими, и ничего не браться даромъ. Ты еще не знаешь, другъ мой, какъ злые люди могутъ обидѣть бѣдную дѣ-

вунку! У меня всегда сердце бываетъ не на своемъ мѣстѣ, когда ны ходишь въ городъ; я всегда снавно свѣчу передъ образомъ, и молю Господа Бога, чтобы онъ сохранилъ тебя онъ всякой бѣды и напасни.» — У Лизы навернулись на глазахъ слезы; она поцѣловала мать свою.

На другой день навала Лиза самыхъ лучшихъ ландышей, и опять пошла съ ними въ городъ. Глаза ея шихонько чего-то искали. Многіе хоньки у нее кушны цвѣтны; но она опивчала, что они не продажныя, и смонрѣла по въ ну, по въ другую сторону. Наснуилъ вечеръ, надлежало возвращиися домой, и цвѣтны были брошены въ Москву рѣку. *Никто не владый вами!* сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть въ сердцѣ своемъ. — На другой день ввечеру сидѣла она подъ окномъ, прала и шихимъ голосомъ пѣла жалобныя пѣсни; но вдругъ вскочила и закричала: *Ахъ!...* Молодой незнакомецъ споялъ подъ окномъ.

Что съ тобой сдѣлалось? спросила испугавшаяся мать, которая подѣтъ нее сидѣла. *Ничего, матушка,* опивчала Лиза робкимъ голосомъ: *я только его увидѣла.* — «Кого?» — *Того господина, который купилъ у меня цвѣтны.* Снаруха выглянула въ окно. Молодой человекъ поклонился ей такъ учиниво, съ такимъ пріятнымъ видомъ, что она не могла подумать объ немъ ничего, кромѣ хорошаго. *Здравствуй, добрая старушка!* сказалъ онъ: *я очень усталъ: пѣтъ ли у тебя свѣжаго молока?* Услужливая Лиза.

не дождавшись откупа отъ матери своей — можетъ быть для того, что она его знала напередъ — побѣжала на погребъ — принесла чистую кринку, накрытую чистымъ деревяннымъ кружкомъ — схватила спаканъ, вымыла, вытерла его бѣлымъ полотенцемъ, налила и подала въ окно, но сама смотрѣла въ землю. Незнакомецъ выпилъ и пекшаръ изъ рукъ Гебы не могъ бы показаться ему вкуснѣе. Всякой догадася, что онъ послѣ того благодарилъ Лизу, и благодарилъ не только словами, сколько взорами. Между тѣмъ добродушная спарунка успѣла рассказать ему о своемъ горѣ и уныніи — о смерти мужа и о милыхъ свойствахъ дочери своей, объ ея прудобіи и нѣжності, и проч. и проч. Онъ слушалъ ее со вниманіемъ; но глаза его были — нужно ли сказывать, гдѣ? И Лиза, робкая Лиза помахивала пзръдка на молодого человека; но не такъ скоро молнія блеснула и въ облакъ исчезла, какъ быстро голубые глаза ея обращались къ землѣ, встрѣчаясь съ его взоромъ. — «Мнѣ хотѣлось бы, сказать онъ матери, чтобы дочь моя никому, кромѣ меня, не продавала своей работы. Такимъ образомъ ей не за чѣмъ будетъ часто ходить въ городъ, и ны не принуждена будетъ съ нею разсуждаться. Я самъ по временамъ могу заходить къ вамъ.» — Тупъ въ глазахъ Лизиныхъ блеснула радость, которую она щещенно сокрыла; щеки ея пылали какъ заря въ ясный, лѣтній вечеръ; она смо-

прѣла на лѣвый рукавъ свой, и щипала его правою рукою. Спарушка съ охотою приняла сіе предложеніе, не подозревая въ немъ никакого худаго намѣренія, и увѣряла незнакомца, что положно, вышканное Лизой, и чулки, вывезенные Лизой, бываютъ ошмѣнно хороши, и носятся долѣе всякихъ другихъ. — Синамовилюсь шемно, и молодой человекъ хотѣлъ уже идти. «Да какъ же намъ называть тебя, добрый, ласковый баринъ?» спросила спаруха. Меня зовутъ Эрасиомъ ошмѣчать онъ. *Эрасиомъ*, сказала шихонько Лиза—*Эрасиомъ*! Онъ разъ пять повторила сіе имя, какъ будто бы спараясь зашвердить его. — Эрасиъ проснился съ ними до свиданія, и пошелъ. Лиза провожала его глазами, а мать сидѣла въ задумчивости, и взявъ за руку дочь свою, сказала ей: «Ахъ, Лиза! какъ онъ хорошъ и добръ! Еслили бы женихъ твой былъ шаковъ!» Все Лизино сердце зашверенило. *Матушка! матушка! какъ этому статься? Онъ баринъ; а между крестьянами* — Лиза не договорила рѣчи своей.

Тенерь чинашель долженъ зашпъ, что сей молодой человекъ, сей Эрасиъ былъ довольно богатый дворяниъ, съ изряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ, добрымъ опъ природы, но слабымъ и въшренымъ. Онъ велъ разшъ-линую жизнь, думалъ только о своемъ удовольствіи, искалъ его въ свѣтскихъ забавахъ, но часто не находилъ: скучалъ и жаловался на судьбу свою. Красона Лизы при первой встрѣчѣ сдѣлала впечатлѣніе въ его серд-

цѣ. Онѣ читывалъ романы, пдклдін; имѣлъ довольно живое воображеніе, и часто переселялся мысленно въ нѣ времена, (бывшія или не бывшія) въ копорья, еспыли вѣрннѣ Спнхонворцамъ, все люди безнечн гуляли по лугамъ, купались въ чистыхъ пемочникахъ, цѣловались какъ герлицы, ондыхали подъ розами и миршамн, и въ щастливой праздности все дни свои провождали. Ему казалось, что онѣ нашелъ въ Лизѣ то, чего сердце его давно искало. «Наспура призываетъ меня въ свои объятія, къ чистымъ своимъ радостямъ» — думалъ онѣ, и рѣшился — но крайней мѣрѣ на время — оставить большой свѣтъ.

Обратимся къ Лизѣ. Наспункла ночь — мать благословила дочь свою и пожелала ей крошечкаго сна; но на сей разѣ желаніе ея не исполнилось: Лиза снала очень худо. Новый госнѣ души ея, образъ Орасновъ сноль живо ей преденавлялся, что она почти всякую мину просыналась, просыналась и вздыхала. Еще до восхожденія солнечнаго Лиза вснала, сонла на берегъ Москвы рѣки, съла на правѣ, и подгорюнившись смопрѣла на бѣлые шуманы, копорые волновались въ воздухѣ, и подымаеь вверхъ, оснавлили блесняція капли на зеленомъ покровѣ Наспуры. Вездѣ царшвовала тишина. Но скоро восходящее свѣтло дня пробудило все швореніе: роши, кушочки оживились; ппички вспорхнули и зашлы; цвѣтны подняли свои головки, чтообы панимаеь животворными лучами свѣта. Но Лиза все еще

сидѣла подгориюившись. Ахъ .Лиза, .Лиза! чпо съ побою сдѣлалось? До сего времени, просынаясь вмѣстѣ съ пичками, ны вмѣстѣ съ ними веселилась утпромъ, и чиевая, радостная душа свѣтилась въ глазахъ твоихъ, подобно какъ солнце свѣтилося въ капляхъ росы небесной; но теперь ны задумчива, и общая радость Природы чужда твоему сердцу.—Между тѣмъ молодой напухъ по берегу рѣки гналъ стадо, играя на свирѣли. .Лиза усеремила на него взоръ свой и думала: «Еснѣли бы поитъ, кпо занима-
«снѣ теперь мысли мои, рождснѣ былъ про-
«спымъ крснѣяниномъ, напухомъ,—и еснѣли
«бы онъ теперь мимо меня гналъ стадо свое: ахъ!
«я поклонилась бы ему съ улыбкою, и сказала
«бы привѣтливо: Здравствуй, любезный напу-
«шокъ! куда гонитъ ты стадо свое? И здѣсь ра-
«стетъ зеленая трава для овецъ твоихъ; и здѣсь
«цвѣтутъ цвѣты, изъ которыхъ можно сплести
«свѣнокъ для шляпы твоей. Онъ взглянулъ бы
«на меня съ видомъ ласковымъ — взять бы,
«можснѣ бышь, руку мою.... Мечна!» Напухъ,
играя на свирѣли, пошелъ мимо, и съ не-
стрымъ снадомъ своимъ скрылся за ближ-
нимъ холмомъ.

Вдругъ .Лиза услышала шумъ веселья—взглянула на рѣку и увидѣла лодку, а въ лодкѣ — Эраспа.

Всѣ жилки въ ней забились, и конечно не опъ спреха. Она вспала, хотѣла пинни, но не могла. Эраспъ выскочилъ на берегъ, подошелъ къ .Лизѣ и — мечна ея опчасни испол-

нилась: ибо онъ взглянулъ на нее съ видомъ ласковымъ, взялъ ее за руку.... А Лиза, Лиза спожала съ попухленивымъ взоромъ, съ огненными щеками, съ пренесущимъ сердцемъ — не могла отпизать у него руки — не могла онворопииться, когда онъ приближался къ ней съ розовыми губами своими.... ахъ! онъ поцѣловалъ ее, поцѣловалъ съ такимъ жаромъ, что вся вселенная показалась ей въ огнь горящую! *Милая Лиза!* сказалъ Эрасмъ: *милая Лиза!* я люблю тебя! и сии слова опозвались во глубинѣ души ея, какъ небесная, восхищительная музыка; она едва смѣла вѣрнить ушамъ своимъ и.... Но я бросаю кинь. Скажу только, что въ сию минуу воспорга пезала Лизина робость — Эрасмъ узнать, что онъ любимъ, любимъ спрашно новымъ, чистымъ, онкрытымъ сердцемъ.

Они сидѣли на правѣ, и шакъ, что между ими оспавалось не много мѣсна — смонрѣли другъ другу въ глаза, говорили другъ другу: *любви меня!* и два часа показались имъ мигомъ. Наконецъ Лиза вспомнила, что мань ея можеть объ ней безпокониться. Надлежало распанься. *Ахъ, Эрасмъ!* сказала она: *всегда ли ты будешь любить меня?* Всегда, *милая Лиза, всегда!*» отвѣчалъ онъ. — *И ты можешь мнѣ дать съ этомъ клятву?*—«Могу, *любезная Лиза, могу!*» — *Шить!* мнѣ не надобно клятвы. *Я вѣрю тебѣ, Эрасмъ, вѣрю.* Уже ли ты обманешь бѣдную Лизу? Вѣдь этому не лъзя быть?— «Не лъзя, не лъзя, *милая Лиза!*» — *Какъ я*

пастыша! и какъ обрадуется матушка, когда узнаетъ, что ты меня любишь! — «Ахъ итъшь, Лиза! ей не надобно ничего сказывать.» — Для чего же? — «Снарые люди бывають подозрительны. Она вообразишь себѣ что нибудь худое.» — Не лъзя статься. — «Однакожь прошу тебѣ не говоришь ей объ этомъ ни слова.» — Хорошо; надобно тебѣ послушаться, хотя мнѣ не должно бы ничего тайны отъ нее. — Они проснились, поцѣловались въ послѣдній разъ, и обѣщались всякой день въ ввечеру видѣться, или на берегу рѣки, или въ березовой рощѣ, или гдѣ нибудь близъ Лизинной хижинны, только вѣрно, непременно видѣться. Лиза пошла, но глаза ея сно разъ обращались на Драсна, кошорый все еще сноялъ на берегу и смолръѣлъ въ слѣдъ за нею.

Лиза возвращилась въ хижину свою совсѣмъ не въ такомъ расположеніи, въ какомъ изъ нее вышла. На лицѣ и во всѣхъ ея движеніяхъ обнаруживалась сердечная радость. Она меня любитъ! думала она, и восхищалась сею мыслію. «Ахъ матушка!» сказала Лиза манери своей, кошорая лишь только проснулась. «Ахъ матушка! какое прекрасное утро! Какъ все весело въ полѣ! Никогда жаворонки такъ хорошо не пѣвали; никогда солнце такъ свѣтло не сіяло; никогда цвѣтны такъ пріятно пахли!» — Снарушка, поднираясь клоккою, вышла на дугъ, чинобы насладиться утромъ, кошорое Лиза такими прелесными красками описывала. Оно въ самомъ дѣлѣ показалося ей

онимъно пріятнымъ; любезная дочь весельемъ своимъ развеселяла для нее всю Пануру. «Ахъ Лиза!» говорила она: «какъ все хорошо у Господа Бога! Шесной десянокъ доживаю на свѣтъ, а все еще не могу наглядѣться на дѣла Господни; не могу наглядѣться на чистое небо, похожее на высокой панеръ, и на землю, которая всякой годъ новою правою и новыми цвѣтами покрывается. Надобно, чтобы Царь небесный очень любить человека, когда онъ такъ хорошо убралъ для него здѣшній свѣтъ. Ахъ, Лиза! кно бы заховѣть умерень, еснѣли бы иногда не было намъ горя?... Видно такъ надобно. Можентъ бынѣ, мы забыли бы душу свою, если бы изъ глазъ нашихъ никогда слезы не какали.» А Лиза думала: *ахъ! я скорѣе забуду душу свою, нежели милаго моего друга!*

Послѣ сего Эрасмъ и Лиза, боясь не сдержанъ слова своего, всякой вечеръ видѣлись (иногда, какъ Лизина мать ложилась спать) или на берегу рѣки, или въ березовой рощѣ, но всего чаще подъ нѣжно сполѣвшихъ дубоеъ (саженяхъ въ осмидесяти онъ хижинѣ) — дубовъ, освѣщающихъ глубокой, чистой прудъ, еще въ древнія времена ископанный. Тамъ часто тихая луна, сквозь зеленныя вѣтви, посребряла лучами своими свѣтлыя Лизины волосы, которыми играли Зефиры и рука милаго друга; часто лучи сіи освѣщали въ глазахъ нѣжной Лизы блестящую слезу любви, осуша-

ему всегда Эрасповымъ поцѣлуемъ. Они обнимались — по цѣломудренной, снѣдливой Цинніи не скрывалась онь ихъ за облако; чисты и непорочны были ихъ обьянія. «Когда оны, говорила Лиза Эраспу, когда ны скажешь мнѣ: *люблю тебя, другъ мой!* когда прижмешь меня къ своему сердцу, и взглянешь на меня умильными своими глазами: ахъ! тогда обываешь мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо, чиню я себя забываю, забываю все, кромѣ — Эраспа. Чудно! чудно, мой другъ, чиню я, не зная тебя, могла жить спокойно и весело! Теперь мнѣ эню не спокойно; теперь думаю, чиню безъ тебя жизнь не жизнь, а грусть и скука. Безъ глазъ пвонхъ немень свѣтлой мѣсяцъ; безъ пвогого голоса скучеи соловей споющій; безъ пвогого дыханія въперокъ мнѣ неиріишеи.» — Эраспъ восхищался своей наемучкой — такъ называть Лизу — и видя, сколь она любишь его, казался самъ себѣ любезнѣе. Въ блестящія забавы большаго свѣта предснавлялись ему ничтожными въ сравненіи съ нѣми удовольствіями, коими страстная дружба невинной души нинала сердце его. Съ ошвращеніемъ помышлять онъ о презрительномъ сладоспращеніи, коимъ прежде ушивались его чувенва. «Я буду жить съ Лизою, какъ бранъ съ сесирою (думать онь): не уопреблю во зло любви ея, и буду всегда щастливъ!» — Безразсудной, молодой человекъ! знаешь ли ны свое сердце? Всегда ли

можешь опивѣчать за свои движенія? Всегда ли разсудокъ еси царь чувствъ твоихъ?

Лиза требовала, чтобы Эрасмъ часто посѣщалъ мать ея. «Я люблю ее, говорила она, и «хочу ей добра; а мнѣ кажется, что видѣть «себя еси великое благополучіе для всяка-«го.» — Снарушка въ самомъ дѣдѣ всегда радовалась, когда его видѣла. Она любила говорить съ нимъ о покойномъ мужѣ, и рассказывать ему о дняхъ своей молодости: о томъ, какъ она въ первый разъ влюбилась съ милымъ своимъ Иваномъ, какъ онъ полюбилъ ее, и въ какой любви, въ какомъ согласіи жилъ съ нею. «Ахъ! мы никогда не могли другъ на друга наглядѣться, — до самаго того часа, какъ люная смерть подкосила ноги его. Онъ умеръ на рукахъ моихъ!» — Эрасмъ слушалъ ее съ непринимчивымъ удовольствіемъ. Онъ покупалъ у нее Лизину рабену, и платилъ всегда платинъ въ десять разъ дороже назначаемой ея цѣны; но снарушка никогда не брала лишняго.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько недѣль. Однажды ввечеру Эрасмъ долго ждалъ своей Лизы. Наконецъ пришла она, но такъ не весела, что онъ испугался; глаза ея онъ слезъ покрасѣли. *Лиза, Лиза! что съ тобою случилось?* — *Ахъ, Эрасмъ! я плакала!* — *О чемъ? что такое!* — «Я должна сказать тебѣ все. За меня сватается женихъ, сынъ богатаго крестьянина изъ сосѣдней деревни; малушка хочешь, чтобы я за него вышла.» — *И ты со-*

гласишься? — «Жестокое! можешь ли объ-
яснить спрашиваешь? Да мнѣ жаль манушки;
она плачетъ, и говоритъ, что я не хочу ея
спокойствія; что она будетъ мучиться при
смерти, еслили не выдастъ меня при себѣ за-
мужъ. Ахъ! манушка не знаетъ, что у меня
есть такой милой другъ!» — Урастъ цѣловать
Лизу; говорить, что ея счастье дороже ему
всего на свѣтѣ; что по смерти манеры ея онъ
возьметъ ее къ себѣ, и будетъ жить съ нею
неразлучно, въ деревнѣ и въ дремучихъ лѣ-
сахъ, какъ въ раю. — «Однакожь тебѣ не лѣзя
быть моимъ мужемъ!» сказала Лиза съ тихимъ
вздохомъ. — *Но чему же?* — «Я крестьянка.» —
*Ты обѣщаешь меня. Для твоего друга важнее
всего душа, чувствительная, невинная душа, —
и Лиза будетъ всегда ближайшая къ моему серд-*
цу.

Она бросилась въ его объятія — и въ сей
часъ надлежало погибнуть непорочно! —
Урастъ чувствовать необыкновенное волненіе
въ крови своей — никогда Лиза не казалась
ему столько прелестною — никогда ласки ея не
пророгали его такъ сильно — никогда ея поцѣ-
луи не были столько пламенны — она ничего
не знала, ничего не подозрѣвала, ничего не
боялась — мракъ вечера пиналъ желанія — ни
одной звѣздочки не сіяло на небѣ — никакой
лучъ не могъ освѣтить заблужденія. — Урастъ
чувствуетъ въ себѣ трепетъ — Лиза также,
не зная, отъ чего — не зная, что съ нею дѣ-

дается.... Ахъ Лиза, Лиза! гдѣ Ангелъ хранитель твой? Гдѣ — твоя невинность?

Заблужденіе прошло въ одну минуту. Лиза не понимала чувствъ своихъ, удивлялась и спрашивала. Эрасмъ молчалъ — искалъ словъ, и не находилъ ихъ. «Ахъ! я боюсь (говорила Лиза), боюсь того, что случилось съ нами! Мнѣ казалось, что я умираю; что душа моя... И ты, не умѣя сказать этого!... Ты молчишь, Эрасмъ? вздыхаешь?... Боже мой! что такое!» — Между тѣмъ блеснула молнія и грянулъ громъ. Лиза вся задрожала. Эрасмъ, Эрасмъ! сказала она: мнѣ страшно! Я боюсь, чтобы громъ не убилъ меня, какъ преступницу! Грозно шумѣла буря; дождь лился изъ черныхъ облаковъ — казалось, что Пашура сновала о потерянной Лизиной невинности. — Эрасмъ старался успокоить Лизу, и проводилъ ее до книжны. Слезы капались изъ глазъ ея, когда она прощалась съ нимъ. Ахъ, Эрасмъ! усмирь меня, что мы будемъ по прежнему счастливы! — «Будемъ, Лиза, будемъ!» отвѣчалъ онъ. — *Гай Богъ! Мнѣ не лѣзя не вѣрить словамъ твоимъ: вѣдь я люблю тебя! Только въ сердцѣ моемъ... Но полно! Прости! Завтра, завтра увидимся.*

Свиданія ихъ продолжались; но какъ все переменилось! Эрасмъ не могъ уже доволенъ быть одними невинными ласками своей Лизы — одними ея любви исполненными взорами — однимъ прикосновеніемъ руки, однимъ поцѣлуемъ, одними чистыми обѣщаніями. Онъ желалъ больше, больше, и наконецъ ничего желать не

могъ — а кѣно знаешь сердце свое, кѣно размышлять о свойствѣхъ и вѣжливѣхъ его удовольствій, поить конечно согласился со мною, что исполненіе *всѣхъ* желаній есть самое опасное искушеніе любви. Лиза не была уже для Эрасма симъ Ангеломъ непорочности, который прежде восналять его воображеніе и восхищать душу. Платоническая любовь уснунула мѣсто такимъ чувствамъ, которыми онъ не могъ гордиться, и которыми были для него уже не новы. Чѣно принадлежешь до Лизы, но она, совершенно ему отдавшись, имъ только жила и дышала, во всемъ какъ агентъ повиновалась его волѣ, и въ удовольствіи его полагала свое спасеніе. Она видѣла въ немъ перемѣну, и часто говорила ему: *Прежде бывалъ ты веселъ; прежде бывали мы покойнѣе и щастливѣе; и прежде я не такъ боялась потерять любовь твою!* — Иногда, прощаясь съ нею, онъ говорилъ ей: *Застра, Лиза, не могу съ тобою видѣться: мнѣ вступилось важное дѣло* — и всякой разъ при сихъ словахъ Лиза вздыхала.

Наконецъ нѣнѣ дней сряду она не видала его, и была въ величайшемъ безпокойствѣ; въ шестой пришелъ онъ съ печальнымъ лицомъ и сказалъ ей: «Любезная Лиза! мнѣ должно на нѣсколько времени съ тобою расстаться. Ты знаешь, что у насъ война; я въ службу полкъ мой иду въ походъ.» — Лиза побѣдѣла, и едва не упала въ обморокъ.

Эрасмъ ласкалъ ее; говорилъ, что онъ всегда будетъ любить милую Лизу, и надеялся по воз-

вращеніи своемъ уже никогда съ нею не разскаиванься. Долго она молчала; попиомъ залилась горькими слезами, схватила руку его, и взглянувъ на него со всею иѣжностію любви, спросила: тебѣ не льзя остаться? «Могу, отвѣчалъ онъ, но только съ величайшимъ безславіемъ, съ величайшимъ пятномъ для моей чести. Все будуще презираю меня; все будуще гнушанься мною, какъ парусомъ, какъ недостоиньымъ сыномъ опечеснѣва.» *Ахъ!* когда такъ, сказала Лиза, то поѣзжай, поѣзжай, куда Богъ велитъ! Но тебя могутъ убитъ.—«Смерть за опечеснѣво не спрашна, любезная Лиза.»—*И умру, какъ скоро тебя не будетъ на свѣтѣ.* —«Но за чѣмъ это думаешь? И надѣюсь оспанься живъ, надѣюсь возвратишь къ тебѣ, моему другу.» — *Дай Богъ! дай Богъ! Всякой день, всякой часъ буду о томъ молиться. Ахъ!* для чего не умью ни читать, ни писать! Ты бы уведомлялъ меня обо всемъ, что съ тобою случится; а я писала бы къ тебѣ—о слезахъ своихъ!—«Итъ, береги себя, Лиза; береги для друга твоего. И не хочу, чинобы ты безъ меня плакала.» — *Жестокой человекъ! ты думаешь лишить меня и этой отрады! Итъ!* разстасишь съ тобою, разве тогда перестану плакать, когда высохнетъ сердце мое. — «Думай о пріятной минути, въ конорую мы оная увидимся.» — *Буду, буду думать объ ней! Ахъ!* если бы она пришла скорѣе! Любезный, милый Эрастъ! помни, помни свою бѣдную Лизу, которая любитъ тебя болѣе, нежели самое себя!

Но я не могу описатьъ всего, что они при семъ случаѣ говорили. На другой день надлежало быти послѣднему свиданію.

Эрасмъ хотѣлъ просишися съ Лизиною манерью, коюрая не могла оны слезъ удержанься, слыща, что ласковой, пригожей баринѣ ея долженъ ѣхать на войну. Оны принудить ее взяли у него нѣсколько денегъ, сказавъ: «Я не хочу, чтобы Лиза въ мое отсутствіе продавала работу свою, коюрая, по уговору, принадлежитъ мнѣ.» — Сударышка осыпала его благословеніями. «Дай Господи, говорила она, чтобы ты къ намъ благополучно возвратился, и чтобы я тебя еще разъ увидѣла въ здѣшней жизни! Авось-либѣ моя Лиза къ тому времени найдетъ себѣ жениха по мыслямъ. Какъ бы я благодарила Бога, если-либѣ ты пріѣхалъ къ нашей свадьбѣ! Когда же у Лизы будутъ дѣти, знай, баринѣ, что ты долженъ крестить ихъ! Ахъ! мнѣ бы очень хотѣлось дожить до этого!» — Лиза снюяла подлѣ манерн, и не смѣла взглянуть на нее. Чиншпель легко можетъ вообразить себѣ, что она чувствовала въ сію минуту.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эрасмъ, объявъ се въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ прижавъ къ своему сердцу, сказалъ: *прости, Лиза!*... Какая прогашельная картина! Утренняя заря, какъ алое море, разливалась по воспочному небу. Эрасмъ снюялъ подлѣ вѣтвями высокаго дуба, держа въ объятіяхъ своихъ блѣдную, помную, горестную подругу,

которая, прощаясь съ нимъ, прощалась съ душою своею. Вся Нанура пребывала въ молчаніи.

Лиза рыдала — Эрасмъ плакалъ — оставилъ ее — она ушла — села на козлы, подняла руки къ небу и смотрѣла на Эрасма, который удалялся — дайте — дайте и наконецъ скрылся — возсіяло солнце, и Лиза, оставленная, бѣдная, лишилась чувствъ и памяти.

Она пришла въ себя — и свѣтъ показался ей унылъ и печаленъ. Всѣ пріятности Нануры сокрылись для нее вмѣстѣ съ любезнымъ ея сердцу. «Ахъ! (думала она) для чего я осталась въ этой пустынь? Чѣмъ удерживаю меня лѣнны въ слѣдъ за милымъ Эрасмомъ? Война не спрашна для меня; спрашно намъ, гдѣ нѣтъ моего друга. Съ нимъ жить, съ нимъ умереть хочу, или смертию своею спасти его драгоценную жизнь. Поспой, поспой, любезный! я лечу къ тебѣ!» — Уже хотѣла она бѣжать за Эрасмомъ; но мысль: у меня есть мать! остановила ее. Лиза вздохнула, и преклонивъ голову, тихими шагами пошла къ своей хижинѣ. — Съ сего часа дни ея были днями тоски и горести, которую надлежало скрывать отъ нѣжной матери: нѣтъ болѣе спрадало сердце ея! Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединясь въ густомъ лѣсѣ, могла свободно проливать слезы и снѣдаться о разлукѣ съ милымъ. Часно печальная горлица соединяла жалобный голосъ свой съ ея снѣданіемъ. Но иногда — хотя весьма рѣдко — зла-

пой лучъ надежды, лучъ утѣшенія, освѣщать мракъ ея скорби. Когда онъ возвратится ко мнѣ, какъ я буду счастлива! такъ все переменится! онъ сей мысли прояснялся взоръ ея, розы на щекахъ освѣжились, и Лиза улыбалась, какъ Майское утро послѣ бурной ночи. — Такимъ образомъ прошло около двухъ мѣсяцевъ.

Въ одинъ день Лиза должна была идти въ Москву, за нѣмъ, чинобы купить розовой воды, которою мать ея лечила глаза свои. На одной изъ большихъ улицъ встрѣтилась ей великолѣпная карена, и въ сей карену увидѣла она — Эрасма. Ахъ! закричала Лиза, и бросилась къ нему; но карена проѣхала мимо и поворочила на дворъ. Эрасмъ вышелъ, и хотѣлъ уже идти на крыльцо огромнаго дому, какъ вдругъ почувствовалъ себя въ Лизиныхъ объятіяхъ. Онъ поблѣднѣлъ — пономъ, не отвѣчая ни слова на ея восклицанія, взялъ ее за руку, привелъ въ свой кабинетъ, заперъ дверь, и сказалъ ей: Лиза! обстоятельство переменилось; я помолвилъ жениться; ты должна оставить меня въ покоѣ, и для собственнаго своего спокойствія забыть меня. Я любилъ тебя, и теперь люблю, то есть, желаю тебѣ всякаго добра. Вотъ сто рублей — возьми ихъ (онъ положилъ ей деньги въ карманъ) — позволь мнѣ поцѣловать тебя въ послѣдній разъ — и поди домой. — Прежде нежели Лиза могла опомниться, онъ вывелъ ее изъ кабинета, и сказалъ слугѣ: проводи эту дѣвушку со двора.

Сердце мое обливается кровію въ сію мину-

пу. Я забываю человека въ Эрасмъ — гошовъ проклинаю его — но языкъ мой не двинулся — сморю на небо, и слеза каинишя — по лицу моему. Ахъ! для чего пишу не романъ, а печальную быль?

И такъ Эрасмъ обманулъ Анну, сказавъ ей, что онъ ѣдетъ въ армию? — Итъ, онъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ арміи; но въспомни того, чтобы сражаться съ непріятелемъ, играть въ карты и проиграть почти все свое имѣніе. Скоро заключили миръ, и Эрасмъ возвратился въ Москву опятченый долгами. Ему оставался одинъ способъ поправить свои обстоятельства — женился на пожилой, богатой вдовѣ, которая давно была влюблена въ него. Онъ рѣшился на то, и переехалъ жить къ ней въ домъ, посвятивъ некротическій вздохъ Аннѣ своей. Но все сіе можетъ ли оправдать его?

Анна очутилась на улицѣ, и въ такомъ положеніи, котораго никакое перо описать не можетъ. *Онъ, онъ выгналъ меня? Онъ любитъ другую? я погибла!* вопль ея мысли, ея чувства! Жестокой обморокъ прервалъ ихъ на время. Одна добрая женщина, которая шла по улицѣ, остановилась надъ Анною, лежавшею на землѣ, и старалась привести ее въ память. Несчастная открыла глаза — всматривалась съ помощію сей доброй женщины, — благодарила ее, и пошла, сама не зная, куда. «Мнѣ не лѣзя жить (думала Анна) не лѣзя!.... О, если бы узнаю

на меня небо! Еспыли бы земля поглотила бѣдную!.... Пыпъ! небо не падаетъ; земля не колеблется! Горе мнѣ!» — Она вышла изъ города, и вдругъ увидѣла себя на берегу глубокаго пруда, подъ шѣвною древнихъ дубовъ, которые за нѣсколько пядей передъ пѣмъ были безмолвными свидѣтелями ея воспорговъ. Сіе воспоминаніе попрясло ея душу; спрашивъшее сердечное мученіе изобразилось на лицѣ ея. Но черезъ нѣсколько минутъ погрузилась она въ нѣконорую задумчивость—осмотрѣла вокругъ себя, увидѣла дочь своего сосѣда (пятнадцатилѣтнюю дѣвушку) идущую по дорогѣ — кликнула ее, вынула изъ кармана десять имперіаловъ, и, подавая ей, сказала: «Любезная Анюша, любезная подружка! опиши эти деньги къ маушкѣ — они не краденныя — скажи ей, что Лиза проинивъ нее винована; что я знала онѣ нее любовь свою къ одному же — спокому челоуѣку, — къ Э... Начио знашь его имя? — Скажи, что онѣ измѣнилъ мнѣ — попроси, чтобы она меня проснила — Богъ будетъ ея помощникомъ — поцѣлуй у нее руку, — скажи, какъ я теперь нвою цѣлую — скажи, что бѣдная Лиза велѣла поцѣлованъ ее — скажи что я...» Тутъ она бросилась въ воду. Анюша закричала, заплакала, но не могла спасти ее; побѣжала въ деревню — собралась люда, и вытащили Лизу; но она была уже мертвая.

Такимъ образомъ скончала жизнь свою прекрасная душею и пѣломъ. Когда мы тамъ, въ новой жизни увидимся, я узнаю шебя, нѣжная Лиза!

Ее погребли близъ пруда, подъ мрачнымъ дубомъ, и поставили деревянный крестъ на ея могилѣ. Тутъ часно сижу въ задумчивости, опершись на вѣтшилице Лизина праха; въ глазахъ моихъ спрунтся прудъ; надо мною шумятъ листья.

Лизина мать услышала о спрашной смерти дочери своей, и кровь ея онъ ужаса охладѣла — глаза на вѣкъ закрылись. — Хижина опустилась. Въ ней вошъ выперъ, и суетьные поселене, слыша по почамъ сей шумъ, говорятъ: *тамъ стонетъ мертвецъ; тамъ стонетъ бѣдная Лиза!*

Эрастъ быть до конца жизни своей несчастливъ. Узнавъ о судьбѣ Лизиной, онъ не могъ утѣшиться, и починалъ себя убійцею. Я познакомился съ нимъ за годъ до его смерти. Онъ самъ разсказалъ мнѣ сію испорію и привелъ меня къ Лизиной могилѣ. — Теперь, можетъ быть, они уже примирились!

г. 1792.

ПРЕКРАСНАЯ ЦАРЕВИЦА

II

ЩАСТЛИВОЙ КАРЛА.

СТАРИННАЯ СКАЗКА, ИЛИ НОВАЯ КАРРИКАТУРА.

—

О вы, некрасивые сыны человечества, безобразныя творенія шумливой Пашуры! вы, которые ни въ чемъ не можете служить образцомъ художнику, когда онъ хочетъ представить изящность человеческой формы! вы, которые жалуетесь на Природу, и говорите, что она не дала вамъ способовъ правиться, и заградилъ для васъ источникъ сладчайшаго удовольствія въ жизни — источникъ любви! не опечаливайтесь, друзья мои, и вѣрьте, что вы еще можете быть любезными и любимыми; что услужливые Зефиры могутъ или завтра могутъ принести къ вамъ какую нибудь прелестную Деву, которая съ веселогромъ бросится въ объятія ваши, и скажетъ, что быть ничего милѣе васъ не можетъ. — Выслушайте слѣдующую повѣсть.

Въ нѣкогдашнемъ царствѣ, въ нѣкогдашнемъ государствѣ жилъ-былъ Царь доброй чело-
вѣкъ, оцень единыя дочери, Царевны прекрасной,

милой сердцу роднителя, любезной всякому чувствительному сердцу, рѣдкой, несравненной. Когда Царь доброй человекъ, одѣянный богатою багряницею, увѣнчанный вѣнцемъ сафирорубинымъ, сидѣлъ на высокомъ тронѣ среди народнаго множества, и держа въ правой рукѣ златой скипетръ, судилъ съ правдою своихъ подданныхъ; когда, воздыхая изъ глубины сердца, изрекалъ приговоръ должнаго наказанія: тогда являлась прекрасная Царевна, смирѣла прямо въ глаза роднителю, подымала блвую руку свою, просиявала ее къ судящему — и насурное лице правосудія вдругъ озарялось солнцемъ милосердія — виновный, спасенный ею, клялся въ душѣ своей быти съ того времени добрымъ подданнымъ Царя добраго. Бѣдный ли приближался къ Царевнѣ? она помогала ему — печальный ли проливать слезы? она утишала его. Всѣ сироты въ просиянной обласни Царя добраго человека называли ее манерью; и даже нѣ, которыхъ сама Царица угнетала — нещасные, лишенные здравія, облегчались съ кѣрнительною рукою: ибо Царевна совершала знала науку врачеванія, тайныя силы травъ и минераловъ, росъ небесныхъ и ключей подземныхъ. Такова была душа Царевни. Тѣлесную красоту ея описывали всѣ снхотворцы тогдашнихъ времянь какъ лучшее произведение искусной Природы — а снхотворцы были тогда не такіе льстецы, какъ нынѣ; не называли они чернаго бѣлымъ, карлы великаномъ, и безобразія примѣромъ снройности. Въ

древнемъ книгохранилищѣ удалось мнѣ найти одно изъ сихъ описаній — вотъ вторій переводъ его:

«Не такъ пріятна полная луна, восходящая на небѣ между безчисленными звѣздами, какъ пріятна наша милая Царевна, гуляющая по зеленымъ лугамъ съ подругами своими; не такъ прекрасно сіяютъ лучи свѣтлаго мѣсяца, посеребряя волнистые края съдыхъ облаковъ ночи, какъ сіяютъ златныя власы на плечахъ ея; ходитъ она какъ гордой лебедь, какъ любимая дочь Неба; лазурь эфирная, на которой блистаетъ звѣзда любви, звѣзда вечерняя, есть образъ несравненныхъ глазъ ея; тонкія брови какъ радуги изгибающіяся надъ ними; щеки ея подобны бѣлымъ лиліямъ, когда умиренная зрѣя краснѣтъ ихъ алымъ цвѣтомъ своимъ; когда же оживляющіяся и пылкія уста прекрасной Царевны, два ряда чистѣйшихъ жемчужинъ прельщаютъ зрѣніе; два холмика, вѣчнымъ пухомъ покрытые... Но кто опишетъ все красоты ея?»

Крылатая богиня, называемая Слагою, была и въ тѣ времена такъ же словоохотна, какъ нынѣ. Летая по всей подсолнечной, она рассказывала чудеса о прекрасной Царевнѣ, и не могла объ ней наговориться. Изъ-за придевящихъ земель прѣзжали Царевичи видѣть красавицу ея — разбивали высокіе шатры передъ каменнымъ дворцомъ Царя добраго человека, и приходили къ нему съ поклономъ. Онъ зналъ причину ихъ посѣщенія, и радовался сердечно,

желая доснойнаго сѹруга милой своей дочери. Они видѣли прекрасную Царевну, и воспламенялись любовію. Каждый изъ нихъ говорилъ Царю доброму человеку: «Царь доброй человекъ! Я сирѣхалъ изъ-за придевянии земля, придесяснаго царства; оиенъ мой владѣнъ народомъ безчисленнымъ, землею прекрасною; высоки шерема наши: въ нихъ сѣенъ серебра и золота, опливашутъ разноцвѣтныя барханы— «Царь! оидай за меня дочь свою!» — *Ищи любви ся!* оиивчалъ онъ, и все Царевичи оиивались во дворцъ его; шли и ѣли за столомъ дубовымъ, за сканерикью браною, вѣснѣ съ Царемъ и съ Царевною. Каждый изъ нихъ смотрѣлъ умилыми глазами на прекрасную, и взорами своими говорилъ весьма ясно: *Царевна! полюби меня!* Надобно знанъ, что любовники были въ шарину робки и снѣдливы какъ красныя дѣвушки, и не смѣли словесно изъяснянъ ся съ владычцами сердецъ своихъ. Въ наши времена они гораздо смѣлѣе; но за то *краснорѣчїе влоросъ* немнѣла нѣтъ почти всю силу. Обожатели прекрасной Царевны употребляли еще другой способъ къ изъясненію своей снрашн — способъ, который также вышелъ у насъ изъ моды. А именно, всякую ночь ходили они подъ окно Царевича шерема; играли на бандурахъ и пѣли тихимъ голосомъ жалобныя пѣсни, сочиненныя снхонворцами ихъ земель; каждый купленъ заключался глубокими вздохами, которые и каменное сердце могли бы пронунъ и размягчить до слезъ. Когда

пять, десять, двадцать любовниковъ сходились намъ въ одно время, тогда они бросали жеребей, кому пять прежде, и всякой въ свою очередь начинать восхващать сердечную муку; другіе же, поджавъ руки, ходили взадъ и впередъ, и помахивали на окно Царевнино, которое однакожь ни для кого изъ нихъ не освѣщалось. Пономъ всѣ они возвращались въ свои манеры, и въ глубокость снѣ забывали любовное горе.

Такимъ образомъ проходили дни, недѣли и мѣсяцы. Прекрасная Царевна изглядывала на много и на другаго, на ирениаго и на чеквернаго — но въ глазахъ ея не видно было ничего, кромѣ холоднаго равнодушія къ жеснамъ ея, Царевичамъ и Королевичамъ. Наконецъ всѣ они прислушались къ Царю Доброму челоовку, и потребовали единодушно, чинабы прекрасная дочь его объявила пуржескивенно, кно изъ нихъ правель сердцу ея. «Добольно пожили мы въ каменномъ дворцѣ нвсемъ, говорили они: нобли хлѣба-соли нвосей, и меду сладкаго не одну бочку опорожили; время возвращиелься намъ во свои снраны, къ ошцамъ, мансерамъ и родивель сеснраамъ. Царь добрый челоовекъ! мы хошумъ ведннъ, кно изъ насъ будетъ зянемъ и воинъ.» Царь ошвѣчалъ имъ сими словами: «Любелые госики! ссншли бы вы и нѣ-есколько лнть прожили во дворцѣ моемъ, но конечно бы не наскучили хозяину; но не хошу удерживать васъ противъ воли вашей, и спойду нснерь же къ Царевнѣ. Не могу ни въ

«чемъ принуждаешь ее; но кого она выберетъ,
«иошъ получишь за нею въ приданое все цар-
«ство мое, и будешь моимъ сыномъ и наслед-
«никомъ.» — Царь пошелъ въ перемъ къ до-
чери своей. Она сидѣла за няльцами и шила
золотомъ; но увидѣвъ родителея, вспала и по-
цѣловала руку его. Онъ сѣлъ подлѣ нее, и ска-
залъ ей словами ласковыми: «Милая, разумная
«дочь моя, *прекрасная Царевна!* ты знаешь, чпо
«у меня нѣтъ дѣтей, кромѣ тебя, свѣта очей
«моихъ; родъ нашъ долженъ царствовать и
«въ будущіе вѣки: пора тебѣ о женихѣ ду-
«мать. Давно живутъ у насъ Царевичи и прель-
«щающіея красоюю пвоею: выбери изъ нихъ
«супруга, дочь моя, и утѣши отца своего!» —
Царевна долго сидѣла въ молчаніи, пошупивъ
въ землю голубые глаза свои; наконецъ под-
няла ихъ и усмремила на родителея — шупъ
двѣ блестящія слезы скатились съ алыхъ щекъ
ея, подобно двумъ дождевымъ каплямъ, свѣва-
емымъ съ розы дуновеніемъ зефира. «Любезной
«родитель мой!» сказала она тяжкимъ голо-
сомъ: «будешь мнѣ время горевать за мужемъ.
«Ахъ! и нищички любяшъ волю, а замужняя
«женщина не имѣетъ ее. Теперь я живу и ра-
«дуюсь; нѣтъ у меня ни заботъ, ни печали;
«думаю только о томъ, чпобы угождать мо-
«ему родителю. Не могу ни чѣмъ опорочить
«Царевичей; но позволь, позволь мнѣ оснаться
«въ дѣвическомъ моемъ перемѣ!» — Царь до-
брой *человѣкъ*, прослезился. «Я тяжкой опецъ,
«а не шираю швой, отвѣчалъ онъ Царевичъ:

«благоразумные родители могутъ управлять склонностями дѣтей своихъ, но не могутъ ни возбуждать, ни перемѣнять оныхъ—накъ искусный кормчій управляетъ кораблемъ, но не можетъ сказать нишени: *превратися въ вѣтеръ!* или восточному вѣтру: *бѣдь западнѣмъ!*» — Царь добрый человекъ обнявъ дочь свою, вышелъ къ Принцамъ, и сказать имъ съ печальнымъ видомъ и со всевозможною учинивостию, что прекрасная Царевна ни для кого изъ нихъ не хочетъ оставити дѣвческаго своего шерема. Всѣ Царевичи пріуныли, придумались и повѣсили свои головы: ибо всякой изъ нихъ надѣялся быти супругомъ прекрасной Царевны. Одинъ унылся бѣлымъ плащомъ, другой глядѣть въ землю, третій закрываетъ глаза рукою, четвертый щинаетъ на себѣ плащъ, пятый сползая прислоняся къ печкѣ и сморзѣть себѣ на носъ, подобно Индѣйскому Брамину, размышляющему о ещенствѣ души человѣческой; шестой — Но что въ сию минуту дѣлать шестой, седьмой и прочіе, о томъ молчали дѣлоуны. Наконецъ всѣ они вздохнули (накъ сильно, что едва не запряслись каменныя стѣны), и шомнымъ голосомъ принесли хозяину благодарности за угощеніе. Въ одно мгновеніе бѣлые плащи передъ дворцомъ исчезли — Царевичи сѣли на коней и съ грусти помчались во весь духъ, каждый своею дорогою; пыль поднялась столбомъ, и оная легла на свое мѣсто.

Въ Царскомъ дворцѣ шало все тихо и смир-

но, и Царь доброй человекъ принялся за обыкновенное дѣло свое, которое состояло въ томъ, чинить правили подданными какъ онѣсь правили дѣлами, и распространяли благоденствіе въ подвластной ему странѣ—дѣло нрудное, но святое и пріятное! Однакожь у хлѣбосала рѣдко бываешь безъ гостей — и скоро по отъѣздѣ Принцовъ пріѣхалъ къ Царю странствующій Астрологъ, Гимнософистъ, Магъ, Халдеѣ, въ высокой шапкѣ, на которой изображены были луна и звѣзды — прожилъ у него нѣсколько недѣль — водилъ за собой прекрасную Царевну, какъ должно уличному Кавалеру — шлъ и тѣлъ по-философски, но есъ, за пицерьхъ, и безиреснианно говорилъ объ умѣренности и воздержаніи. Царь собоудился съ нимъ ласково; спрашивалъ его о пророчесствіяхъ свѣта, о звѣздахъ небесныхъ, о рудахъ подземныхъ, о птицѣхъ воздушныхъ, и находилъ удовольствіе въ бесѣдѣ его. Къ чести сего странствующаго рыцаря должно сказать, что онъ имѣлъ многія историческія, физическія и философическія свѣдѣнія, и сердце человеческое было для него не совѣтъ *тарабарскою грамотою*—но есъ, онъ зналъ людей, и часно угадывалъ по глазамъ самыя сокровеннѣйшія ихъ чувства и мысли. Въ нѣнѣннее время называли бы его—не знаю, чѣмъ; но въ нюгдашнее называли мудрецомъ. Правда, что всякой новой вѣкъ приноситъ съ собою новое понятіе о семъ словѣ. — Сей мудрецъ, собравшись наконецъ ѣхать онъ Царя добрасо

человѣкъ, сказать ему сіи слова: «Въ благодар-
ность за твою ласку» — (и за твой дорогой
столъ, могъ бы онъ примолвить, — «онкрою
«тебѣ важную наину, важную для твоего
«сердца, Царь добрый человѣкъ! Ничего не со-
«крышно онъ моей мудрости; не сокрышна онъ
«мне и душа твоей дочери, прекрасной Царев-
«ны. Знаю, что она любитъ, и хочешь скрѣ-
«пить любовь свою. Распѣвай, цѣлующее во
«сраке, позабавитъ и лишается красоны сво-
«ей; любовь есть цѣль души. Я не могу
«сказать болѣе. Проси!» — Онъ пожатъ у
Царя руку, вышелъ, сѣлъ на осла и поѣхалъ
въ иную землю.

Царь доброй человѣкъ сновалъ въ изумленіи,
и не зная, что думать о словахъ мудрецо-
выхъ: вѣришь ли имъ, или не вѣришь, — какъ
вдругъ явилась Царевна, поздравила отца сво-
его съ добрымъ утромъ, и спросила, покойно
ли спать онъ въ прошедшую ночь? «Очень благо-
«койно, любезная дочь моя! (онъ началъ Царь до-
«брой человѣкъ.) Душу мою тревожили разные
«непріятные сны, изъ кошмаровъ одинъ оснал-
«ся въ моей памяти. Мнѣ казалось, что я вмѣ-
«стѣ со многими людьми пришелъ къ дикой
«щенерѣ, въ кошмарѣ смертные узнавали бу-
«дущее. Всякой изъ насъ желалъ о чемъ ни-
«будь спросить Судьбу; всякой по очереди во-
«шелъ въ сумрачной гротъ, освѣщенный одною
«лампадою, и писалъ на стѣнѣ вопросъ — че-
«резъ мину, на томъ же мѣстѣ, огненными
«буквами изображался отвѣтъ. Я хотѣлъ

«знаешь, скоро ли будушь у меня милая вну-
«чанка? и къ ужасу моему увидѣть сіи слова:
«можетъ быть никогда. Рука моя дрожала; но
«я написалъ еще другіе вопросы: Развѣ у до-
«чери моей каменное сердце? развѣ она никогда
«любить не будетъ? Последовать другой от-
«вѣтъ: Она уже любитъ, но не хочетъ от-
«крыть любви своей, и крушится тайно. Тунъ
«слезы покапались изъ глазъ моихъ; прону-
«щенное мое сердце излилось въ нѣжныхъ жало-
«бахъ на тебя, прекрасная Царевна! Чѣмъ я за-
«служилъ такую неискренность, такую недовѣ-
«ренность? Будетъ ли отецъ врагомъ любезной
«своей дочери? Могу ли противиться сердечному
«твоему выбору, милая Царевна? Не всегда ли
«желанія твои были мнѣ закономъ? Не бросался
«ли я на старости лѣтъ моихъ за твою бабич-
«скою, которую ты хвалила? Не собственною
«ли рукою поливалъ я тѣ истинки, которые
«тебѣ нравились?» — Тунъ Царевна запла-
«кала, схватила руку отца своего, поцѣловала
ее съ жаромъ — сказала: батюшка! батюшка!
—взглянула ему въ глаза, и ушла въ свой те-
ремъ.

«И такъ мудрецъ сказать мнѣ правду (раз-
«мышляя Цѣрь доброй челоюкѣ): она не могла
«скрыть своего внутренняго движенія. Же-
«снобая! думать ли я.... И для чего тайно?
«Для чего было не сказать, который изъ Ца-
«ревнчей любить ее сердце? Можетъ быть
«онъ не такъ богатъ, не такъ знатенъ, какъ
«другіе; но развѣ мнѣ надобны богатство и

«знаишность? Развѣ мало у меня серебра и золота? Развѣ онъ не будетъ славенъ по жемчугу своей? Надобно все узнать.» — Онъ уже минушу рѣшился итти къ прекрасной Царевнѣ; подошелъ къ дверямъ ея шерема, и услышалъ голосъ мушны, конорый говоритъ: «Нытъ, прекрасная Царевна! никогда отецъ шивой не согласишя признать меня зятемъ своимъ!» Сердце родишеля сильно запрепешало. Онъ распворилъ дверь.... Но какое перо опишетъ шеперь его чувствва? Чшо предсшавилось глазамъ его? Безобразной придворный карла, съ горбомъ напереди, съ горбомъ назади, обнималъ Царевну, копорая, проливая слезы, осьнала его сшрасшными поцѣлуями! — Царь ошменътъ. Прекрасная Царевна бросилась передъ нимъ на колѣни и сказала швердымъ голосомъ: «Родишель мой! умершви меня, или ошдай за любешнаго, милаго, безцѣннаго карла! Никогда не буду сшругою другаго. Душва моя живешъ его душею, сердце мое его сердцемъ. Въ жизни и въ смерти мы неразлучны.» — Между шѣмъ карла сшоялъ покойно, и сшопрѣлъ на Царя съ пошшеніемъ, но безъ робосши. Царь долго былъ неподвиженъ и безгласенъ. Наконецъ воскликнувъ: что я вижу? что слышу? ушалъ на кресла. Царевна обнимала его колѣни. Онъ взглянулъ на нее, шакъ, чшо прекрасная не могла сшесши сего взора, и пошупила глаза въ землю. Ты, ты.... Голосъ его перервался. Онъ пошопрѣлъ

на карлу — вскочилъ — хлопнулъ дверью и ушелъ.

«Какъ, какъ могла прекрасная Царевна полюбить горбашаго карлу?» спросилъ, или — не спросилъ чипанель. Великой Шекспиръ говорить, что причина любви бываетъ безъ причины: хорошо сказано для Поэта! но Психологъ пѣтъ не удовольствуется, и захочетъ, чтобы мы показали ему, какимъ образомъ родилась сія склонность, но видимому невѣроятная. Древній латинскій, въ изъясненіе какого нравственнаго феномена, говорятъ слѣдующее:

Придворной карла былъ человекъ ошмѣнно умной. Видя, что своеправная Пашура произвела его на свѣтъ маленькимъ уродцемъ, рѣшился онъ замѣнить нѣжные недосыанки душевными красонами — снать учинился съ величайшею прилѣжностію, читалъ древнихъ и новыхъ Авторовъ, и, подобно Ломискому Ритору Демосѣну, ходилъ на берегъ моря говорить волнамъ нынѣшныя рѣчи, имъ сочиняемыя. Такимъ образомъ скоро пріобрѣлъ онъ сіе великое, сіе драгоцѣнное искусство, коимъ покоряетъ сердца людей, и самого нечувствительнаго человека заснавляетъ плаканъ и смѣянъ — по дарованіе и по искусство, коимъ Оракійской Орфей нѣгнѣлъ и звѣрей и птицъ, и лѣса и камни, и рѣки и вѣтры — краснорѣчіе! Сверхъ того онъ имѣлъ пріятной голосъ, игралъ хорошо на арфѣ и гитарѣ, нѣлъ прогашельныя пѣсни своего сочиненія,

и могъ прекраснымъ образомъ оживлять по-
лотно и бумагу, изображая на нихъ или Геро-
евъ древности, или совершенство красоты
женской, или кристальные ручейки, осыпае-
мые высокими лвами, и призывающіе къ слад-
кой дремотѣ утомленнаго насмѣха съ насмѣш-
кою. Скоро слухъ о descriptions и палан-
тахъ чуднаго карла разнесся по всему городу
и всему государству. Всѣ искали его знаком-
ства: и старыя и молодыя, и мужчины и жен-
щины — однимъ словомъ, умной карла вошли въ
превеликую моду. Важная услуга, оказанная
имъ обществу... Но о семъ будемъ говорить
въ другомъ мѣсцѣ.

Когда прекрасной Царевнѣ было еще не болѣе
десяти или двѣнадцати лѣтъ онъ роду, ум-
ной карла ходилъ къ ней въ перемѣтѣ сказывать
сказки о благодѣтельныхъ Феяхъ и злыхъ волшеб-
никахъ — подъ именами первыхъ описывать
онъ святыя добродѣтели, копорыя дѣлаютъ
человѣка щастливымъ; подъ именами послѣд-
нихъ гибельные пороки, копорыя ядовитымъ
дыханіемъ своимъ превращаютъ цвѣтущую
долину жизни въ долину мрака и смерти. Ца-
ревна часно проливала слезы, слушая горе-
сныя похождения любезныхъ Принцовъ и
Принцессъ; но радость сіяла на прекрасномъ
лицѣ ея, когда они, преодолевъ наконецъ мно-
гочисленные искушенія рока, въ объяніяхъ
любви наслаждались всею полнопою земнаго
блаженства. Любя повѣснн краснорѣчиваго
карла, непримѣтно полюбила она и повѣснво-

вашеля, и проникательные глаза ея открыли въ немъ самомъ нѣтъ прогнательныя черны милой чувствительности, копорья украшали романическихъ его Героевъ. Сердце ея сдѣлало, шакъ сказанъ, нѣжную привычку къ его сердцу, у котораго научилось оно чувствовать. Самая наружность карлы стала ей пріятна, ибо сія наружность была въ глазахъ ея образомъ прекрасной души; и скоро показалось Царевичъ, что шонъ не можетъ быть красавцемъ, что росномъ выше двадцати пяти вершковъ, и у кого нѣтъ напередъ и назадъ горба. — Что принадлежитъ до нашего Героя, то онъ, не имѣя сѣбѣ самолюбія, никакъ не думалъ, чтобы Царевна могла имъ заняться; а потому и самъ былъ почти равнодушенъ къ ея прелестямъ: ибо любовь не рождается безъ надежды. Но когда въ мину живѣйшей симпатіи прекрасная сказала ему: *я люблю тебя!* когда вдругъ открылось ему поле такого блаженства, о которомъ онъ прежде и мечтать не осмѣливался: тогда въ душѣ его мгновенно восплали глубоководный искръ. Въ восторгъ бросился онъ на колѣни передъ Царевною, и воскликнулъ въ сладостномъ упоеніи сердца: *ты моя!* Правда, что онъ скоро образумился; вспомнилъ высокой родъ ея, вспомнилъ себя, и закрыть руками лице свое — но Царевна поцѣловала его и сказала: *я твоя или ничья!* — Дѣвическая робость не позволяла ей открыться родичею въ своей сиротности.

«Сія любовь прекрасной Царевны хопя и къ умному, но безобразному карлѣ (говорить одинъ изъ насмѣшниковъ изогданнаго времени) приводитъ на мысль того Царя древности, который смертельно влюбился въ лягушечьи глаза, и созвавъ мудрецовъ своего государства, спросилъ у нихъ: что всего любезнѣе? Цѣлующая юность, отвѣчать одинъ по долгомъ размышленіи—*красота*, отвѣчать другой—*наука*, отвѣчать третій — *Царская милость*, отвѣчать четвертый съ низкимъ поклономъ, и никакъ далѣе. Царь вздохнулъ, залился слезами, и сказалъ: *Ничто, ничто! всего любезнѣе — лягушечьи глаза!*»

Теперь обратимся къ нашей повѣсти. Мы сказали, что Царь доброй чело^вѣкъ хлопнулъ дверью и ушелъ изъ Царевнина перема, но не сказали, куда? И никакъ да будемъ извѣстно чинашелямъ, что онъ ушелъ въ свою горницу, занерся намъ одинъ, думать, думать, и наконецъ призвалъ къ себѣ карлу — пономъ прекрасную Царевну — говорить съ ними долго, и съ жаромъ; но какъ, и что, о томъ молчимъ Историю.

На другой день было объявлено во всемъ городѣ, что Царь доброй чело^вѣкъ желаетъ говорить съ народомъ — и народъ со всехъ сторонъ окружилъ дворецъ, никакъ что не гдѣ было насыя яблоку. Царь вышелъ на балконъ, и когда восклицанія: да здравствуетъ нашъ доброй Государь! умолкли, спросилъ у своихъ подданныхъ: друзья! любите ли вы Царевну? Тыся-

чи голосовъ оживѣли: мы обожаемъ прекрасную!

Царь. Желаете ли, чтобы она избрала себѣ супруга?

Тысячи голосовъ. Ахъ! желаемъ сердечно! Онъ долженъ быть нашимъ наследникомъ, *Царь* доброй чести! Мы спанемъ любви его, какъ тебя и дочь твою любимъ.

Царь. Но довольны ли будете вы ея выборомъ?

Тысячи голосовъ. Къ намъ мила Царевичъ, шопъ мила и твоимъ подданнымъ!

Въ сію минуту поднялся на балконъ занавѣсъ — явилась прекрасная Царевна въ снѣго-цвѣтной одеждѣ, съ распущенными волосами, которые какъ знаменный лентъ развѣивались на вѣсахъ ея — взглянула какъ солнце на поляны народныя, и миллионы дикихъ людей покорились бы сему взору. Карла снѣгать подлѣ нее; спокойно и величаво смотрѣть на волнующійся народъ, и ясно и слышно на Царевну. Тысячи восклицали: *да здравствуетъ прекрасная!*

Царь, указывая на карлу, сказалъ: «своиъ онъ — шопъ, кого Царевна вѣчно любви кланяется, и съ кѣмъ хочетъ она соединиться навѣки!»

Все изумилось — шопомъ начали жужжать какъ шмели, и говорили другъ другу: *Можно ли, можно ли.... То ли намъ слышалось? Какъ этому быть? она прекрасна; она Царская дочь — а онъ карла, горбатъ, не Царской сынъ!*

Я люблю его, сказала Царевна — и послѣ сихъ словъ карла показался народу почтенъ красавцемъ.

«Вы удивляеишесь (продолжают *Царь доброй целосткѣ*)—но такъ Судьбѣ угодно. Я долго думать, и наконецъ даю мое благословеніе. Вирочемъ вамъ извѣстно, чино онъ имѣеть достоинства; не забыли вы, можетъ бытъ, и важной услуги, оказанной имъ опическиву. Когда варвары, подѣ начальствомъ гигантскаго Царя своего, какъ грозная буря приближились къ нашему государству; когда серъ вынать изъ рукъ усмиреннаго поселанна, и блѣдный наснухъ въ ужасѣ бѣжать онъ снада своего: тогда юный карла, одинъ и безоруженъ, съ масличною вѣнкою явился въ снавъ непріятельскомъ, и заить сладосиую пѣснь мира—умиленіе изобразилось на лицахъ варварскихъ—Царь ихъ бросить мечъ изъ руки своей, обнять ивеновца, взять вѣнчъ его и сказать: *мы друзья!* Пономъ сей грозной Гигантъ быть мирнымъ госиемъ моимъ—и тысячи его удалились онъ снраны нашей. Чѣмъ наградишь небя? спросить я тогда у юнаго карла. *Твоею милостію*, оивѣчать онъ съ улыбкою. Теперь»—

Тутъ весь народъ въ одинъ голосъ воскликнулъ: *да бу етъ онъ супругомъ прекрасной Царевны! да црствуетъ надъ нами!*

Горжесивенная музыка загремѣла — загремѣли хоры и гимны—*Царь доброй целосткѣ* сложить руки любовниковъ — и бракосочетаніе совершилось со всеми пышными обрядами.

Карла жить долго и щасливо съ прекрасною своею супругою. Когда *Царь доброй целосткѣ*, послѣ дѣяиельной жизни, скончался бла-

женною смертію, то есть, заснулъ, какъ утом-
ленный сираникъ при шумъ ручейка на зеле-
номъ лугу засынаетъ: тогда зянь его въ вѣн-
цѣ сафиро-рубинномъ и съ златымъ скинпро-
мъ возсѣлъ на високомъ пронѣ и общалъ народу
царствованіемъ правдою. Онъ исполнилъ обѣтъ
свой, и безпристрастная Исторія назвала его
однимъ изъ лучшихъ владыкъ земныхъ. Дѣти
его были прекрасны подобно матери, и разум-
ны подобно родителю.

г. 1792.

Ю Л І Я.

Женщины жалуются на мужчинъ, мужчины на женщинъ: кто правъ? кто виноватъ? — Кому рѣшительнѣе тяжбу? — Еслили мнѣ, но я, ничего не слушая и не разбирая, оправдаю... любезнѣйшихъ — съдѣсивенно женщинъ?... Безъ сомнѣнія. Но мужчины будутъ недовольны моимъ рѣшеніемъ; докажутъ мое присирасніе; объявятъ, что я подкупленъ.... милымъ взоромъ какой нибудь Лидіи, пріятною улыбкою какой нибудь Арефы; перенесутъ дѣло въ вышній судъ, и приговоръ мой османиется — увы! — безъ всякаго дѣйствія.

Вотъ маленькое предисловіе къ слѣдующей повѣсти.

Юлія была украшеніемъ нашей снотлицы; являлась — и мужчины только на нее смотрѣли, только ею занимались, только ее слушали. А женщины?... женщины только говорили между собою, и съ лукавою усмѣшкою взглядывали на Юлію, стараясь замѣнить въ ней какой нибудь недоснашокъ, которъй хотя нѣсколько могъ бы успеконить ихъ самолюбіе. Тщенисе стараніе! Юлія сіяла какъ солнце; зависень некала въ немъ черныхъ пятенъ, не находила, и съ болію въ глазахъ, съ ончаяніемъ въ сердцѣ, должна была... инии прочь!

Нужно ли сказывать, что все молодые люди обожали Юлию, и починали за славу обожать ее? Одинъ вздыхалъ, другой плакалъ, иррешій игралъ ролью томнаго меланхолика; и обо всякомъ, кто задумывался, говорили: «онъ влюбленъ въ Юлію!»

Что же Юлія? Любила болѣе всего — самое себя; съ гордою улыбкою смотрѣла на право, на лѣво, и думала: «кто мнѣ подобенъ? кто меня достоинъ?» Думала, прошу замеченій; а не показывала. Удивляясь красотѣ и разуму ея, всякой удивлялся между прочимъ и скромности ея взоровъ: некускусво, одиѣмъ милымъ женщинамъ свойственное!

Но мало по малу, приближаясь къ концу вчерашаго десятилѣтняго жизни своей, Юлія стала чувствоваться, что опіямъ сущности есть — дымъ; хотя весьма пріятной, но все дымъ. Который худо питаетъ душу. Какъ ни обожай себя; какъ ни любуйся своими достоинствами — не довольно! Надобно любить что нибудь кромѣ магической буквы Я — и Юлія начала съ большимъ вниманіемъ разсматривать многочисленную толпу своихъ искашелей. Иногда взоръ ея опідавалъ преимущественно молодому Легкому, который въ разсужденіи красоты могъ бы поспорить съ самимъ Купидономъ, и не занимался ничѣмъ, кромѣ Юліи и — зеркала; иногда сманному Храбру, лаврамъ увѣнчанному воину, которому не доснавало только Греческаго плаща, чтобы бытъ совершеннымъ Марсомъ; иногда забавному Пу-

спослову, конорый, не смотря на важность
судейскаго званія своего, вернётся на одной
ногѣ какъ Вестрисъ, сочинять всякой день по
десяти Французскихъ казанбуровъ, и знать
наизусть лексиконъ анекдотовъ. Все не на дол-
го — черезъ минуцу Легкоумъ казался ей без-
разсуднымъ, самолюбивымъ мальчишкою, Хра-
брость — видимъ драгуномъ, и болѣе ничего
— забавный Пуснословъ скучною обезьяною.
Наконецъ глаза ея остановились на любезномъ
Арисъ, конорый въ самомъ дѣлѣ былъ любез-
енъ; вѣсы склонились на его сторону, и сердце
съ разумомъ на сей разъ согласились.

Кто былъ Арисъ? — Молодой человекъ, во-
спитанный въ чужихъ краяхъ подъ смотрѣ-
ніемъ не наемнаго Гофмейстера, но благораз-
умнаго и нѣжнаго отца своего. Полезныя и
пріятныя знанія украсили его душу, добро-
дѣтельные правила сердце. Не будучи красав-
цемъ, онъ правился своею милосердностію и
крошкими, любезными взорами, одушевленны-
ми огнемъ внутренняго чувства. Онъ крас-
нѣлся, какъ невинная дѣвушка, онъ всякаго
нескромнаго слова, сказаннаго въ его прису-
ствіи; говорить не много, но всегда осозна-
тельно и пріятно; не старался блистать ни
умомъ, ни знаніями, и слушать каждаго — по
крайней мѣрѣ съ терпѣніемъ. Чувствуютъ ли
въ свѣтѣ цѣну такихъ людей? Рѣдко. Тамъ су-
сальное золото предпочитается иногда испини-
ному; скромность, подруга достоинствъ,

оспається въ тѣни своей, а дерзость заслуживаетъ вѣнокъ и рукоплесканіе.

Арисъ любитъ Юлію—какъ не любить того, чю прекрасно и любезно? — но безчисленное множество ея обожателей усматривало его. Онъ смотрѣлъ на нее издали, не вдыхалъ, не клалъ руки на сердце съ шомнымъ видомъ; однимъ словомъ, не думалъ представлять кариннаго любовника: но Юлія знала, чю онъ любитъ ее спрасню. Дивнись, еснъли угодно, прощанію красавиць! Скорѣе не примѣнялъ онъ солнца на ясномъ небѣ въ полдень, нежели дѣйствія своихъ прелестней въ глазахъ нѣжнаго мущины, какъ бы ни хотѣлъ онъ скрывать чувствъ своихъ. Юлія отличала Ариса отъ другихъ искателей, ободрила его засмѣлившимъ пріятнымъ взглядомъ, пріятною улыбкою; начала съ нимъ говорить, ласкала его, показывая уваженіе къ его достоинству, вниманіе къ его словамъ, желаніе видѣть его чаще. «Завтра вы будете въ концертъ, въ садъ; завтра вы будете къ намъ обѣдать, ужинавъ; вчера было у насъ скучно: вы не хотѣли къ намъ прѣхать!»—Арисъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, кошорые малѣйшую ласку со стороны женщины принимаютъ за доказательство любви, и починаютъ себя щасливыми Адописами тогда, когда объ нихъ и не думаютъ; однакожь, не смотря на скромность свою, онъ позволилъ себѣ надѣяться; а надежда для спрасни еснъ шо же, чю пнхой Апрельской дождь для молодой зелени,

чно въперть для искры. Онъ гошовъ былъ бросишься на колѣни и сказать Юліи: «будь моя навеки!».... чего Юлія ожидала, чего она хотѣла, и конечно не для того, чинобы ошвъ-чанъ: *нѣтъ!* какъ вдругъ на горизонтѣ большаго свѣта явился новый феноменъ, кошорый обратилъ на себя общее вниманіе: молодой Князь N*, любимецъ Природы и щаснія, кошорья осыпали его всеми блеснящими дарами своими; знаншой, боганшой, прекрасной собою. Во всехъ общесшвахъ говорили о молодомъ Князѣ; все хвалили его, а болѣе всехъ женщины, особливо шѣ, на кошорыхъ онъ взгляды-вали ласковѣе, нежели на другихъ—кошорымъ онъ сказать нѣтъ и ни шесшъ пріятныхъ словъ. Не могли надивнишься уму его — даже и шогда, когда онъ говорилъ о погодѣ. Не мудро —разгораченное воображеніе есшъ микроскопъ, кошорый все увеличиваетъ въ штысячу, въ миллионъ разъ — и люди съ шакимъ же упрямышвомъ могутъ искашъ оспроумія шамъ, гдѣ нѣтъ его, съ шакимъ шногда не хотяшъ чувшвовашъ, гдѣ оно есшъ.

Между шѣмъ шосшлся по городу слухъ, чшо Князь нечувешвишеленъ къ женскимъ прелесшямъ; чшо Амуровы шпрѣлы не берутъ его сердца; чшо оно, шосредешвомъ шайной элашшической силы, сжмашеня и ошмашеня не вредимо; чшо бѣдной Венеринъ сынъ, желая раншъ его, опущошнлъ колчанъ свой, и все по напрасну. Какой вызовъ для самолюбія женщины, какая слава для побѣдшшельницы! И

всякой изъ нихъ казалось, что Купидонъ, огорченный, расплаканный, подошедши къ ней, береть ее за руку, и съ умильнымъ взоромъ говоритъ: опмстни, опмстни за меня, или я умру съ горя! «Умереть Купидону! Боже мой! какой ужасъ! за чѣмъ будетъ жить въ свѣтъ безъ прелестнаго малюпки? Надобно за него вступиться; надобно помочь ему, надобно опмстить, и — чего бы то ни стоило — пронунть, побѣдить, илѣвить новаго Алькида — и весь мастера золотыхъ дѣлъ въ нашей столицѣ занялись одною работою: кованіемъ цѣпей, по заказу красавицъ *. Спрашисъ, въиреной Князь! Но Князь улыбался, расхаживалъ какъ гордой лебедь, и — въ одномъ публичномъ собраніи — встрѣвился съ Юліею. За нимъ весь красавицы, за нею весь молодые люди — какая встрѣча! Они посмопрѣли другъ на друга: какой взоръ! Юлія занимвала женщинъ, Князь Н^{*} мущинъ. «Онъ долженъ любить ее!» думали первыя. «Она должна любить его!» думали послѣдніе. Тѣ и другія опунили глаза въ землю, проспились съ надеждою, и разошлись въ разныя стороны. — Одинъ Арисъ остался подѣ Юліи. Онъ началъ говорить: ему опвѣчали сухо, коропко — казалось, что она была въ разсвѣтіи.

На другой день Арисъ пріѣхалъ къ Юліи; но головная боль не позволила ей выйти изъ

* Воиъ опъ чего вошли въ моду золотыя цѣпи, конюрыя, за нѣсколько времени передъ симъ, гремли и сіали на всехъ нашихъ молодыхъ женщинахъ.

своей компаньи. На претій онъ увидѣть ее на балѣ: Князь сидѣть подлѣ нее—Князь танцовалъ съ нею — Князь занималъ ее пріятнымъ своимъ разговоромъ. Арису поклонились учтиво—*учтиво*—болѣе ничего. Спросили, здоровъ ли онъ? и не дожидались отвѣта. Арисъ подошелъ съ другой стороны: его не примѣтили — и какъ примѣтитъ? онъ подошелъ не оптуда, гдѣ сидѣлъ Князь.—Бѣдной Арисъ! догадайся. Ты могъ быть щастливъ; но минута прошла! Чпо дѣлаешь? Удались. — Онъ то и сдѣлалъ; не нужно сказывать, съ какимъ чувствомъ. — Оставимъ его. — Пусть онъ поплачетъ въ уединеніи, и, если можно, забудетъ милую въпренциу.

Между тѣмъ Юлія восхищалась Княземъ. Молча, онъ казался ей Аппиномъ^{*}; когда говорилъ, Цицерономъ; когда говорилъ: *Юлія, я обожаю тебя!* полубогомъ. Онъ не обманывалъ, и въ самомъ дѣлѣ пѣвнлся ея красотою, такъ, что не хотѣлъ быть ни въ одномъ концертѣ, гдѣ не пѣла Юлія; ни на одномъ балѣ, гдѣ не танцовала Юлія; ни на одномъ гульбищѣ, гдѣ не гуляла Юлія. Онъ любилъ прежде играть въ карты: для Юліи оставилъ ихъ. Любилъ часа по три въ день проводить съ Англійскими лошадьми своими: для Юліи забылъ ихъ. Любилъ спать до двухъ часовъ за полдень: для Юліи перемѣнилъ образъ жизни,

* Славной красавецъ, которому Императоръ Адріанъ посвящилъ храмъ.

и рѣдко не просыпался въ полдень, чтобы на крыльяхъ Зефира — или, по крайней мѣрѣ, въ великолѣпной Англійской каретѣ—ленгты къ Юліи.—Такая любовь не шушка. Вы скажете, что въ рыцарскія времена любви иначе — государи мои! всякой вѣкъ имѣетъ свои обычаи: мы живемъ въ осьмомъ—надесять! Красавицы наши снисходительны и жалосливвы; ни кою изъ нихъ, сидя въ ложѣ, не бросятъ перчатки на гриву разъяреннаго льва, и не пошлетъ за нею своего Рыцаря *, для того что рыцарь — не поидетъ за нею!

Юлія думала, что Князь не могъ жить безъ нее: только ей казалось чудно, что онъ, говоря безиреснанно о сердцѣ, никогда не упоминалъ о рукѣ. Многія изъ пріятельницъ иногда поздравляли ее съ такимъ завиднымъ женихомъ; но женихъ молчалъ. — Наконецъ она дала ему почувствованіе свое удивленіе: въжлой Князь оскорбился. «Юлія сомнѣваешься въ силѣ прелестней своихъ!» сказалъ онъ съ жаромъ: «Юлія хочешь промѣнять огненнаго Амура на холоднаго Гимenea! милую улыбку перваго на вѣчную угрюмость послѣдняго! гирлянду розовую на цвѣтъ желѣзную! О Юлія! любовь не терпитъ принужденія; одно слово, и все

* Это случилось во Франціи, при Королѣ Францискѣ I, въ то время, какъ звѣрскія сраженія были любимой забавой Двора. Одна молодая дама, сидя въ амфиатрѣ, нарочно уронила перчатку свою на то мѣсто, гдѣ сражались львы, и сказала рыцарю, Делоржу: *подними ее — или ты меня не любишь!*

блаженство исчезнуть! Могъ ли бы Петрарка въ узахъ брака любить свою Лауру такъ пламенно? Ахъ, гдѣтъ! воображеніе его не произвело бы ни одного изъ тѣхъ нежныхъ Сонетовъ, коими я восхищаюсь. Такъ любить должно, и такой любви достойна Юлія!» Между тѣмъ Юлія побѣдилась. Князь увидѣлъ, что его философія ей не нравится; надобно было перемѣнить языкъ, чтобы успокоить красавицу. — «По крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, продлимъ, сколько можно, время любви нашей: оно уже никогда, никогда не возвратится, прелестная Юлія!» — Тутъ онъ вздохнулъ. Юлія не могла съ нимъ согласиться; она требовала вѣрнаго слова. Князь далъ его—и въ награжденіе за то хотѣлъ, чтобы она позволила ему нѣкоторыя вольности въ обхожденіи. Всякой день присвоивать онъ себѣ новое право... два жаркія сердца бились такъ сильно, такъ близко другъ ко другу... Но скромность есть нужная добродѣтель и для самаго сказочника. Къ тому же — не знаю, онъ чего — собственное сердце мое бьется такъ сильно, когда я воображаю себѣ подобные случаи... Можетъ быть какія нибудь темныя воспоминанія... Оставимъ —

Оставимъ все подробности, и скажемъ просто, что бывали минуты, въ которыя одна богиня невинности могла спасти Юліину невинность. Она почувствовала опасность, и Князь принужденъ былъ назначить день для

торжественной помолвки. Въ ожиданіи сего дня онъ истощилъ всевозможныя хитрости, чинобы побѣдить ея твердость — но тщетно! Въ самое то время, когда ей, по всеобщимъ человѣческимъ вѣроятностямъ, надлежало забытья, она спрогнмъ взоромъ ошсылала его опъ себя — по крайней мѣрѣ шага на два, пакъ что онъ лишился всей надежды быть щастливо-дерзкимъ безъ имени супруга.

Однажды поутру, когда Юлія открыла глаза, и съ первою мыслію представила себѣ любезнаго своего Князя, вручили ей письмецо слѣдующаго содержанія:

«Вы любезны; но что любезнѣе вольности? «Мнѣ горестно расстаться съ вами; но мысль «о вѣчной обязанности еще горестнѣе. Сердце «не знаешь законовъ, и пересматриваетъ любить, «когда захочешь: чиножь будешь супружество? «несносное бремя. Вы не хотѣли любить по «моему, любить только для удовольствія люб- «ви, — любить пока любишь: и пакъ — про- «сните! Называйне меня вѣроломнымъ, естѣ- «ли угодно; но давно говорятъ въ свѣтѣ, что «клятва любовниковъ пишется въ песокъ, и «что самой легкой вѣтерокъ завѣваетъ ее. «Впрочемъ съ такими милыми свойствами, съ «такими прелестями, вамъ не трудно найти «достойнаго супруга,... можетъ быть вѣрна- «го, постояннаго! Родятся Фениксы — но я, «въ семъ смыслѣ, не Фениксъ; и потому оспа- «вляю васъ въ покоѣ. Меня уже нѣтъ въ Мо- «сквѣ. Простите! —» «Князь N*.»

Юлія затрепетала, и, слѣдѣя обыкновенію новыхъ Дидонъ, упала въ обморокъ. Черезъ нѣсколько минутъ опомнилась, для того, чпобы опять забыться. Наконецъ собравъ силы свои, она нашла для себя нѣкоторое облегченіе въ томъ, чпобы проклинаніе мучниъ. «Они все изверги, злодѣи, вѣроломные; нѣтъ «грица воспитала ихъ молокомъ своимъ; подъ «языкомъ носятъ они змѣиной ядъ, а въ серд- «цѣ ихъ шипитъ ехидна. Слезы ихъ слезы «крокодиловы; повѣрь имъ, и гибель неизбѣж- «на!»—Такими нѣжными красками писала портретъ нашъ опчаянная Юлія. Извинительно; но справедливо ли? Въ одну ли форму оплины сердца мучниъ? Могутъ ли все опвѣчать за одного?... Но человекъ въ страши еснъ худой Логикъ: одинъ кажется ему всемъ, и все однимъ.

Не позже какъ на другой день узнали въ городѣ о разрывѣ нашихъ любовниковъ. «Князь N* оставилъ Юлію!» говорили мучниы, пожмая плечами. «Князь N* оставилъ Юлію,» говорили женщины съ коварною улыбкою — и всякая изъ нихъ думала: «меня бы онъ не оставилъ!»—Какъ показанье въ свѣтъ? Юлія возненавидѣла его, и нѣсколько времени не выходила изъ своего кабинета.

Недѣли черезъ двѣ послѣ сей исторіи прѣ-халъ къ ней Арисъ. Она подумала... и велѣла его пускнть. — Бѣдной Арисъ! онъ долженъ былъ спрадать вмѣстѣ со всеми мучниами опъ спрѣтъ Юліина краснорѣчія, и слушанье,

съ видомъ кающагося преступника, когда бра-
нни непостоянство и вѣроломныхъ! Другой
на его мѣстѣ взглянулъ бы на Юлію какими
глазами, что она конечно бы покраснѣлась и
замолчала; но доброй Арисъ любить, не могъ
преодолѣть страха своей, и прѣхалъ не для
того, чтобы мстить огорченной красавицѣ.

Юлія довольна была его посвященіемъ; жела-
ла видѣть его въ другой, въ третій разъ —
и черезъ нѣсколько времени сердце ея пере-
стало кинуть тѣломъ на мушкетъ. Арисова
нѣжность, кротость, сердечная доброта,
которыхъ въ свѣтскомъ шумѣ не могла она
такъ сильно и живо чувствовать, проникли
ея душу въ искреннихъ разговорахъ ихъ
кабинета. «Для чего, сказала Юлія сквозь сле-
зы, для чего другіе мушкетеры не подобны вамъ!
Тогда нѣжливый склонность нашего сердца
не была бы для насъ источникомъ боли и
горести.»... Арисъ воспользовался сею мину-
тою, и Юлія не могла отказать ему руки
его, съ нѣмъ условіемъ, чтобы оставшись на-
всегда коварной свѣтъ — какъ она говорила,
стараясь загладить въ мысляхъ своихъ по-
сѣдній черныя легкомысленнаго Князя N* —
«коварной свѣтъ, недостойный бытъ свидѣ-
«телемъ нашего благополучія, любезной Арисъ!
«Презримъ существованіе его — онъ мнѣ не по-
«сенъ — и удалимся въ деревню!» — «Всѣ дни
мой, отвѣчалъ онъ съ радостными слезами,
будутъ посвящены моему удовольствію, не-
сравненная Юлія! я радъ жить съ тобою на

краю міра; никогда, никогда не оскорблю тебя ни взоромъ, ни упрекомъ, ни жалобою. — Воля твоя мой законъ; ты дѣлаешь меня извѣстнымъ: угадывать твои желанія, исполнять ихъ, зависѣть отъ тебя совершенно, есть священный долгъ моей благодарности!» — Арисъ не обманетъ Юлію; а Юлія — увидимъ!

Первые шесть или семь недѣль прошли для нихъ въ деревнѣ, какъ шесть или семь веселыхъ дней. Добродѣтельный супругъ восхищался прекрасною супругою всякой часъ, всякую минуточку. Юлія была чувствительна къ его нѣжности — и сердца ихъ сливались въ тихихъ восторгахъ. Казалось, что сама Природа брала участіе въ ихъ радостяхъ: она цвѣла тогда во всемъ пространствѣ садовъ своихъ. Вездѣ благоухали ямины и ландыши; вездѣ пѣли соловьи и малиновки; вездѣ курились огнемъ любви, и все начинало удовольствіями любви нашихъ супруговъ.

«Боже мой! (говорила Юлія) какъ могутъ люди жить въ городѣ! Какъ могутъ они вытѣкать изъ деревни! Тамъ шумъ и безпокойство; здѣсь чистое, невинное удовольствіе. Тамъ вѣчное принужденіе; здѣсь покой и свобода. Ахъ другъ мой!... (съ умильнымъ взоромъ брала она Арисову руку, и прижимала ее къ своей груди).... ахъ, другъ мой! только въ одной сельской тишинѣ, въ однихъ объятіяхъ Пашуры, чувствительная душа можетъ наслаждаться всею полною любовью и нѣжностью!»

Въ концѣ лѣта Юлія все еще хвалила сельскую жизнь, хотя и не съ такимъ уже краснорѣчіемъ, не съ такимъ жаромъ. Но—за краснымъ лѣтомъ слѣдуетъ мрачная осень. Цвѣтны и въ полѣ и въ саду увяли; зелень поблѣкла; листья слетѣли съ деревьевъ; ппички... Богъ знаетъ, куда дѣвались—и все стало такъ печально, такъ уныло, что Юлія потеряла всю охоту хвалить деревенское уединеніе. Арисъ примѣтилъ, что она, смотря въ окно, часто закрывала бѣлымъ платкомъ алой свой ротикъ, и что бѣлый платокъ, какъ будто бы опъ вѣянія Зефира, поднимался на немъ и опускался — то есть, сказать просто, Юлія зѣвала! Арисъ вздохнулъ—взялъ томъ Новой Элоизы, развернулъ и прочиталъ нѣсколько страницъ... о блаженствѣ взаимной любви. Юлія переспала зѣвать, слушала, и наконецъ сказала: «Прекрасно! только знаешь ли, мой другъ? Мнѣ кажется, что Руссо писалъ болѣе по воображенію, нежели по сердцу. Хорошо, если бы такъ было; но такъ ли бываетъ въ самомъ дѣлѣ? Удовольствіе щастливой любви есть конечно первое въ жизни; но можетъ ли оно быть всегда равно живо, всегда наполнять душу? можетъ ли замѣнить все другія удовольствія? можетъ ли населить для насъ пустыню? Ахъ! сердце человѣческое ненасытимо; оно хочетъ безпрестанно чего нибудь новаго, новыхъ идей, новыхъ впечатлѣній, которыя, подобно утренней росѣ, освѣжаютъ внутреннія чувства его, и даютъ имъ новую

силу. На примѣръ, я думаю, что самая пылкая любовь можетъ проснись въ совершенномъ уединеніи; она имѣетъ нужду въ сравненіяхъ, чтобы тѣмъ болѣе чувствовать цѣну предмета своего.» — Арисъ вздохнулъ и сказалъ: «я не такъ думалъ; но... мы завтра ѣдемъ въ городъ!»

Юлія снова явилась въ свѣтъ, и съ новымъ блескомъ красоты своей, съ богатырствомъ, съ пышностію: довольно — свѣтъ принялъ ее съ рукоплесканіемъ, и розы со всѣхъ сторонъ посыпались на Юлію. Веселье за весельемъ, удовольствіе за удовольствіемъ — такъ какъ и прежде — съ тою разницею, что замужняя женщина имѣетъ еще болѣе удобности наслаждаться всеми пріятностями свѣтской жизни.

Геронія наша хотѣла жить открытымъ домомъ, и по крайней мѣрѣ четыре раза въ недѣлю ужинало у нее 30 или 40 человекъ. Арисъ молчалъ; дѣлалъ все, что ей угодно было. Юлія чувствовала сію нужность, и, опираясь съ нимъ наединѣ, награждала его за то восхищеніями своими ласками. «Не правда ли, другъ мой—говорила она съ прелестною улыбкою—что городскія забавы и разнообразіе предметовъ еще болѣе оживляютъ любовь нашу? Сердце мое, утомленное свѣтскимъ шумомъ, наслаждается покоемъ въ своихъ объятіяхъ.» — Арисъ вздыхалъ, — такъ тихо, что Юлія не слыхала того.

Но однажды ввечеру Арисъ измѣнился въ

лицъ:—между гостями, прѣхавшими къ Юліи, увидѣлъ онъ Князя N*. Сердце его заперенешало; однакожь, черезъ нѣсколько минутъ, сіе невольное движеніе укропилось. Разумъ сказалъ сердцу: *молчи!* и Арисъ подошелъ къ Князю съ учпивымъ привѣщеніемъ. Только во весь поцѣлъ вечеръ боялся онъ пристально сморѣнь на Юлію, чпобы не привеспи ее въ замѣнапельснво; чпобы она не переполоковала его взоровъ въ худую сторону, и не нашла въ нихъ какого нибудь подозрѣнія, безпокойснва, неудовольснвія.

Послѣ ужина, когда всѣ разѣхались, Юлія сѣла на софу, взяла Ариса за руку, и сказала ему съ улыбною: «Ты видѣлъ, мой другъ, съ какою учпivenessію обходилась я съ Княземъ N*. Не принялъ его, онказалъ ему опъ дому было бы съ моею стороны неблагоразумно. Пусть виднть этонъ легкомысленный Нарцисъ, чпю онъ мнѣ ничего; чпю прошедшее заблужденіе не оставило въ душѣ моеи никакихъ слѣдовъ; чпю я не имѣю причины боянсья сердца своего, и чпю онъ не можетъ привеспи меня въ краску.» — Арисъ, Арисъ поцѣловалъ ея руку, и опдалъ снраведливостъ благоразумію супруги своей!

Черезъ два дни онапъ ужннть, и Князь онапъ явлнся вмѣстѣ съ прочими гостями; былъ веселъ, забавснъ; говорилъ съ хозяйкою болѣе нежелн съ кѣмъ нибудъ; о хозяйнѣ не думалъ; взглядывалъ на него почти съ презрѣніемъ, и велъ себя какъ должно модному человѣку. —

Коропко сказашь, онъ не пропускалъ случая бышь у Юліи. «Какъ весело въ ея домъ!» говорили мужчины и женщины. «Хозяйка любезна какъ Ангелъ,» говорили первые. «Милой Князь N* разливаетъ вокругъ себя удовольствіе,» говорили послѣднія.—Между нѣмъ начались шутки. Одни съ усмѣшкою смотрѣли на Арису; другіе пожимали плечами. «Чему удивишься?» шептали другъ другу на ухо: «старая дружба! Теперь же и менѣе опасности. Мужъ ихъ, скромнѣе — и все съ концомъ!»

Арисъ не перемѣнялся въ разсужденіи Юліи; но скоро увидѣлъ въ ней перемѣну. Иногда она задумывалась, блѣднѣла, хотѣла бышь одна; черезъ часъ лице ея покрывалось нѣжливѣйшимъ румянцемъ: она бросалась въ объятія супруга своего, цѣловала его съ жаромъ, хотѣла чинно сказашь, и не говорила ни слова. Скромной Арисъ также молчалъ; иногда слезы капали изъ глазъ его—но кинь быть ихъ свидѣтелемъ? ихое уединеніе; самая густая аллея въ саду его, копорая, послѣ Юліи, сдѣлалась ему всего милѣе. Арису казалось, чинь хладныя нѣжны ея съ чувствомъ прикасались къ его сердцу, и согревались его теплою.

Въ одинъ день, передъ вечеромъ, онъ пріѣхалъ домой, и сѣвши въ любимую свою аллею; входниъ — и видниъ Князя N*, сидящаго на дерновомъ канатѣ подлѣ Юліи, копорая, опустивъ голову на плечо къ нему, смотрѣла въ землю. Онъ цѣловалъ ея руку и говоритъ: «Ты меня любишь, и я долженъ

умереть въ твоихъ объятіяхъ! Юлія! тебѣ ли имѣть предразсужденія? Слѣдуй влеченію своего сердца; слѣдуй».... Но Юлія услышала шорохъ, взглянула — и запрепестала... Пусть всякой вообразитъ себя на мѣстѣ бѣднаго Ариеса!.... Чѣмъ дѣлать? Заколоти ихъ однимъ кинжаломъ; утолишь кровію жажду справедливаго мщенія; а потомъ... умертвишь и самого себя... Итъ! Аристъ сражался съ собою — не долге минуты; она была ужасна — но онъ усмирить кинящее сердце, и скрылся! — Человѣкъ, который видѣлъ его выходящаго изъ аллеи, сказывалъ мнѣ, что лице его было блѣдно какъ полотно; чѣмъ ноги его примѣтно дрожали; чѣмъ изъ сердца его, какъ буди по бы насильно, вырывался какой-то глухой стонъ; что онъ, взглянувъ на небо и вздохнувъ нѣсколько разъ сряду, вдругъ пошелъ скорыми шагами.

Въ томъ же вечерѣ принесли къ Юліи слѣдующее письмо:

«Я не нарушилъ даннаго слова; не оскорбилъ тебя ни жалобою, ни укоризною; надѣялся на силу нѣжности и любви моей, обманулся и долженъ пертъ! — После того, что я видѣлъ и слышалъ... намъ не лзя жить вмѣстѣ. Не хочу обременять тебя моимъ присутствіемъ. Права супружества несносны, когда любовь не освящаетъ ихъ. Юлія — прости!... Вы свободны! забудьте, что у васъ былъ супругъ; долго — или никогда объ немъ не услышите! Океанъ раздѣлитъ насъ. Не

«будетъ у меня ни опечесства, ни друзей; бу-
«детъ одно чувство, для горести и меланхо-
«ліи! — Въ приложенномъ пакетѣ найдене
«бумагу, по которой можете располагать мо-
«имъ имѣніемъ; найдене еще пориженъ—быв-
«шей супруги моей... Итъ, я возьму его съ
«собою; буду говорить съ нимъ какъ съ штію
«умершаго друга; какъ съ единственнымъ и
«последнимъ милымъ предметомъ умирающаго
«сердца!»

Надобно знать, что Юлія, увидѣвъ Ариса
въ алмѣ, нѣсколько минутъ сидѣла безмолвно;
потомъ бросилась въ слѣдъ за нимъ, назвала
его два раза именемъ... голосъ ея перервался,
ноги подогнулись — она должна была опереть-
ся на плечо Князю, и едва могла дійти до
дому. Тамъ, не видя Ариса, упала на софу,
закрѣла лице руками, и не говорила ни слова.
Тщешно прислуналь къ ней услужливой
Князь, тщешно старался успокоить ее: — она
молчала.

Дрожащею рукою схватила Юлія письмо
Арисово — прочитала его — и слезы въ при-
ручья показались изъ глазъ ея. Князь хотѣлъ
взять письмо... «Посной!» сказала она твер-
дымъ голосомъ: «ны не можете его читать:
оно писано добродѣтельнымъ!... Тумагъ раз-
сѣлся — и я презираю себя!... О женщины!
вы жалуетесь на коварство мужчинъ: ваше
легкомысліе, ваше непостоянство служатъ
имъ оправданіемъ. Вы не чувствуете цѣны
нѣжнаго, добродѣтельнаго сердца; хотите

нравиться всему свѣту, гоняетесь за блестящими побѣдами, и бываєте жертвою суеуверенности своей *. — Государь мой! вы видѣли меня въ послѣдній разъ. Обманывайте другихъ женщинъ, смѣйтесь надъ слабыми; только прошу забыть, оставивъ меня навсегда. Я не обвиняю никого кромѣ собственннхъ безразсудности моей. Въ свѣтъ не будутъ вамъ недосадна въ удовольствіяхъ; но я гнушаюсь вами и всѣми подобными вамъ. Клянусь самой собой, что опинись дерзкой пороку не осмѣлился взглянуть мнѣ прямо въ глаза. Дивитесь скорой переменѣ; вѣрнее ей или не вѣрнее: для меня все одно.» — Сказала, и какъ молнія исчезла.

Князь снова такъ подобно неподвижной статуѣ; наконецъ опомнился, засмѣялся—некрещено или пришиворно, оставивъ безъ рѣшенія — съѣзъ въ карету и поѣхалъ въ спектакль.

Юлія—узнавъ, что Аристъ уѣхалъ изъ Москвы, неизвестно куда, и только съ однимъ камердинеромъ — сама немедленно оставила городъ и удалилась въ деревню. «Здѣсь прошекунтъ дни мои въ безмолвномъ уединеніи,» сказала она со вздохомъ: «сельской домику! я могла, но не умѣла быть щастлива въ нѣжныхъ снѣнкахъ своихъ; я вышла изъ себя съ доснойнѣйшимъ, нѣжнѣйшимъ супругомъ: возвраща-

* „У мѣсна ли такаа выходка?“ скаженъ кришникъ: „можень ли женщина въ такоу случаѣ проповѣдыванъ добродѣтели?“ *Можетъ*, опивчато ему: можень, можень! а доказательство.. объявлено послѣ.

юсь одна, бѣдною вдовою, но съ сердцемъ любящимъ добродѣтель. Она будетъ моимъ утѣшеніемъ, моимъ товарищемъ, моею подругою; я буду раземаширивать, буду цѣловать образъ ея въ чернахъ незабвеннаго Ариса!» — Въ сію минуту слезы ея канали на пориженіе его, коюрой она въ рукахъ держала.

Надобно отдатьъ справедливостъ вамъ, любезныя женщины: когда вы на что нибудь рѣшились, не въ минуту легкомыслія, не словомъ, но душою, и съ глубокимъ чувствомъ истинны: твердостъ ваша бываетъ иногда удивительна — и славнѣйшіе Герои посноуясиа, коюрыхъ до небесъ возносили Испорія, должны раздѣлишь съ вами лавры свои.

Юлія — коюрая на поенской волосокъ была онъ того, чюобы сдѣлаться новою Аспазіею, новою Лансою — Юлія сдѣлалась вдругъ Ангеломъ ненорочности. Все суетныя желанія замерли въ ея сердцѣ; она посвятила жизнь свою памяни любезнаго супруга; воображала его сиюащю передъ собою; изливала передъ нимъ свои чувства; говорила: «Ты меня оснавилъ; ты имѣть право оснавилъ меня; не смѣю желать нвоого возвращенія — желаю только спокойствія любезной души нвоей; желаю, чюобы ты забылъ супругу свою, еснъ ли образъ ея мучилъ нвое сердце. Будь нда-спливъ, гдѣ бы ты ни былъ! Со мною милая пѣнь нвоа; со мною воспоминаіе любви нвоей: я не умру съ горесни! Хочу жить, чюобы ты имѣть въ свѣтѣ нѣжнаго друга. Мо-

жесть быть, посредством тайной симпатии, сердце твое, не взирая на разлуку, на пространство, которое насъ разъединяетъ, согревается, оживившись моею любовію, можетъ быть, погруженному въ тихой сонъ, вѣющій Зефиръ скажетъ тебѣ: *Аристъ не одинъ въ міръ* — откроешь милые глаза свои, и вдали, въ туманѣ, увидишь горестную Юлію, которая слѣдуетъ за нобою своимъ духомъ, своимъ сердцемъ; можетъ быть... ахъ! я пропью воли своей желаю... Пью, пью! хочу обожаніе его безъ всякой надежды!»

Въ душѣ ея царствовало тихое уныніе, болѣе пріятное, нежели мучительное. Добродѣтельные чувства несогласны съ носою: самыя горькія слезы раскаянія имѣютъ въ себѣ нѣчто сладкое. Прекрасна и заря добродѣтели; а что иное есть раскаяніе?

Скоро Юлія узнала, что она беременна: новое, сильное чувство, которое потрясло душу ея!... радостное или печальное?... Юлія нѣсколько времени сама не могла разобрать идей своихъ. — «Я буду матерью?... Но кто возьметъ на руки младенца съ нѣжною улыбкою? Кто обольетъ его слезами любви и радости? Кому скажу я: *вотъ сынъ нашъ! вотъ дочь наша!* Несчастной младенецъ! ты родишься сиротою, и образъ горести будетъ первымъ предметомъ открывающихся глазъ твоихъ!... Но... такъ угодно Провидѣнію! Новая обязанность жить и терпѣть безъ рошпанія! — «Родись, милой младенецъ! Сердце мое будетъ

«тебѣ опцомъ и маперью. Я утѣшусь для
«себя и тобою; не оскорблю тяжкой души
«твоей ни горесѣпными вздохами, ни мрачнымъ
«видомъ! Одна любовь ожидаетъ тебя въ мо-
«ихъ объятіяхъ, и часть твоего рожденія об-
«новитъ жизнь мою!»

Юлія хотѣла приготовить себя къ священ-
ному званію маперн. Эмиль — книга един-
ственная въ своемъ родѣ — не выходила изъ
рукъ ея. — «Я не умѣла быть добродѣтель-
«ною супругою (говорила она со вздохомъ) но
«крайней мѣрѣ буду хорошею маперью, и не-
«бреженіе одного долга заглажу вторымъ испол-
«неніемъ другаго!»

Она считала дни и минуты; присмирѣвши-
лась заранѣе къ милому младенцу, еще невидимому; заранѣе цѣловала его въ мысляхъ сво-
ихъ, называла всеми тяжкими именами — и
всякое его движеніе было для нее движеніемъ
радости.

Онъ родился — сынъ — прекрасный миа-
денецъ, соединенный образъ отца и маперн.
Юлія не чувствовала болѣзни, не чувствовала
слабости: имъ, имъ только занималась, имъ
дышала; плакала — улыбалась, чтобы заспа-
вить его улыбающуюся — и сердце ея, вкусивъ
сладкія чувства маперн, открыло въ себѣ но-
вый источникъ радости, чистѣйшихъ, свя-
тыхъ, неописанныхъ радостей. Не уставали
глаза ея, смотря на младенца; не уставалъ
языкъ ея, называя его тысячу разъ *любезнымъ*,
милымъ сыномъ! Огнемъ любви своей согревала

она юную душу его; наблюдала ея начальные дѣйствія, отъ первой слезы до первой его усмѣшки, и вливала въ него, тихими взорами, собственную свою чувствительность. — Нужно ли сказывать, что она сама была кормилицею своего сына?

Юлія казалось, что все предметы вокругъ ее перемѣнились и сдѣлались ласковѣе. Прежде она не выходила почти изъ комнаты своей; открытое небо, простирание, необозримыя равнины, питали въ ея душѣ горестную идею одиночества. *Что я въ неизмеримой области творенія?* спрашивала она у самой себя, и погружалась въ задумчивость. Шумъ рѣки и лѣса увеличивалъ ея меланхолію; веселье лѣснатоющихъ птичекъ было чуждо ея сердцу. Теперь Юлія съ востановленнымъ вниманіемъ показывала маленькаго любимца своего всей Папурѣ. Ей казалось, что солнце свѣтитъ на него свѣтлѣе; что каждое дерево склоняется обнять его; что ручеекъ ласкается его своимъ журчаніемъ; что птички и бабочки для его забавы порхаютъ и рѣвняются. *Я мать*, думаетъ она, и смѣлыми шагами идетъ по лугу.

Удовольствія, которыхъ Юлія искала некогда въ свѣтѣ, казались ей теперь ничтожнымъ, обманчивымъ призракомъ въ сравненіи съ существовавшимъ, питательнымъ наслажденіемъ манеры. Ахъ! она была бы совершенно счастлива, если бы мысль о горестномъ Арисѣ не тревожила ея сердца. «Я проливаю радостныя слезы — говорила она самой себѣ—я наслаж-

даюсь въ то время, когда онъ въ горестномъ уединеніи скипается на свѣшу, упрекая себя любовью къ недостойной супругѣ! Какой Ангелъ извѣстилъ его о перемѣнѣ моего сердца? Юлія могла бы... такъ, въ присутствіи самого Неба, осмѣлось сказать, что Юлія могла бы теперь загладишь передъ нимъ вину свою!.. Но онъ не знаешь; онъ воображаетъ меня въ объятіяхъ — порока; воображаетъ меня мерзвою для всѣхъ чувствъ добродѣтели!.. Пусть онъ возвращеніе хотѣла на минушу; хотѣла для того, чтобы видѣть нашего сына! Пусть онъ — сказавъ: *ты не достойна имѣть вселиться* — возмешь его у меня! Я рада лишиться всѣхъ утѣшеній, чтобы утѣшить оскорбленнаго супруга моего.... рада бышь несчастлива для его благополучія! А онъ будетъ щастливъ; съ Ангеломъ красоны и невниманія забудетъ все печали!»

Между шѣмъ маленькой Эраси * расцвѣталъ какъ роза; онъ могъ уже бѣгать по лугу; могъ говорить Юліи: *люблю тебя, маменька!* могъ ласкать ее съ чувствомъ, и нѣжными рученками опираться пріятныя слезы, которыя часто капали изъ глазъ ея.

Однажды весною — время, которое всегда напоминало Юліи первую весну замужества ея — она пошла гулять съ маленькимъ своимъ Эраспомъ, съла не цвѣнущемъ пригоркѣ близъ дороги и — между шѣмъ, какъ младенецъ рѣз-

* Имя сына ея.

вился и прыгалъ вокругъ ее — сняла съ груди своей портретъ Арисовъ и разсмапривала его съ умиленіемъ. — «Таковъ ли онъ теперь? «думала Юлія: Ахъ, нѣтъ! черты его конечно «перемѣнились. Когда живописецъ изображалъ «ихъ, онъ сидѣлъ противъ меня, смотрѣлъ на «меня съ любовью, былъ веселъ и щастливъ! «А теперь... теперь»... Взоръ Юліинъ помра- «чился. Она задумалась, и легкой сонъ закрылъ «на минуту глаза ея.

Безпокойная душа видитъ и мечты безпо- «койныя *: Юліи представилось во снѣ необо- «зримое море, которое шумѣло и пѣнилось подъ «черными тучами; излучистыя молніи сверкали «во мракъ, страшные громы гремѣли, и ужасъ «носился всюду на крыльяхъ бури. Вдругъ по- «казываеися корабль, играюще, жерпва волнъ «разъяренныхъ—исчезаетъ въ пропастяхъ ки- «пящей влаги, и снова являеися, чшобы на- «всегда погрузиться въ безднѣ... Злополучные «мореплаватели!... Юлія, сидя на кремнистой «скалѣ, видитъ гибель ихъ, и страдаетъ въ «чувствительномъ сердцѣ своемъ. Сильной волъ «несетъ къ берегу, выбрасываетъ на песокъ «человѣка, и удаляетъ. Юлія спѣшишь къ не- «щастному — хочетъ оживить его, и узнаетъ «въ немъ Ариса... хладнаго, мерпваго. Она пре- «пещетъ, пробуждается.... и видитъ Ариса «на яву: онъ въ ея объятіяхъ, и навѣки!

* Ужасный сонъ быастъ передъ щастливыми событіями, «говоритъ Гинпанская пословица; я воспользовался ею для «окончанія моей повѣсти.

Я знаю слабость пера своего, и для того не скажу болѣе ни слова о семъ рѣдкомъ явленіи; ни слова о первыхъ восклицаніяхъ, непосредственно вылетѣвшихъ изъ глубины сердца; ни слова о краснорѣчивомъ безмолвіи первыхъ минушъ; ни слова о слезахъ радости и блаженства!... Чтобы живѣе представилъ себѣ картину, читатель вообразитъ еще маленькаго Эрасма, котораго Юлія взяла на руки и подала Арису. Младенецъ наученный Природою, ласкалъ отца своего и смотрѣлъ съ улыбкою на Юлію *.

Уже при года живунъ они въ деревнѣ, живутъ какъ нѣжнѣйшіе любовники, и свѣтъ для нихъ не существуетъ. Арисъ не перемѣнился; онъ всегда былъ дѣятельнымъ мудрецомъ. Но Юлія примеромъ своимъ доказала, что легкомысліе молодой женщины можетъ быть иногда покрываломъ или завѣсою величайшихъ добродѣтелей.

Нѣжность Арисова такъ далеко простирается, что онъ не позволяетъ Юліи описывать черными красками прежняго ея выпрежнаго характера. — «Ты рождена быши добродѣтельною, говоритъ Арисъ: нескромное желаніе правнися, плодъ безразсуднаго воспи-

* Откуда взялся Арисъ? спросить любознательные. Онъ нѣсколько лѣтъ странствовалъ по чужимъ землямъ. Верный другъ, оставленный имъ въ Москвѣ, уведомлялъ его о Юліи. Наконецъ, увѣрившись въ ея добродѣтели, лѣнелъ онъ къ обожаемой супругѣ, сказать ей: *я не перестаю обожать тебя!*

«панія и худыхъ примѣровъ, произвело минут-
«ныя пивои заблужденія. Тебѣ надлежало
«только одинъ разъ почувствовать цѣну невин-
«ной любви, цѣну добродѣтели, чтобы испра-
«виться и возненавидѣть порокъ. Ты удивля-
«ешься, другъ мой, для чего я молчалъ и не
«хотѣлъ говорить тебѣ о слѣдствіяхъ въ-
«преносности пивоей: я былъ увѣренъ, что уко-
«ризы могутъ скорѣе ожесточить сердце,
«нежели пронунъ его чувствительность.
«Нѣжное шеритіе со стороны мужа есть въ
«накомъ случаѣ самое дѣйствительнѣйшее
«средство. Выговоры, угрозы, заставили бы
«тебя думать, что я ревнивъ; ты почла бы
«себя оскорбленною — и сердца наши могли
«бы навсегда удалиться другъ отъ друга.
«Слѣдствіе доказало справедливость моей си-
«стемы. Разлука казалась мнѣ послѣднимъ спо-
«собомъ, который должно было употребить
«для пивоего исправленія. Я оставилъ тебя на
«судъ собственнаго пивоего сердца — призна-
«юсь, не хладнокровно, не безъ мучительной
«горести — но лучъ надежды пынать и не
«обмануть меня! ты моя, совершенно и на-
«вѣки!»

Иногда Юлія вооружается противъ жен-
щинъ: Арисъ ихъ защитникъ. «Повѣрь мнѣ,
другъ мой, (говоритъ онъ) повѣрь, что по-
рочныя женщины бываютъ отъ порочныхъ
мущинъ; первыя для него дурны, что послѣд-
ніе не споятъ лучшихъ.»

Арисъ и Юлія могутъ не соглашаться въ

разныхъ мнѣнiяхъ; но въ томъ они согласны, что удовольствiе щастливыхъ супруговъ и родителей есть первое изъ всехъ земныхъ удовольствiй.

г. 1794.

—————

ДРЕМУЧІЙ ЛѢСЪ.

СКАЗКА ДЛЯ ДѢТЕЙ,

Сочиненная въ одинъ день на слѣдующія заданныя слова:

Балконъ, лѣсъ, шаръ, лошадь, хижина,
лугъ, малиновой кустъ, дубъ, Оссіанъ,
источникъ, гробъ, музыка *.

=

Бѣшъ восемь часовъ. Время пить чай, друзья мои. Любезная хозяйка ожидаетъ насъ на *балконѣ*.

Вечеръ сумраченъ. Грозныя облака мчатся по синему небу. Тамъ, на западъ, образуется черная туча. Въперъ воспъ среди развалинъ нашей древней церкви. Все уныло, все печально!

Вы на меня смотрите, любезныя малышки!.. Понимаю. Вы хотите, чтобы я, подъ шумомъ вѣтра, подъ пѣнію низкихъ облаковъ, разскажалъ вамъ какую нибудь старинную быль, жалкую или ужасную, и минувшее превра-

* То есть, все сіи слова надлежало помѣстить въ нѣскѣлько одно за другимъ, въ нѣкомъ порядкѣ, въ которомъ они были заданы.

пилъ для васъ въ настоящее. Не правда ли?—
Хорошо слушайте.

Взгляните на древній, густой, мрачной лѣсъ, которой возвышася передъ глазами нашими: какъ странно видъ его! какія черныя пѣны лежатъ на его кудрявой вершинѣ! Вы слышите глухой шумъ деревь, поприраемыхъ въ-прямъ, — и чувственно хладъ ужаса въ сердцахъ своихъ. Знаете же, что въ старину, въковъ за десятии передъ нашимъ вѣкомъ, эиотъ лѣсъ былъ въ десятии разъ обширнѣе, темнѣе, ужаснѣе. Никто не прокладывалъ въ немъ ни дорожки, ни тропинки; дикіе звѣри жили въ его мрачныхъ пущинахъ, и томный странникъ въ самый жаркій полдень не смѣлъ искать прохлады въ густой сѣни его.

Молва, которая носилась по окрестнымъ деревнямъ, еще болѣе пугала робкихъ людей. Говорили, что въ эиотъ дремучемъ лѣсу — (надобно знать, что ему не было другаго имени) — издавна жилъ и царствовалъ одинъ злой волшебникъ или чародѣй, кумъ и другъ адскаго Велзевула. Часно, въ глубокую полночь, вылетали онинуда пламенные шары, носились по мрачному воздуху и вдругъ съ прескомъ исчезали. Часно при свѣтѣ луны, когда поселане издали смотрѣли на лѣсъ, расхаживало между деревьями какое-то чудовище, на ровнѣ съ высокими соснами, и огненными глазами своими осмѣцало все вокругъ себя сажени на сию. Сверхъ того случалось нѣсколько тысячъ разъ, что молодья лошади, конкорья,

будучи смѣлѣе людей, заходили иногда въ чащу бора, возвращались домой все въ ранахъ, все въ крови, и деревенскіе жители по естественной Логикѣ заключали, что одинъ злой чародѣй, кумъ Велзевуловъ, могъ искушать ихъ такимъ немилосерднымъ образомъ. — Вы согласитесь, друзья мои, что это было въ самомъ дѣлѣ очень, очень странно.

Не знаю, какъ называлась наша деревня въ то время, о которомъ говорю я; но знаю, что въ ней жили тогда, подъ кровлею смиренной *лижины*, добрый спарикъ и добрая старушка (мужъ и жена) въ мирѣ и согласіи, по закону Небесному, закону чистой совѣсти; жили щастливо какъ Филемонъ и Бавкида, съ такою разницею, что Фригійскіе супруги не имѣли дѣтей, а у нашихъ былъ сынъ, Ангелъ красою, голубъ смиреніемъ, и — въ двадцать лѣтъ — спарикъ разумомъ. Зависть находила въ немъ только одинъ порокъ; а именно то, что онъ не любилъ женщинъ, и не думалъ искаать себѣ невесты, къ великому огорченію всехъ деревенскихъ красавицъ, которыя, имѣя чувствительныя сердца, не могли смотрѣть равнодушно на блѣдо-румяное лице, черные глаза, величавую осанку и прямой спина любезнаго юноши. Тщесно прислупали къ нему отецъ и мать; тщесно говорили ему: «обрадуй насъ въ глубокой старости, сынъ безцѣнный, обрадуй насъ своею женитьбою. Ахъ! уже ли никогда милая внучка не будетъ играть на колыняхъ нашихъ?» — «Лю-

безные родители!» отвѣчать онъ сквозь слезы: «не мучьте вашего бѣднаго сына; ради Бога не мучьте его! Я готовъ умереть за васъ; но только не могу жениться безъ сердечной склонности. Чпо мнѣ дѣлать? Нани красавицы не прельщаютъ меня. Будемъ ждать суженой невѣсты, любезные родители, и молиться Богу!» — Чпо дѣлать? Добрые снарики вздыхали и молились Богу.

Теперь — слушайте со вниманіемъ!... Въ одну ночь, когда добрый снарникъ, добрая старушка и добрый сынъ ихъ наизжались спать и покойнымъ сномъ, раздался въ хижинѣ гремѣщій голосъ, и сказать — родителямъ: *пошлите сына въ дремучій лѣсъ; тамъ найдетъ онъ свое и ваше благополучіе* — а сыну: *поди въ дремучій лѣсъ; тамъ найдешь свое и родителей твоихъ благополучіе*. Снарики проснулись съ препешомъ; но молодой человекъ открылъ глаза съ улыбкою, и сказать онѣму и манери: «Вы слышали Небесный голосъ, голосъ моего Ангела хранителя; надобно ему повиноваться; надобно идти въ дремучій лѣсъ.» — «Иди въ дремучій лѣсъ!» воскликнули съ ужасомъ добрые снарики: любезный сынъ! чпо говоришь ты? Тамъ вѣрная смерть ожидаетъ тебя. Истинъ, не Ангелъ хранитель твой, а какой нибудь злой, адской духъ, желающій погнбѣли нашей, произнесъ такіа ужасныя слова.» Молодой человекъ не хотѣлъ перемѣнить своихъ мыслей, и наконецъ положено было ждать дальѣйшихъ происшествій. — Чпо же? другая ночь

наступила, и топъ же голосъ раздался въ хижинѣ; слова были тѣ же: *поди съ дремучій лѣсъ!* Опянь затрепешали родственни, и молодой человекъ съ прежнею улыбкою сказать имъ: «видите!»—Трепья ночь наступила: топъ же голосъ, тѣ же слова, съ прибавленіемъ: *горе немущимъ стры!*—Тогда отецъ и мать, не смотря на ужасъ свой, не смотря на близкую любовь къ милому сыну, ощутили необходимость повиноваться Небу. Воля Его была явна и несомнительна: какой злой, адской духъ могъ говорить о святой вѣрѣ? Молодой человекъ увѣщевалъ ихъ имѣть полную довѣренность къ темнымъ путямъ вышней Премудрости; старался успокоить ихъ веселымъ видомъ своимъ, и доказывалъ, что *дремучій лѣсъ* можетъ быть сиротенъ для другихъ, а не для него.

Наконецъ родственни, заплакавъ горько, согласились расстаться съ любимцемъ души своей. Бѣдная мать опустилась съ нимъ все нужное для дороги, и надела ему на шею маленькой образъ, которымъ благословила ее покойная бабушка, и которой хранилъ ихъ смиренное жилище не хуже того, какъ спашуя Минервина хранила некогда великолѣпную Трою. Доброй шарикъ положилъ обѣ руки на голову юношѣ, взглянулъ на небо, и сказалъ: *Ты будь щитомъ его!* — Они расстались... на разсвѣтъ дня, самого прекраснаго изъ весеннихъ. Родини стояли неподвижно и глядѣли на

своего милаго, который, съ посохомъ въ рукѣ, шелъ прямо къ дремучему лѣсу, не зная точно, за какимъ дѣломъ. Уже онъ скрылся отъ глазъ ихъ... но они все смотрѣли; смотрѣли на мрачной боръ, который казался имъ мрачнѣе и грознѣе, нежели когда нибудь.

Но намъ, друзья мои, не должно оставлять юнаго Героя. Будучи добръ и невиненъ въ сердцѣ своемъ, безъ всякаго ужаса приближался онъ къ лѣсу — вступилъ въ него — и (слѣдомъ за бѣленькимъ кроликомъ, который передъ нимъ рѣзвился и прыгалъ) вышелъ сквозь густоту деревъ на зеленый лугъ, гдѣ цвѣты благоухали, свѣшлые ручейки журчали и бѣлыя козы щинали мураву вокругъ прекраснаго сельскаго домика, обсаженнаго малиновыми и смородиновыми кустами. Но молодой человекъ забылъ и цвѣты и ручьи, и бѣлыхъ козъ и сельской домикъ, когда увидѣлъ вдругъ передъ своими глазами... «Какое нибудь чудовище?» думали вы — «какого нибудь дракона, змѣя, крокодила, или злаго волшебника, въ высокой шапкѣ, верхомъ на летучей мыши?»... Нѣтъ, друзья мои! совсемъ иное, совсемъ другое. Онъ увидѣлъ — юную, прекрасную женщину (въ легкомъ бѣломъ платьѣ, съ золотымъ поясомъ), которая похожа была не на Венеру, но на Ангела непорочнаго. Она приблизилась къ юношѣ, взглянула на него большими, свѣтлыми голубыми глазами, въ которыхъ изображалась вмѣстѣ и кротость сердечная и прогательная горесть, — поклонилась ему, взяла съ нѣж-

носпію за руку, и, не говоря ни слова, повела его къ сельскому домику. Могъ ли онъ нейти съ нею? Могъ ли чего нибудь спрашиться, видя ея прелести и любезность, печать Небеснаго благоволенія, зеркало красоть душевныхъ? Уже сердце его нѣжно влеклося къ ея сердцу; уже горестъ ея прогала его душу; уже хотѣлъ онъ спросить о причинѣ слезъ, блиставшихъ на ея рѣсницахъ... но нѣтъ другое явленіе представилось глазамъ его. Подъ нѣжно древняго дуба, омрачавшаго домикъ своими густыми вѣтвями, сидѣлъ бѣловласый почтенный старецъ, въ длинной тканой одеждѣ, какую горные Шотландскіе вѣпры раздѣвали нѣкогда на священникахъ Друпдахъ и Бардахъ, современникахъ *Оссіановыхъ*. Онъ возрѣлъ на юношу очами томными... но въ нихъ сіяли еще искры небеснаго огня, пламеняющаго въ сердцѣ мужей великихъ... возрѣлъ, и просирая къ нему свои объятія, сказалъ тихимъ, но внятнымъ голосомъ: «Небо посылаетъ тебя, о добродѣтельный юноша! въ «сію уединенную пустыню, да будешь свидѣ-
«телемъ моей смерти и обладателемъ сокровища, которосъ достойно первѣйшаго изъ царей
«земныхъ, но котораго не всѣ цари земные
«достойны. Приблизься къ моему сердцу, да
«обниму тебя вмѣстѣ съ сѣю любезною дщерию, любимцею души моей, которую благое
«Провидѣніе назначило тебѣ въ супруги. Она
«будетъ любить тебя, ты будешь любить
«ее, и мирное щастіе увѣнчаетъ дни ваши.

«Знай, сынъ мой — ибо мнѣ дано уже священ-
«ное право называть себя симъ именемъ —
«знай, что я былъ однимъ изъ тѣхъ смерт-
«ныхъ, которымъ Божество благоволило от-
«крывать вѣчную премудрость Свою и тайны
«чудесной Природы, да поклоняющаеся Ему
«величію въ восторгѣ души своихъ. Здѣсь,
«удаленный отъ суеты мірской, удаленный
«отъ злыхъ и развращенныхъ людей, въ без-
«молвной тишинѣ уединенія, я вникалъ духомъ
«въ законы Небесные, правящіе вселенною. Но
«и земныя радости веселили душу мою. Я на-
«слаждался нѣжнымъ, сердечнымъ союзомъ,
«безъ коего нѣтъ для смертныхъ истиннаго
«благополучія; наслаждался любовію милою,
«добродѣтельной супруги, которую видншь
«ты въ цвѣтущемъ образѣ ея дочери. Но давно
«уже преселилась она въ обители небесныя:
«я спѣшу тамъ соединиться съ нею новымъ
«союзомъ. Принять часть мой — чувственную
«хладную руку смерти — острая коса ея свер-
«каетъ предъ очами моими. Все живущіе подъ
«солнцемъ должны рано или поздно въ прахъ
«обратиться. Я предвидѣлъ конецъ свой, и
«только объ участи милой дочери моей сокру-
«шался: невинность оставалась сиротою въ
«міръ. Я молился — излить душу свою предъ
«вѣчною Благостию — и Милосердый услы-
«шалъ моленіе чистаго сердца: Онъ обѣщалъ
«послать добродѣтельнаго супруга моей лю-
«безной — гласъ Неба возвѣстилъ мнѣ время,
«въ которое надлежало тебѣ явиться въ на-

«шей пустынь. Сіе мирное уединеніе должно
«быть вотьки твоимъ обиталищемъ; здѣсь
«будешь имѣть все нужное для умѣренной,
«покойной жизни. Приведи сюда родителей
«твоихъ: пусть нѣкогда и они лежатъ въ зем-
«лѣ подлѣ супруги моей, вмѣстѣ со мною, на
«берегу свѣтлаго источника, въ тѣни сего
«древняго дуба, гдѣ я такъ часто углублялся
«въ священныя размышленія!... Провидѣнію не
«угодно включитъ тебя въ число мудрецовъ
«земныхъ; но Оно включитъ тебя въ число
«добрыхъ—сего довольно—не жалуйся на судь-
«бу свою. Ты не почувствуешь никогда тѣхъ
«неизъяснимыхъ горестей и внутреннихъ тер-
«заній, которыя, по закону Всевышняго, бы-
«ваютъ здѣсь долею многовѣдѣнія... Гряду-
«щее отверженіе предъ моимъ взоромъ... Зрю
«времена ужаса и страха, зрю вѣки гибели и
«клятвы, среди просвѣщенія и величайшихъ
«успѣховъ разума человѣческаго. Еще далеки
«времена сіи; но они прійдутъ. Блѣдная злоба,
«вооруженная смертоноснымъ книжаломъ, бу-
«детъ свирѣпствовать на земномъ шарѣ и
«разитъ слабыхъ; рѣки пошекутъ кровію, и
«стенанія несчастныхъ заглушатъ бурю. До-
«брые и праведные осыплютъ перьями главы
«свои, закроютъ лица, и облиются горькими
«слезами.... Но и тогда найдутся еще тихія
«убѣжища для миролюбивой добродѣтели. Та-
«кимъ образомъ одно чувствительное семейство,
«общество нѣжныхъ друзей, удалясь отъ
«шумнаго міра, поселится нѣкогда близъ сего

«дремучаго лѣса *», котораго ночь озарится со
«временемъ лучами свѣта; здѣсь, не взирая на
«всемірный мятѣжъ, насладится оно любовію и
«святою дружбою... Глаза мои немнѣютъ; сло-
«ва замираютъ на устахъ моихъ... Прощайте.
«Богъ не оставитъ васъ, милыя дѣти. Об-
«нимите меня.... хладѣющее сердце мое чув-
«ствуешь еще теплоту вашего... Прощайте...
«умираю.» — II священный мужъ скончался, по-
добно какъ тихій свѣтъ зари вечерней уми-
раетъ подъ мантіею ночи.

Не буду говорить вамъ о слезахъ нѣжной
дочери, которыя вмѣстѣ со слезами добраго
юноши лились на хладное тѣло старца; но
души не было въ семь тѣлъ, и земля пребы-
вала его въ нѣдра свои. Смертные останки
безсмертнаго мужа, сообразно съ его волею,
погреблись на берегу свѣтлаго песочника, въ
тѣни древняго дуба, подлѣ гроба его супруги.
Преданіе говоритъ, что въ самую ту мину-
ту раздастся въ лѣсу небесная музыка, и что
ея гармоническіе звуки тихо исчезли въ выш-
нихъ пространствахъ воздуха.

Трогательныя и порожественныя слова умирающаго отца; его нѣжные взоры, обра-
щаемые то на милую дочь, то на добраго юно-
шу; имя любезныхъ дѣтей, которыми онъ на-
зывалъ ихъ вмѣстѣ, съ любовію прижимая
другъ ко другу въ своихъ хладѣющихъ объ-
ятіяхъ; наконецъ послѣдній взоръ его, кото-

* Тамъ жилъ Авторъ съ семействомъ друзей своихъ.

рый, такъ сказать, между ими дѣлился, и горестный священный обрядъ погребенія, сливавшій въ одно ихъ чувства — все пылало, все умножало взаимную спраснь двухъ юныхъ сердець, одно для другаго соинворенныхъ.

Уже свинскій вечеръ гошовъ былъ спустившись на землю, когда Герой нашъ, ведя за руку любезную свою, явился глазамъ добрыхъ спариковъ *; разставшись съ нимъ, они не хотѣли войти въ хижину, спояли у ворошъ, и ждали безпрестанно его возвращенія. «Любезные роднители! вошъ мое, вошъ ваше благополучіе! вошъ оно!»... Онъ разсказалъ имъ все.

Вы легко можете представить себѣ ихъ удивленіе, ихъ радость. Плакали, обнимались, говорили, и не слышали словъ своихъ. — Но — подивитесь странной привязанности людей къ наследственному крову, даже къ самому низкому и бѣдному! — имъ не хотѣлось промѣнять хижину своей на прекрасный домикъ дремучаго лѣса. Одно чудо могло ихъ къ тому принудить: вдругъ откуда ни взялся въперъ, сорвалъ хижину и унесъ изъ виду, такъ что ни малѣйшаго слѣда ея на землѣ не осталось. Дѣлать было не чего; старики вздохнули, выронили капли двѣ слезъ, и пошли, куда Небесная воля призывала ихъ, и гдѣ они лучше могли наслаждаться оснашкомъ дисей своихъ.

* Надобно думать, что бѣлой кроликъ былъ ошль его пшководникомъ.

Что принадлежишь до юныхъ любовниковъ, то блаженство ихъ было совершенно; оно скончалось только вмѣстѣ съ ихъ жизнью, и еще сіяло въ міръ какъ заря вечерняя—сіяло въ благополучіи многочисленнаго ихъ потомства.

=

Здѣсь заключается исторія дремучаго лѣса.

«А злой волшебникъ, а пламенные шары, которые вылетали изъ лѣсу; а страшное чудовище, которое расхаживало наравнѣ съ со снами; а огненные глаза его, которые сажены на всю все вокругъ освѣщали; а молодые лошади, которые возвращались домой все въ ранахъ, все въ крови?»—вы пребывание изъясненія, друзья мои! Знайте же, что слухъ о зломъ волшебникѣ принадлежалъ къ числу нелѣпыхъ басенъ, до которыхъ люди издавна охотники; что пламенные шары составлялись изъ обыкновенныхъ воздушныхъ огней; что ужасное чудовище существовало только въ воображеніи робкихъ поселянъ, а свѣтлые глаза его были не что иное, какъ маленькіе червячки, которые въ лѣтнія ночи блескили на травѣ и на деревьяхъ; что молодыхъ лошадей кусать въ бору не кумъ Велзевулъ, а сильный оводъ.

ШАТАЛЬЯ, БОЯРСКАЯ ДОЧЬ.

Кто изъ насъ не любитъ тѣхъ временъ, когда Русскіе были Русскими; когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ по своему сердцу, то есть говорили, какъ думали? По крайней мѣрѣ я люблю сіи времена! люблю на быстрыхъ крыльяхъ воображенія летать въ ихъ опдавленную мрачность, подѣ стѣію давно-исчезнувшихъ вѣзовъ искать брадатыхъ моихъ предковъ, бесѣдовать съ ними о приключеніяхъ древности, о характерѣ славнаго народа Русскаго, и съ нѣжностію цѣловать ручки у моихъ прабабушекъ, которыя не могутъ насмотрѣвшись на своего почтеннѣльнаго правнука, не могутъ наговориться со мною, надивнись моему разуму, поному чю я, рассуждая съ ними о старыхъ и новыхъ модахъ, всегда опдаю преимуществу ихъ подкапкамъ и шубейкамъ передъ нынѣшними *bonnets à la...* и всеми Галлю-Албіонскими нарядами, блистающими на Московскихъ красавицахъ въ концѣ осьмагонадесять вѣка. Такимъ образомъ (конечно понятнымъ для всѣхъ чинателей) старая Русь

извѣстна мнѣ болѣе, нежели многимъ изъ моихъ согражданъ; и еслили угрюмая Парка еще нѣсколько лѣтъ не перерѣжетъ жизненной моей нити, то наконецъ не найду я и мѣста въ головѣ своей для всѣхъ анекдотовъ и повѣстей разсказываемыхъ мнѣ жителями прошедшихъ столѣтій. Чтобы облегчить не много грузъ моей памяти, намѣренъ я сообщити любезнымъ читателямъ одну быль или исповѣсть, слышанную мною въ обласни пѣней, въ царствѣ воображенія, отъ бабушки моего дѣдушки, которая въ свое время починалась весьма краснорѣчивою, и почти всякой вечеръ сказывала сказки Царицѣ Н. Н. Только спрашусь обезобразить повѣсть ея; боюсь, чтобы снурочка не примчалась на облакъ съ много свѣта и не наказала меня клякою своею за худое речесловие... Ахъ, пѣтъ! просни безразсудность мою, великодушная пѣть — ты неудобна къ такому дѣлу! Въ самой земной жизни своей была ты смирна и незлобна какъ юная овечка; рука твоя не умертвила здѣсь ни комара, ни мушки, и бабочка всегда покойно отдыхала на носу твоёмъ; и такъ возможно ли, чтобы теперь, когда ты плаваешь въ морѣ неопытнаго блаженства, и дышишь чистѣйшимъ эфиромъ неба — возможно ли, чтобы рука твоя поднялась на моего покорнаго праправнука? Пѣтъ! ты согласишься ему безиреинтересно упражняться въ похвальномъ ремеслѣ мараить бумагу, взводить небылицы на живыхъ и мертвыхъ, испытывать терпѣн-

своихъ чипапелей, и наконецъ, подобно вѣчно-зѣвающему богу Морфею, низвергаютъ ихъ — на мягкіе диваны и погружаютъ въ глубокой сонъ... Ахъ! въ самую сію минуту вижу необыкновенный свѣтъ въ темномъ моемъ корридорѣ; вижу огненные круги, которые вертятся съ блескомъ и съ шрескомъ, и наконецъ — о чудо! являютъ мнѣ иной образъ, образъ неописанной красоты, неописаннаго величества! Очи твои сіяютъ какъ солнца; уста твои алчуютъ какъ заря упрежня, какъ вершины снѣжныхъ горъ при восходѣ дневнаго свѣтила — ты улыбаешься, какъ юное твореніе въ первый день бытія своего улыбалось, и въ восторгъ слышу я сладко-гремящія слова твои: «продолжай, любезный мой праправнукъ!» Такъ, я буду продолжать, буду; и вооружась перомъ, мужественно начерпая исторію *Наташи, Боярской дочери*. — Но прежде должно мнѣ отдохнуть; восторгъ, въ кошорый привело меня явленіе пра-прабабушки, утомилъ душевныя мои силы. На нѣсколько минутъ кладу перо — и сіи написанныя строки да будутъ вступленіемъ или предисловіемъ!

Въ престоольномъ градѣ славнаго Русскаго царства, въ Москвѣ бѣлокаменной, жилъ Бояринъ Машвѣй Андреевъ, человекъ богачный, умный, вѣрный слуга Царской, и, по обычаю Русскихъ, великой хлѣбосоль. Онъ владелъ многими помѣстьями, и былъ не обидникомъ, а покровителемъ и заступникомъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей, — чему въ наши просвѣщенные времена, можетъ быть, не всякой повѣрить, но что въ старину совѣсть не починалось рѣдкостью. Царь называлъ его правымъ глазомъ своимъ, и правой глазъ никогда Царя не обманывалъ. Когда ему надлежало разбирать важную тяжбу, онъ призывалъ себѣ въ помощь Боярина Машвѣя, и Бояринъ Машвѣй, кладя чистую руку на чистое сердце, говорилъ: *сей правъ* (не по такому-то указу, со-
стоявшемуся въ такомъ-то году, но) *по моей совѣсти; сей виноватъ по моей совѣсти* — и совѣсть его была всегда согласна съ правдою и съ совѣстію Царскою. Дѣло рѣшилось безъ замедленія: правый подымалъ на небо слезящее око благодарности, указывая рукою на добраго Государя и добраго Боярина; а винованный бѣжалъ въ гусные лѣса, сокрывъ стыдъ свой онъ человекъ.

Еще не можемъ мы умолчать объ одномъ похвальномъ обыкновеніи Боярина Машвѣя, обыкновеніи, которое достойно подражанія во всякомъ вѣкѣ и во всякомъ царствѣ; а именно, въ каждый дванадесятый праздникъ посвящалъ длинные снопы въ его горнищахъ, чи-

стыми скапертьми накрытые, и Бояринъ, сидя на лавкѣ подлѣ высокихъ воротъ своихъ, звалъ къ себѣ обѣдать всѣхъ мимоходящихъ бѣдныхъ * людей, сколько ихъ могло помѣститься въ жилищѣ боярекомъ; потомъ, собравъ полное число, возвращался въ домъ, и указавъ мѣсто каждому гостю, садился самъ между ими. Тутъ въ одну минуту являлись на столахъ чаши и блюда, и ароматической паръ горячаго кушанья, какъ бѣлое тонкое облако, висѣла надъ головами обѣдающихъ. Между тѣмъ хозяинъ ласково бесѣдовалъ съ гостями, узнавалъ ихъ нужды, подавалъ имъ хорошіе совѣты, предлагалъ свои услуги, и наконецъ веселился съ ними какъ съ друзьями. Такъ въ древнія Папіріархальныя времена, когда въкъ человеческой былъ не столько крапокъ, почтенными съдницами украшенный снарецъ насыщался земными благами со многочисленнымъ своимъ семействомъ — смотрѣлъ вокругъ себя, и видя на всякомъ лицѣ, во всякомъ взорѣ живое изображеніе любви и радости, восхищался въ душѣ своей. — Послѣ обѣда всѣ немущіе бранья, наполнивъ виномъ свои чарки, восклицали въ одинъ голосъ: *Доброй, доброй Бояринъ и отецъ нашъ! мы пьемъ за твое здоровье! Сколько капель въ нашихъ чаркахъ, столько лѣтъ жизни благополучно!* Они пили, и благодарныя слезы ихъ капали на бѣлую скапернь.

Таковъ былъ Бояринъ Манвѣй, вѣрной слуга

* Въ пещинѣ сего уѣзвѣля меня не одинъ старой человекъ.

Царской, вѣрной другъ человѣчества. Уже минуло ему шестъ тысячъ лѣтъ; уже кровь медленнѣе обращалась въ жилахъ его; уже тихое пренежаніе сердца возвыщало насущеніе жизненнаго вечера и приближеніе ночи — но доброду ли боялся сего туснутаго, непроницаемаго мрака, въ копоромъ тѣраются дни человѣческіе? Ему ли спрашиваться сего пѣнистаго пути, когда съ нимъ доброе сердце его, когда съ нимъ добрыя дѣла его? Онъ идетъ впередъ безпреступно, наслаждается послѣдними лучами заходящаго свѣтила, обращаетъ покойной взоръ на прошедшее, и съ радостнымъ—хотя темнымъ, но не менѣе того радостнымъ предчувствіемъ заноситъ ногу въ оную неизвѣстность. — Любовь народная, милость Царская были наградою добродѣтелей сираго Боярина; но вънцѣмъ его щаснія и радости была любезная Пашалья, единственная дочь его. Уже давно оплакать онъ мать ся, копорая заснула вѣчнымъ сномъ въ его объятіяхъ; но кинарысы супружеской любви покрылись цвѣтами любви родительской — въ юной Пашаль увидѣтъ онъ новой образъ умершей, и, вмѣсто горькихъ слезъ печали, возсіяли въ глазахъ его сладкія слезы нѣжности. Много цвѣтовъ въ полѣ, въ рощахъ и на лугахъ зеленыхъ; но нѣтъ подобно розѣ; роза всѣхъ прекраснѣе: много было красавицъ въ Москвѣ бѣлокаменной, ибо царство Русское искони почиталось жилищемъ красоны и пріятностей; но никакая красавица не могла сравниться съ

Наталиею — Наталья была всѣхъ прелестнѣе. Пусть чинашель вообразитъ себѣ близку Италіянскаго мрамора и Кавказскаго сибга: онъ все еще не вообразитъ близны лица ея — и предснвля себѣ цвѣтъ Зефировой любвицы, все еще не будетъ имѣть совершеннаго понятія объ аюсн щекъ Натальиныхъ. Я боюсь продолжать сравненіе, чпобы не наскучитъ чинашельно повнореніемъ извѣстнаго; ибо въ наше роскошное время весьма истощился магазинъ пиппическихъ удобленій красоты, и не одинъ писатель съ досады кусаетъ перо свое, ища и не находя новыхъ. Довольно знатъ и того, что самые богомольные шарикн, видя Боярскую дочь у обѣдни, забывали класнть земные поклоны, и самыя принарасныя манеры ондавали ей преимущество передъ своими дочерями. Сократъ говорилъ, что красота плѣсная бываетъ всегда изображеніемъ душевной. Намъ должно повѣрнть Сократу, ибо онъ былъ воервыхъ искуснымъ ваятелемъ, (слѣдсвенно знатъ принадлежнсти красоты плѣсной, а во вторыхъ мудрецомъ или любнтелемъ мудрснн (слѣдсвенно знатъ хорошо красоту душевную.) Но крайней мѣрѣ наша прелестная Наталья имѣла прелестную душу, была нвжна какъ горлица, невинна какъ агнецъ, мила какъ Май мѣсяць; однимъ словомъ, имѣла все свойснва благовоспишанной дѣвушки, хотя Русскіе не чинали тогда ни Локка о воспитаннн, ни Руссова Эмилія — воервыхъ для того, что снхъ Авто-

ровъ еще и на свѣтъ не было, а во вѣпорыхъ и пошому, чпо худо знали грамонъ — не чинали и воспитывали дѣтей своихъ, какъ Пашура воспитываешъ правки и цвѣточки, но еснъ, поили и кормили ихъ, оснавая все прочее на произволъ Судьбы; но сія Судьба была къ нимъ милоснива, и за довѣренноснъ, конорую имѣли они къ ея всемогущеснву, награждала ихъ почии всегда добрыми дѣтьми, ушъненіемъ и подпорою ихъ снарыхъ дней.

Одинъ великой Психологъ, конораго имени я право не уномно, сказать, чно описаніе дневныхъ упражненій челевѣка еснъ вѣрнѣйшее изображеніе его сердца. По крайней мѣрѣ я такъ думаю, и съ дозволенія моихъ любезныхъ чинателей опишу, какъ Пашаля, Боярская дочь, проводила время свое онъ восхода до заката краснаго солнца. Лишь только первые лучи сего великолѣпнаго свѣтила показывались изъ-за упреннаго облака, изливая на шихую землю жидкое, неосязаемое золото: красавица наша пробуждалась, открывала черные глаза свои, и перекрестившись бѣлою анласною, до пѣжнаго локня обнаженною рукою, вснавала, надѣвала на себя шокое шелковое платье, камчашую шѣлогрѣю, и съ распущенными лемнорусыми волосами подходила къ круглому окну высокаго своего перема, чнобы взглянуть на прекрасную картину оживляемой Пашуры — взглянуть на знапоглавую Москву, съ конорой лучезарный день снималъ шуманный покровъ ночи, и конорая, подобно какой нибудь

огромной птицы, пробужденной гласомъ утра, въ вѣяніи вѣтерка стряхивала съ себя блестящую росу—взглянуть на Московскія скрестіи, на мрачную, густую, необозримую Марьину рощу, которая какъ сизый, кудрявый дымъ перялась онѣ глазъ въ неизмѣримомъ отдаленіи, и гдѣ жили тогда все дикіе звѣри съвера; гдѣ страшнѣйшій ревъ ихъ заглушалъ мелодіи птицъ поющихъ. Съ другой стороны являлись Нашальну взору сверкающіе изгибы Москвы рѣки, цвѣтуція поля и дымящіяся деревни, откуда съ веселыми пѣснями выѣзжали трудолюбивые поселенцы на работы свои — поселенцы, которые и по сіе время ни въ чемъ не перемѣнились, такъ же одеваются, такъ живутъ и работаютъ, какъ прежде жили и работали, и среди всѣхъ измѣненій и личинъ представляютъ намъ еще истинную Русскую физіогномію. Нашалья смотрѣла, опершись на окно, и чувствовала въ сердцѣ своемъ тихую радость; не умѣла краснорѣчиво хвалить Нашуры, но умѣла ею наслаждаться; молчала и думала: *какъ хороша Москва бѣлокаменная! какъ хороши ея окрестности!* Но того не думала Нашалья, что сама она въ утреннемъ своемъ нарядѣ была всего прекраснѣе. Юная кровь, разгоряченная ночными сновидѣніями, красила нѣжныя щеки ея алѣйшимъ румянцемъ; солнечные лучи играли на бѣломъ ея лицѣ, и проникая сквозь черныя, пушистыя ресницы, сіяли въ глазахъ ея свѣтлѣе, нежели на золотѣ. Волосы, какъ темно-

кофейной бархатъ, лежали на плечахъ и на бѣлой, полу-открытой груди; но скоро прелестная скромность, стыдъ самаго солнца, самаго вышерка, самыхъ темныхъ снѣговъ, закрывала ее пологимъ покрываломъ. Пономъ будила свою няню, вѣрную служанку ея покойной матери. *Вставай, мама!* говорила Напалья: *скоро благовѣстятъ къ обѣднѣ.* Мама вскакивала, одѣвалась, называла свою барышню раннею птичкою, умывала ее ключевою водою, чесала ея длинные волосы бѣлымъ костянымъ гребнемъ, заплетала ихъ въ косу, и украшала голову нашей прелестницы жемчужною повязкою. Такимъ образомъ снарядившись, дожидались они благовѣста, и заперевъ замкомъ свѣтлицу свою, (чтобы въ отсутствіе ихъ не закрался въ нее какой нибудь не доброй человекъ) отправлялись къ обѣднѣ. «*Всякой день?*» спросилъ чинашель. Конечно — такъ было въ старину обычай — и развѣ зимою одна жестокая выюга, а лѣтомъ проливной дождь съ грозою могли тогда удержанъ красную дѣвицу отъ исполненія сей набожной обязанности. Сидя всегда въ уголѣ прачезы, Напалья молилась Богу съ усердіемъ, и между тѣмъ изъ подлѣбья помахивала на право и на лѣво. Въ старину не было ни клябовъ, ни маскарадовъ, куда нынѣ вѣданы себя казанъ и другихъ смотрѣть: и такъ гдѣ же, какъ не въ церкви могла тогда любопытная дѣвушка поглядѣть на людей? После обѣдни Напалья раздавала всегда нѣсколько копѣекъ

бѣднымъ людямъ, и приходила къ своему родителю, съ нѣжною любовію цѣловать его руку. Старецъ плакалъ отъ радости, видя, что дочь его день ото дня становилась лучше и милѣе, и не зная, какъ благодарить Бога за такой неоцѣненный даръ, за такое сокровище. Нанна сажалась подлѣ него, или шипъ въ пальцахъ, или плесни кружево, или сучить шелкъ, или вязать ожерелье. Нѣжный родитель хонѣлъ смотрѣть на работницу, но вмѣсто того смотрѣлъ на нее самое, и наслаждался безмолвнымъ умиленьемъ. Читатель, знаешь ли ты по собственному опыту родительскія чувства? Естьли нѣтъ, поспомни по крайней мѣрѣ, какъ любовались глаза твоя прострою гвоздичкою или бѣленькимъ ясниномъ, нобою посаженнымъ; съ какимъ удовольствіемъ разсматривалъ ты ихъ краски и штыи, и сколь радовался мыслію: *это мой цѣтокъ; я посадилъ его и выросилъ!* вспомни, и знай, что отцу еще веселѣе смотрѣть на милую дочь, и веселѣе думать: *она моя!* — После Русскаго сыннаго обѣда Бояринъ Манивъ ложился отдыхать, а дочь свою съ ея мамою опускалъ гулять или въ садъ, или на большой зеленый лугъ, гдѣ нынѣ возвышаются *Красныя ворота* съ прубящею славою. Нанна рвала цвѣты, любовалась летающими бабочками, питалась благоуханіемъ травъ, возвращалась домой весела и покойна, и принималась шить за рукоделье. Наступалъ вечеръ — новое гулянье, новое удовольствіе; иногда же

юныя подружки приходили дѣлать съ нею часы прохлады, и разговаривать о всякой всячинѣ. Самъ доброй Бояринъ Манувъ бывалъ ихъ собесѣдникомъ, елики государственные или нужныя домашнія дѣла не занимали его времени. Свѣдая борода его не пугала молодыхъ красавицъ; онъ умѣлъ забавлять ихъ пріятнымъ образомъ, и рассказывать имъ приключенія благочесниваго Князя Владиміра и могучихъ богатырей Россійскихъ.

Зимою, когда не льзя было гулять ни въ саду, ни въ полѣ, Наталья кашалась въ санихъ по городу, и ѣздила по вечеринкамъ, на конорыя собирались одни дѣвушки, пѣвшияся и веселившіяся и веселымъ образомъ сокращать время. Тамъ мамы и няни выдумывали для своихъ барышень разныя забавы; играли въ жмурки, прыгали, хоронили волоню, пѣли пѣсни, рѣзались не нарушая благопристойности, и смѣялись безъ насмѣшекъ, такъ чинно скромная и целомудренная Дріада могла бы всегда присутствовать на сихъ вечеринкахъ. Глубокая полночь разлучала дѣвушекъ, и прелестная Наталья въ объятіяхъ мрака наслаждалась покойнымъ сномъ, конорымъ всегда юная невинность наслаждается.

Такъ жила Боярская дочь, и семнадцатая весна жизни ея наступила; травка зазеленѣлась, цвѣты расцвѣли въ полѣ, жазоронки зацвѣли—и Наталья, сидя поутру въ свѣтлицѣ своей подъ окномъ, смотрѣла въ садъ, гдѣ съ куспочка на куспочекъ порхали пшички, и нѣжно люби-

заясь своими маленькими носиками, прятались въ густую листву. Красавица въ первый разъ замѣнила, что они лепили парамп — сидѣли парамп, и скрывались парамп. Сердце ея какъ будто бы вздрогнуло — какъ будто бы какой нибудь чародѣй дотронулся до него волшебнымъ жезломъ своимъ! Она вздохнула — вздохнула въ другой и въ третій разъ — посмотрѣла вокругъ себя — увидѣла, что съ нею никого не было, никого, кромѣ снарой няни (которая дремала въ углу горницы на красномъ весеннемъ солнышкѣ) — опять вздохнула, и вдругъ бриллиантовая слеза сверкнула въ правомъ глазѣ ея, — потомъ и въ лѣвомъ — и обѣ выкатились — одна кинула на грудь, а другая осѣдѣла на румяной щекѣ, въ маленькой итъжной ямкѣ, которая у мѣлыхъ дѣвушекъ бываетъ знакомъ того, что Купидонъ цѣловалъ ихъ при рожденіи. Паналя подгорюнилась — чувствовала итъкопоруую грусть, итъкопоруую тоску въ душѣ своей; все казалось ей не такъ, все не ловко; она встала и опять съѣла — наконецъ, разбудивъ свою маму, сказала ей, что сердце у нее тоскуетъ. Снарушка начала крестить милую свою барышню, и съ итъкопоруыми *набожными оговорками* * бранила того человека, который взглянулъ на прекрасную Паналю не чистымъ глазомъ, или похвалить ея прелести не чистымъ языкомъ, не отъ чистаго сердца, не

* На прим. *прости Господи*, и прочее тому подобное, что можно еще слышать и отъ нынѣшнихъ нянюшекъ.

въ доброй часъ: ибо сшарушка была увѣреда, что се сглазили, и что виупренняя шоска ея пропсходнитъ не оиъ чего другаго. Ахъ добрая сшарушка! хоня ны и долго жила на свѣтъ, однакожь многова не знала; не знала, что и какъ въ нѣкоторыя лѣта начинаеися у нѣжныхъ дочерей Боярскихъ; не знала... Но можеиъ быиъ и чинапели (сспыли до сей минушы ени все еще держаиъ въ рукахъ книгу и не засынаюиъ) — можеиъ быиъ и чинапели не знаюиъ, что за бѣда случилася вдругъ съ нашею Героинею; чего она искала глазами въ горницѣ, оиъ чего вздыхала, плакала, грустила. Извѣстно, что до сего времени веселилася она какъ вольная птичка; что жизнь ея шекла, какъ прозрачной ручеекъ спремившея по бѣленькимъ камешкамъ между златныхъ, цвѣтуищихъ бережковъ: чтожь стѣбалось съ нею? Скромная Муза, повѣдай! — Съ небснаго лазореваго свода, а можеиъ быиъ онкуда иибудь и повыше, сленѣла какъ маленькая пшичка Колибри, порхала, порхала по чистому весеннему воздуху, и вленѣла въ Папальино нѣжное сердце — *потребность любить, любить, любить!!!* Воиъ вся загадка; воиъ причина красавицыной грусти — и сспыли она покажеися кому иибудь изъ чинапелей не совсемъ поняиною, но нусиъ пребуеиъ оиъ подробѣйнаго изъясненія оиъ любезнѣйшей ему осмнадцатилѣтней дѣвушки.

Съ сего времени Папалья во многомъ перемѣнилася — сшала не шакъ жива, не шакъ

рѣва — иногда задумывалась, — и хотя по прежнему гуляла въ саду и въ полѣ, хотя по прежнему проводила вечера съ подругами, но не находила ни въ чемъ прежняго удовольствія. Такъ человекъ, вышедшій изъ дѣтъ дышавша, видитъ игрушки, которыя составляли забаву его младенческаго, — берется за нихъ, хочетъ играть; но чувствуя, что онъ уже не веселятъ его, осматриваетъ ихъ со вздохомъ. — Красавица наша не умѣла самой себѣ дать опеченія въ своихъ новыхъ, смѣненныхъ, темныхъ чувствахъ. Воображеніе представляло ей чудеса. На примѣръ, часомъ казалось ей, (не только во снѣ, но даже и наяву) что передъ нею, въ меркнущей опаленной зарѣ, носился какой-то образъ, прелестной, милой призракъ, который манилъ ее къ себѣ Ангельскою улыбкою, и потомъ исчезалъ въ воздухъ. *Ахъ!* восклицала Наталья, и просернившія руки ея медленно опускались къ землѣ. Иногда же воспламеннымъ мыслямъ ея представлялся огромный храмъ, въ которомъ тысячи людей, мужчинъ и женщинъ, сидѣли съ радостными лицами, держа другъ друга за руку. Наталья хотѣла шкрякнѣ войти въ него; но невидимая рука удерживала ее за одежду, и неслышимый голосъ говорилъ ей: *стой съ притворъ храма; никто безъ милого друга не входитъ въ его внутренность.* — Она не понимала сердечныхъ своихъ движеній; не знала, какъ покровенныя свои свои: не разумѣла, чего желала; но живо чувствовала какой-то недосыпанокъ въ душѣ

своей, и почила. — Такъ, красавицы! ваша жизнь съ нѣкоторыхъ лѣтъ не можетъ быть щастлива, еслили нечестъ она какъ уединенная рѣка въ пустынь; а безъ милаго щастушка цѣлой свѣтъ для васъ пустыня, и веселые голоса подругъ, веселые голоса птичекъ кажутся вамъ печальными отзывами уединенной скуки. Напрасно, обманывая самихъ себя, хотите вы пустыню души своей наполнить чувствами дѣвической дружбы; напрасно избираете лучшую изъ подругъ своихъ въ предметъ нѣжныхъ побуждений вашего сердца! Пить, красавицы, пить! сердце ваше желаетъ чего-то другаго: оно хочетъ шакого сердца, которое не приближалось бы къ нему безъ сильнаго пренева; которое вмѣстѣ съ нимъ составляло бы одно чувство, нѣжное, спрастное, пламенное—а гдѣ найши его, гдѣ? Конечно не въ Дафи, конечно не въ Хлов, которые вмѣстѣ съ вами могутъ только горевать, тайно или явно—горевать и кручиниться, желая и не находя того, чего вы сами ищете и не находите въ холодной дружбѣ, по чиню найдене—или въ противномъ случаѣ вся жизнь ваша будетъ безпокойнымъ, тяжкимъ сномъ—найдене въ нѣши миршовой бесѣдки, гдѣ сидитъ шенеръ въ уныніи, въ поскѣ милой юности съ свѣтлоглубыми или черными глазами, и въ печальныхъ нѣсеняхъ жалуется на вашу наружную жеснокоси. — Любезной чинатель! просни мнѣ сіе ощущение! Не одинъ Сперитъ былъ рабомъ пера своего. — Обращимся снова къ нашей повѣсти.

Бояринъ Машвѣй скоро примѣтилъ, что Наналья стала пасмурнѣе: родимельское сердце его попревожилось. Онъ расширявалъ ее съ нѣжкою заботливостію о причинѣ такой неремѣны, и наконецъ заключивъ, что дочь его неможеетъ, онъ направилъ парочнаго гонца къ снолѣтней тещкѣ своей, копорая жила въ шемонѣ Муромскихъ лѣсовъ, собирала травы и коренья, обходилась болѣе съ волками и медвѣдями, нежели съ людьми Русскими, и прослыла есилью не чародѣйкою, но по крайней мѣрѣ велемудрою старушкою, искусною въ леченіи всѣхъ недуговъ человѣческихъ. Бояринъ Машвѣй описалъ ей всѣ признаки Нанальиной болѣзни, и просилъ, чтобы она посредствомъ своего искусства возвратила внукѣ здравіе, а ему старику радость и покоеніе. — Успѣхъ сего искусства okazaлся въ неизвѣстности; впрочемъ нѣтъ большой нужды и знаніе его. Теперь должны мы приступить къ описанію важнѣйшихъ приключеній.

Время и въ снарицу такъ же скоро летѣло, какъ нынѣ, и между тѣмъ, какъ наша красавица вздыхала и тосковала, годъ перевернулся на оси своей: зеленые ковры весны и лѣта покрылись пуниснымъ снѣгомъ; грозная царица хлада возсѣла на ледяной престолю свой, и дохнула выюгами на Русское царство; то есть, зима наступила, и Наналья по своему обыкновенію пошла однажды къ обѣдѣ. Помолвившись съ усердіемъ, она непарочно обратила глаза свои къ лѣвому крылосу — и что же увидѣла?

Прекрасной, молодой человекъ, въ голубомъ кафтанѣ съ золотыми пуговицами, сиялъ тамъ какъ царь среди всѣхъ прочихъ людей, и блестящій, пронзательный взоръ его встрѣтился съ ея взоромъ. Нанаша въ одну секунду вся покраснѣла, и сердце ея, задремавъ сильно, сказало ей: *voilà lui!*... Она опустила глаза свои, но не надолго; снова взглянула на красавца, снова занялась въ лицѣ своемъ, и снова задремала въ своемъ сердцѣ. Ей казалось, что любезной призракъ, коимъ ночью и днемъ прельщала ея воображеніе, быть не что иное, какъ образъ сего молодого человека — и потому она смотрѣла на него какъ на своего милаго знакомаго. Новой свѣтъ возсіялъ въ душѣ ея, какъ будто бы пробужденной явленіемъ солнца, но еще не пришедшей въ себя послѣ многихъ несвязныхъ и замѣненныхъ сновидѣній, волновавшихъ ее въ теченіе долгой ночи. «Итакъ — думала Нанаша — и такъ подлинно есть на свѣтѣ такой милой красавецъ, такой человекъ, — такой прелестной юноша?... Какой россъ! какая осанка! какое бѣлое, румяное лице! А глаза, глаза у него какъ молнія; я, робкая, боюсь глядѣть на нихъ. Онъ на меня смотритъ, смотритъ очень пристально — даже и тогда, когда молчю. Конечно и я знакома ему; можетъ быть и онъ, подобно мнѣ, груститъ, вздыхаетъ, думаетъ, думаетъ и видѣть меня, — хотя темно, однакожь видѣть, такъ какъ я видѣла его въ душѣ моей.»

Читатель долженъ знать, что мысли красивыхъ дѣвушекъ бывающъ очень быстры, когда въ сердцѣ у нихъ начинается восторгъ, чего онѣ долго не называютъ именемъ, и что Наташа въ снѣ минуны чувствовала. Обѣдѣ показалась ей очень коротка. Она десяти разъ дергала ее за камчатную плетень, и десяти разъ говорила ей: *пойдемъ, барышня; все кончилось*. Но барышня все еще не проглатывала съ мѣся, для того что и прекрасной незнакомецъ снѣла какъ влюбленной подлѣ дѣваго крыльца; они помахивали другъ на друга, и тихонько вздыхали. Старая мама, по слабости зрѣнія своего, ничего не видала, и думала, что Наташа читаетъ про себя молитвы и для того нейдетъ изъ церкви. Наконецъ дѣвчечка загремѣла ключами: шутъ красавица опомнилась, и видя, что церковь хотѣли запереть, пошла къ дверямъ; а за нею и молодой человекъ — она вѣдь, онѣ направо. Наташа раза два обступилась; раза два роунала плечомъ, и должна была воротиться назадъ; незнакомецъ оправлялъ кушакъ свой, снѣла на одномъ мѣсѣ, сморѣлъ — на красавицу, и все еще не надѣвалъ бобровой шапки своей, хотя на дворѣ было холодно.

Наташа пришла домой, и ни о чемъ больше не думала, какъ о молодомъ человекѣ въ голубомъ кафтанѣ съ золотыми пуговицами. Она была не печальна, однакожь и не очень весела, подобно такому человекѣ, который наконецъ узналъ, въ чемъ состоитъ его блажен-

ство, но имѣетъ еще слабую надежду имъ насладиться. За обѣдомъ она не ѣла, по обыкновенію вѣжъ влюбленныхъ — ибо для чего не сказать намъ прямо и просно, что Пашалья влюбилась въ незнакомца? «Въ одну минуточку?» (скажетъ чинанель:) «увидѣвъ въ первый разъ, «и не слыжавъ отъ него ни слова?» Милосердые государи! я разсказываю, какъ происходило самое дѣло: не сомнѣвайшесь въ истинѣ; не сомнѣвайшесь въ силѣ много взаимнаго влеченія, которое чувствуютъ два сердца, другъ для друга сотворенныя! А кто не вѣритъ симнаніи, пусть поиди отъ насъ прочь, и не чинай намъ испоріи, которая сообщается только для однихъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру!

Когда Бояринъ Машивъ несетъ обѣда заснуть — (не на Волыперовскихъ креслахъ, такъ какъ нынѣ спитъ Бояре, а на широкой дубовой лавкѣ) — Пашалья пошла съ нянею въ свѣтлицу свою, села подъ любимымъ окномъ, вынула изъ кармана бѣлой платокъ, хитро-чисто сказала, но раздумала—взглянула на окончины, расписанныя морозомъ — оправила жемчужную повязку на головѣ своей, и пономъ, смонря себя на колыни, тихимъ и немного дрожащимъ голосомъ спросила у няни, каковъ показался ей молодой человекъ, бывшій у обѣдин? Старушка не понимала, о комъ говоритъ она. Надлежало изъясниться; но легко ли это для спыдливой дѣвушки? Я говорю о томъ, продолжала Пашалья — о томъ, которой —

которой была степь лучше. Няня все еще не понимала, и красавица принуждена была сказать, что онъ спряталъ подъ лѣваго крыла, и вышелъ изъ церкви за ними. «Я не примѣтила его» — холодно отвѣчала старушка, и Напалья пихонько пожала прекрасными своими плечиками, удивляясь, какъ можно было его не примѣтить!

На другой день Напалья пришла всѣхъ раньше къ обѣдѣ, и вышла всѣхъ позже изъ церкви; но красавца въ голубомъ кафтанѣ память не было — на пресній день также не было, и чувствительная Боярская дочь не хотѣла ни пить ни ѣсть, перестала спать и насилу ходить могла; однакожь старалась танинъ внутреннее свое мученіе какъ отъ родителя, такъ и отъ няни. Только по ночамъ лились слезы ея на мягкое изголовье. «Жестокой (думала она) жестокой! за чѣмъ скрываешься отъ глазъ моихъ, которые тебя всеминутно ищутъ? Развѣ ты хочешь безвременной смерти моей? Я умру, умру — и ты не выронишь ни слезки на гробъ злощастной!» — Ахъ! для чего самая изжитѣйшая, самая пламенная изъ страстей родится всегда съ горестію? ибо какой влюбленной не вздыхать, какой влюбленной не покусить въ первые дни страсти своей, думая, что его не любятъ взаимно!

На четвертый день Напалья опять пошла къ обѣдѣ, не смотря ни на слабость свою, ни на жестокой морозъ, ни на то, что Бояринъ Машвѣй, примѣтивъ наканунѣ необык-

повенную блѣдность ея лица, просить ее беречь себя и не выходить со двора въ холодное время. Еще никого не было въ церкви. Красавица, еиной на своемъ мѣстѣ, смонирѣла на двери. Вошелъ первый человекъ — не онъ! вошелъ другой — не онъ! ирешій, чешвершой — все не онъ! вошелъ пяшой, и вѣшки зашпенсали въ Пашаль — эио онъ, пошъ красавецъ, кошораго образъ на всегда въ думѣ ея высечивался! Онъ сильнаго внутренняго волненія она едва не унала, и должна была опереться на плечо пани своей. Незнакомецъ поклонился на вѣ четыре стороны, а ей особливо, и приномъ гораздо ниже и починиле, нежели прочимъ. Темная блѣдность изображалась на его лицѣ, но глаза его сіяли еще свѣтлѣе прежняго; онъ смонирѣлъ почимъ безиреснанно на прелесниую Пашалью (кошора онъ иѣжныхъ чувствъ еиала еще прелесниѣ, и вздыхалъ шакъ неоснорожно, чшо она примѣнила движеніе груди его, и не взирая на свою скромность, угадывала причину. Любовь, надеждою оживляемая, алгла въ еію минуу на щесахъ милой нашей красавицы; любовь сіяла въ ея взорахъ; любовь билась въ ея сердцѣ; любовь подымала руку ея, когда она крестилась. — Часъ обѣдни былъ для нее одною блаженною секундою. Вѣспали выходниъ изъ церкви; она вышла послѣ вѣхъ, а съ нею и молодой человекъ. Вмѣсто того, чтобы итти оианъ въ другую сторону, онъ пошелъ уже слѣдомъ за Пашальею, кошора

поглядывала на него и черезъ правое и черезъ лѣвое плечо свое. Чудное дѣло! любовники никогда не могутъ насмотрѣться другъ на друга, подобно какъ алчной корыснолюбецъ не можетъ никогда насытиться золотомъ. — У воротъ Боярскаго дому Наналья въ послѣдній разъ взглянула на красавца, и нѣжнымъ взоромъ сказала ему: *прости, милой незнакомецъ!* Калиника хлопнула, и Наналь послышалось, что молодой человекъ вздохнулъ; но крайней мѣрѣ она сама вздохнула. — Синаруника нѣтъ была на сей разъ примѣчливѣе и не дождавшись еще ни слова отъ Нанальи, начала говорить о незнакомомъ красавцѣ, которой провожалъ ихъ отъ церкви. Она хвалила его съ великимъ жаромъ; доказывала, что онъ похожъ на ея покойнаго сына; не сомнѣвалась въ знаніи родъ его, и желала барышникъ своей макого супруга. Наналья радовалась, краснѣлась, задумывалась, отвѣчала: *да! нѣтъ!* и сама не знала, что отвѣчала.

На другой, на третій день опять ходили къ обѣднѣ; видѣли, кого видѣть желали—возвращались домой, и у воротъ говорили нѣжнымъ взоромъ: *прости!* Но сердце красной дѣвочки есть удивительная вещь: чѣмъ оно довольно нѣтъ, тѣмъ не довольно завпра — все болѣе и болѣе, и желаніямъ конца нѣтъ. Такимъ образомъ и Наналь показалося уже мало того, чтобы смотрѣть на прекраснаго незнакомца и видѣть нѣжность въ глазахъ его; ей захопѣлось слышать его голосъ, взять его за

руку, бышь поближе къ его сердцу, и проч. Чшо дѣлать? какъ бышь? Такія желанія иско-ренныи пурдно; а когда они не исполняются, красавицъ бывасятъ грустно.—Наналья онятъ прицалась за слезы. Судьба, Судьба! уже ли ты не сжалышся надъ нею? Уже ли захо-чень, чшобы свѣтлые глаза ся опгь слезъ по-меркли? — Посмотримъ, чшо будетъ.

Однажды передъ вечеромъ, когда Боярина Маввья не было дома, Наналья увидѣла въ окно, чшо калышка ихъ расшворилась — во-шелъ человекъ въ голубомъ кафтанѣ, и рабо-на вынала изъ рукъ Нанальиныхъ — ибо сей человекъ былъ прекрасной незнакомецъ. Няня! сказала она слабымъ голосомъ: *кто это?* Няня посмотрѣла, улыбулась и вышла вонъ.

«Огнь здѣсь! няня усмѣхнулась; пошла къ нему, вѣрно къ нему — ахъ, Боже мой! чшо будетъ?» думала Наналья, смотрѣла въ окно и видѣла, чшо молодой человекъ вошелъ уже въ сѣни. Сердце ся лентило къ нему на вспрѣчу; но робость говорила ей: *останься!* Красавица повиновалась сему послѣднему голосу, только съ мучительнымъ принужденіемъ, съ великою тоскою: ибо всего нестерпимѣе проши-вныи вълеченію своего сердца. Она вснавала, ходила, бралась за шю и за другое, и ченвернь часъ показала ся ей годомъ. Наконецъ дверь расшворилась, и скрытъ ся попрясъ Нанальиу дѣшу. Вошла няня — взглянула на барышню, улыбулась, и — не сказала ни слова. Красавица также не начинала говорить, и только

однимъ робкимъ взоромъ спрашивала: *что, ня-
ня? что?* Спарушка какъ будто бы веселилась
ея смущеніемъ, ея неперпѣніемъ — долго мол-
чала, и спусня уже нѣсколько минутъ, сказа-
ла ей: «знаешь ли, барышня, чпо эиотъ мо-
лодой человекъ боленъ?» — *Боленъ? чьмъ?* спро-
сила Пашалья, и цвѣтъ въ лицѣ ея перемѣ-
нился. — «Очень боленъ, продолжала няня: у
него такъ болятъ сердце, что бѣдной не мо-
жетъ ни пить ни ѣсть, блѣденъ какъ полони-
но, и насилу ходитъ. Ему сказали, чпо у ме-
ня есть лекарство на эту болѣзнь, и для
того онъ прибрелъ ко мнѣ, плачетъ горькими
слезами, и проситъ, чпобы я помогла ему.
Повѣришь ли, барышня, чпо у меня слезы на
глазахъ навернулись? Такая жалоснь!» — Чпо
же, няня? дала ли ны ему лекарство! — «Пить;
я велѣла подождать.» — Подождать? гдѣ? —
«Въ нашихъ свѣяхъ.» — Можно ли? Тамъ пре-
великой холодъ; со всѣхъ сторонъ несетъ, а
онъ боленъ! — «Чпожъ мнѣ дѣлать? Внизу у
насъ такой чадъ, чпо онъ можетъ угорѣть
до смерти: кудажъ его ввести, пока изгопо-
вно лекарство? Развѣ сюда? Развѣ прикажешь
ему войти въ теремъ? Это будетъ доброе дѣ-
ло, барышня; онъ человекъ честной — спа-
сень за небя Богу молиться, и никогда не
забудетъ нвоей милости. Теперь же банюш-
ки нѣтъ дома — сумерки, темно — никто
не увидитъ, и бѣды никакой нѣтъ: вѣдь
только въ сказкахъ мущины бывають спраш-
ны для красныхъ дѣвушекъ! Какъ думаешь

сударыня?» Напалья (не знаю, отъ чего) дрожала, и прерывающимся голосомъ отвѣчала ей: *я думаю... какъ хочешь... ты лучше моего знаешь.* Тутъ цѣля отворила дверь—и молодой человекъ бросился къ ногамъ Напалынымъ. Красавица ахнула, и глаза ея на минушу закрылись; бѣлыя руки повисли, и голова приклонилась къ высокой груди. Незнакомецъ осмѣлился поцѣловать ея руку, въ другой, въ третій разъ, осмѣлился поцѣловать красавицу въ розовыя губы, въ другой, въ третій разъ, и съ такимъ жаромъ, что мама испугалась и закричала: *баринъ! баринъ! помни уговоръ!* Напалья открыла черные глаза свои, которые прежде всего вспрѣялись съ черными глазами незнакомца, ибо они въ сію минушу были къ нему всего ближе; и въ нихъ и въ другихъ изображались пламенные чувства, любовію кипящее сердце. Напалья съ прудомъ могла приподнять голову, чтобы вздохомъ облегчить грудь свою. Тогда молодой человекъ началъ говорить — не языкомъ романовъ, но языкомъ невинной чувствительности; сказать просиыми, нѣжными, спрашенными словами, что онъ увидѣлъ и полюбилъ ее, полюбилъ такъ, что не можетъ быть щасливъ и не хочетъ жить безъ взаимной ея любви. Красавица молчала; только сердце и взоры говорили — но недоверчивой незнакомецъ желалъ еще словеснаго подтвержденія, и сходя на колѣняхъ, спросилъ у нее: «Напалья, прекрасная Напалья! любишь ли меня? Твой отвѣтъ рѣшитъ судьбу мою: я могу быть щасливъ—

шимъ человекомъ на свѣпѣ, или шумящая Москва — рѣка будетъ гробомъ моимъ. » — Ахъ барышня! сказала жалоспнвая няня: опвѣчай скорѣе, что онъ тебѣ нравенъ! ужели захочешь погубить его душу? — Ты мила сердцу моему, произнесла Наталья нѣж-нымъ голосомъ, положивъ руку на плечо его. *Дай Богъ*, примолвила она, поднявъ глаза на небо, и обративъ ихъ снова на восхитеннаго незнакомца — *дай Богъ, чтобъ я была столько же мила тебѣ!* Они обняли другъ друга; каза-лось, что дыханіе ихъ основилось. Кипо ви-далъ, какъ въ первой разъ цѣломудренныя лю-бовники обнимаются; какъ въ первой разъ добродѣтельная дѣвушка цѣлуетъ милаго дру-га, забывши въ первой разъ дѣвическую стыд-ливостъ: пусть ионъ и вообразить себѣ сію картину; я не смѣю описывать ее, — но она была протасельна — самая старая няня, сви-дѣтельница такого явленія, выронила капли дѣв слезъ и забыла напомнить любовнику объ уговорѣ; но богиня непорочности присущество-вала невидимо въ Натальиномъ перемѣ.

Послѣ перваго минутъ нѣмага воспора молодой человекъ, смотря на красавицу, зали-ся слезами. *Ты плачешь?* сказала Наталья нѣж-нымъ голосомъ, приклонивъ голову свою къ его плечу. — «Ахъ! я долженъ открыть те-бѣ мое сердце, прелестная Наталья!» опвѣ-

Чинанъ въ то время, что саринные любовники говорили не совсемъ правду, какъ здѣсь говорятъ они; но поодиннаго языка мы не могли бы переръ и понимать. Надлежало только *тыго-торить* образомъ поддѣлываясь подъ древній *колоритъ*.

дешь тебѣ известно, когда ты согласишься сдѣлать меня несчастливымъ. Прелестная, милая Напалья! время проходить; мнѣ не лѣзя бышь долѣе съ тобою. Чинобы роднись твоей, котораго я самъ люблю и починаю за добрыя дѣла его — чинобы роднись твоей не сокрушался и не починалъ дочери своей погибшею, я напишу къ нему письмо, и уведомя, что ты жива, и что онъ можетъ скоро увидѣть тебя. Скажи, скажи, чего ты хочешь: жизни моей или смерти?» — При сихъ словахъ, произнесенныхъ твердымъ голосомъ, онъ всматъ, и сморзѣлъ огненными, пламенными глазами на красавицу. «Ты меня сираниваешь?» сказала она съ чувствительностію: «развѣ я не обѣщала тебѣ повиноваться? Съ самаго младенчества привыкла я любить моего роднисьля, поному чиню и онъ любитъ меня, очень, очень любить — (шучи Напалья обнерла плашкомъ слезы свои, которыя одна за другою какали изъ глазъ ея) — тебя знаю не давно, а люблю еще больше: какъ это случилось, не знаю.» — Алексей обнять ее съ новымъ восхищеніемъ, снятъ золопой перстень съ руки своей, надѣтъ его на руку Напаль, сказать: *ты моя!* и скрылся какъ молнія. Снарушка няня проводила его со двора.

Вмѣстѣ съ Чинаниселемъ мы искренно винимъ Напалью, искренно порицаемъ ее за то, что она, видѣвъ только раза три молодого челоувѣка, и услышавъ отъ него нѣсколько пріятныхъ словъ, вдругъ рѣшилась бѣжать съ нимъ

изъ родительскаго дому, не зная куда-поручить судьбу свою незнакомому человеку, котораго, по собственнымъ рѣчамъ его, можно было считать подозрительнымъ—а что всего болѣе, опаснымъ добраго, чувствительнаго, и чуждаго отца.... Но такая ужасная любовь! Она можетъ сдѣлать преслушникомъ самаго добродѣшнѣйшаго человека! И что, любивъ пламенно въ жизни своей, не послушать ни въ чемъ противъ строгой правдивости: молить — тщетно! тщетно итѣмъ, что спросить его не была въ противоположности съ добродѣшью — иначе послѣдняя признала бы слабость свою, и слезы лицежнаго раскаянія наполнили бы рѣкою. Движеніемъ человеческого сердца увѣряюсъ насъ въ сей печальной истинѣ.

Что принадлежить до насъ, но молодой человекъ (послѣ того, какъ онъ увидѣлъ Пашалю въ церкви) нашелъ способъ переговорить съ нею и склонить ее на свою сторону разными льстивыми обещаніями и подарками. Увы! люди, а особливо подъ шаросомъ, бываютъ надки на серебро и золото. Шарушка забыла то, что она болѣе сорока лѣтъ служила безпорочно и вѣрно въ домъ Боярина Манѣва—забыла и продала себя незнакомцу. Однакожъ, по опаску честности, взяла съ него слово жениться на прекрасной Пашалѣ, и до того времени не употреблять во зло ее любви и невинности.

Пашалѣ, по уходѣ своего любовника, сподяла нѣсколько минутъ неподвижно; на лицѣ ея видны были знаки сильныхъ душевныхъ

движеній, но не сомнѣній, не колеблемости— ибо она уже рѣшилась! и хотя тихой голосъ изъ глубины сердца, какъ будто бы изъ отдаленной пещеры, спрашивалъ ее: *что ты дѣлаешь, безразсудная?* но другой голосъ, гораздо сильнѣйшій, въ томъ же самомъ сердцѣ отвѣчалъ за нее: *люблю!*

Няня возвратилась успокоить Пашалью, говоря ей, что она будетъ сунругою молодого красавца; и что жена, по самому закону, должна все оставишь и все забышь для мужа своего. — «Забышь?» перервала Пашалья, вступавшись въ послѣднія слова: «сѣтишь! я буду поминать моего родимела, буду всякой день объ немъ молиться. Къ тому же онъ скажетъ, что мы скоро бросимся къ ногамъ багачинымъ — не знакъ ли, няня?» — Конечно, барышня! отвѣчала сунругинка: *а что онъ скажетъ, то будетъ.* — «Вѣрно будетъ!» сказала Пашалья, и лице ея спало веселье.

Бояринъ Манувѣй возвратился домой поздно, и думая, что дочь его уже спитъ, не зашелъ къ ней въ шережъ. Полночь приближалась — Пашалья думала не обо сѣти, а объ миломъ другѣ, которому навѣки отдавала она сердце свое, и котораго съ неперытнѣемъ ожидала къ себѣ. Еще мѣсяць сіять на небѣ—мѣсяць, которымъ прежде глаза ея всегда веселились: шенерь онъ спалъ ей непріятень; шенерь думала красавица: «Какъ медленно капишься ты по круглому небу? Зайди скорѣе, мѣсяць свѣтлый! Онъ, онъ пріѣдетъ за мною, когда ты сокро-

ешься! — Луна опустилась — уже часъ ея зашла за кругъ земной — мракъ въ воздухѣ сгустился — и тучи занѣли — мѣсяцъ исчезъ, и серебрянымъ кольцомъ брякнули въ Боярскія ворота. Нанна въдрогнула. *Ахъ, нина! бѣги, бѣги скорѣе; онъ придетъ!* — Черезъ минуту явился молодой человекъ, и Нанна бросилась въ его объятія. Вонъ письмо къ моему родному, — сказалъ онъ, показавъ бумагу. — «Письмо къ моему родному? Ахъ! прочи его! я хочу слышать, что ты написалъ.» — Молодой человекъ развернулъ бумагу, и прочи сльдующи строки: «Я люблю милую дочь мою больше всего на свѣтѣ — ты не согласишься бы онда съе за меня — она ѣдетъ со мною — проси насъ! — любовь всего слытъ — можетъ быть со временемъ я буду достопочтъ называться зятемъ твоимъ.» — Нанна взяла письмо, и хотя не умѣла чиать, однакожь сморѣла на него, и слезы лились изъ глазъ ея. «Нини, сказала она, нини еще, что я прощу его не плакать, не кручиниться, и что эта бумага мокра отъ слезъ моихъ; нини, что я не вольна сама въ себѣ, и чтобы онъ ни забытъ ни просилъ меня.»

Молодой человекъ вынулъ изъ кармана перо и чернилицу — написалъ, что говорила Нанна, и опустилъ письмо на столъ. Потомъ красавица, надѣвъ лнсю шубу свою, помолвшись Богу, взявъ съ собою свой образъ, конорымъ благословила ее покойная мать, и подавъ руку щастливому любовнику, вышла изъ пере-

ма, сошла съ высокаго крыльца, со двора, — взглянула на родимельской домъ, обперла послѣднія слезы, сѣла въ сани, прижалась къ милому, и сказала: *вези меня, куда хочешь!* Кучерь ударилъ по лошадямъ, и лошади помчались; но вдругъ раздался жалобной голосъ: *меня покинули, меня бѣдную, несчастную!* Молодой человѣкъ оглянулся и увидѣлъ бѣгущую няню, которая оспиналась на минушку въ свѣплицѣ, чтобы прибрать изъкоторыя изъ драгоценныхъ Папалыиныхъ вещей, и которую наши любовники совсѣмъ было забыли. Лошадей удержали, посадили старушку, снова поскакали, и черезъ четверть часа выѣхали изъ Москвы. На правой сторонѣ дороги, вдали, свѣтился огонекъ: куда поворотили, и Папалыа увидѣла деревянную, низенькую церковь, занесенную снѣгомъ. Алексѣй — (чинишась не забыть имени молодого человѣка) — Алексѣй ввелъ любовницу свою во внутренность сего вѣнхаго храма, освѣщеннаго одною маленькою, слабогорящею лампадою. Тамъ встрѣтили ихъ старой священникъ, согбенный бременемъ лѣтъ, и дрожащимъ голосомъ сказалъ имъ: «я долго ждалъ васъ, любезныя дѣти! внукъ мой уже заснулъ.» Онъ разбудилъ мальчика, въ углу церкви спавшаго; поставилъ любовниковъ передъ иконой и началъ ихъ вѣнчать. Мальчикъ читалъ, пѣлъ, что надобно; съ удивленіемъ глядѣлъ на жениха и невесту, и дрожалъ при всякомъ порывѣ вѣтра, коимъ шумѣлъ въ худое окно церкви. Алексѣй и Папалыа молились усердно,

и произносѣя обвинѣ свой, смотрѣли другъ на друга съ умилениемъ и сладкими слезами. По совершеніи обряда пресвитеръ-свѣщенникъ сказалъ новобрачнымъ: *Я не знаю и не спрашиваю, кто вы; но именемъ великаго Бога, Котораго намъ и мракъ ночи и шумъ бѣри проповѣдуетъ* — (въ сіе мгновеніе спрашиваю занесть вѣнерь) — *именемъ Непогрѣшимаго, ужаснаго для злыхъ, для добрыхъ милосердаго, обѣщаю вамъ благоденствіе въ жизни, если вы будете всегда любить другъ друга: ибо любовь супружеская есть любовь святая, Божественная, и кто соблюдаетъ ее въ чистомъ сердцѣ — въ нечистомъ же она жить не можетъ — тогда пріятенъ Всевышнему. Грядите съ миромъ, и помните слова мои!* Новобрачные приняли благословеніе оного снарца, поцѣловали руку его, поцѣловали другъ друга, вышли изъ церкви и поѣхали.

Вѣнерь занесли въ дорогу; но рѣзвые кони летѣли какъ молніи — поздри ихъ дымнѣлись, паръ вился снопомъ, и пунисной снѣгъ оного коньшъ ихъ подымался вверхъ облаками. Скоро пуниснественики наши вѣхали въ пемонну лѣса, гдѣ совсѣмъ не было дороги. Снаруника вѣня дрожала оного снѣраха; но прекрасная Пашалѣя, чувствую подлѣ себя милаго друга, ничего не боялась. Молодой супругъ оноводилъ рукою все вѣнѣви и сучья, коншорые грозили уколотъ бѣлое лице супруги его. Огъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, когда сани опускались въ глубину сугробовъ, и жаркими

поцѣлуютъ удалять холодъ отъ стѣжкихъ розъ, копорыя цвѣли на устахъ ея. Около четырехъ часовъ ѣздили они по лѣсу, пробираясь сквозь ряды высокихъ деревъ. Уже лошади начинали утомляться, и съ прудомъ вынаскивали ноги свои изъ глубины стѣжкихъ; сани двигались медленно, и наконецъ Наналья, пожавъ руку своего любезнаго, тихимъ голосомъ спросила у него: *скоро ли мы прѣидемъ?* Алексѣй пошепталъ вокругъ себя, на вершины деревъ, и сказалъ, что жилище его не далеко. Въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько минутъ выѣхали они на узкую равнину, гдѣ стоялъ маленькій домикъ, обнесенный высокимъ заборомъ. На встрѣчу къ нимъ вышли няня или шеснь человекъ съ пиками зажженной лучины и вооруженные длинными ножами, копорыя висѣли у нихъ на кушакахъ. Снарунка няня, видя сіе дикое, уединенное жилище, посреди непроходимаго лѣса; видя сихъ вооруженныхъ людей и примѣтивъ на лицахъ ихъ нѣчто суровое и свирѣное, пришла въ ужасъ, сплеснула руками и закричала: *ахти! мы погибли! мы въ рукахъ — у разбойниковъ!*

Теперь могъ бы я представить странную картину глазамъ чинапелей — прельщенную невinnostь, обманутую любовь, несчастную красавицу во власни варваровъ, убійць—женою атамана разбойниковъ, свидѣельницею ужасныхъ злодѣйствъ, и наконецъ, послѣ мучительной жизни, издыхающую на эшафотѣ подъ стѣпкою правосудія, въ глазахъ несчаст-

наго родниеля; могъ бы предсавить все сіе въроизнымъ, еспесивеннымъ, и чувевивнелъной челоувкъ проилтъ бы слезы горесни и скорби — но въ такомъ случаѣ я удалася бы онѣ испорической испины, на конорой основано мое повѣснвованіе. Итъ, любезной чинанель, итъ! на сей разъ побереги слезы свои — успокойся — синаруника няня ошиблася — Паналя не у разбойниковъ!

Паналя не у разбойниковъ!.... Но кто же сей наисивенный молодой челоувкъ, или говоря языкомъ Оссіанскимъ, *сынъ опасности и мрака*, живущій во глубинѣ лѣсовъ? — Проню чинанель далѣе.

Паналя попревожилася восклицаніемъ няни, схватила Алексѣя за руку, и емошря ему въ глаза съ нѣконорымъ безнокойснвомъ, но съ полною довѣренноснію къ любимцу души своей, спросила: *гдѣ мы?* Молодой челоувкъ взглянулъ со гнѣвомъ на синарунику; потомъ, уснпремивъ нѣжный взоръ на милую Паналю, онвѣчалъ ей съ улыбною: *ты у добрыхъ людей—не бойся*. Паналя успокоилася: ибо нонѣ, кого она любила, велѣтъ ей успокоинься!

Вошли въ домикъ, раздѣленной на двѣ половины. «Здѣсь живутъ люди мои (сказать Алексѣй, указывая на право, а здѣсь я.» Въ первой горнищѣ висѣли мечи и бердыни, шивнаки и панцыри, а въ другой спояла высокая кровань, и передъ иконою Богоматери горѣла лампада. Паналя нунѣ же поснавила и свой образъ; помолилася, и взглянувъ умильно на Алексѣя,

низехонько поклонилась ему какъ хозяину въ домъ. Молодой супругъ снялъ съ красавицы лисью шубу, дыханіемъ своимъ согрѣлъ ей руки, посадилъ ее на дубовую лавку, смолвѣлъ на прелестную, и плакалъ онъ радосни. Милая Наналъя вмѣстѣ съ нимъ плакала: ибо итъжностъ и щасніе имѣюпъ также слезы свои....

Красавица забыла любовныишнво, или, лучше сказапъ, она совсѣмъ не имѣла его, зная то, что милый дунъ ея не можетъ быпъ злымъ человекомъ. Ахъ! естли бы все люди, сколько ихъ было тогда въ Русскомъ царствѣ, въ одинъ голосъ сказали Наналъ: *Алексѣй злодѣй!* она бы съ тихою улыбною отвѣчала имъ: *птъ!... сердце мое знаетъ его лучше, нежелп вы; сердце мое говоритъ, что онъ встхъ любезнѣе, встхъ добрѣе. Я васъ не слушаю.*

Но Алексѣй самъ говоришъ началъ. «Любезная Наналъя! сказапъ онъ: найна жизни моей должна шебъ опкрыпъся. Воля Всевышняго соединила насъ навѣки; ничто уже не можетъ разорванъ союза нашего. Супругъ не долженъ ничего скрывать онъ супруги своей. И такъ знай, что я сынъ ищаспнаго Боярина Любославскаго» ——— Любославскаго? Возможно ли? Батюшка сказывалъ мнѣ, что онъ пропалъ безъ встп. — «Его уже птъ на свѣтъ! Выслушай. — Ты не помпшь, но конечно слыкала о птхъ волненіяхъ и буннахъ, которые лѣпъ за тринадцатъ передъ смъ возмущали си окойснвіе нашего царства. Итъкошо-

рые изъ знашійшихъ честнѣлюбивыхъ Бояръ возсѣдали противъ законной власни юнаго Государя; но скоро гнѣвъ Божеской наказалъ мяшежниковъ — разсыпались какъ прахъ многочисленные ихъ сообщники, и кровь главныхъ бунтовщиковъ пролилась на лѣбномъ мѣстѣ. Родитель мой по нѣкоторому подозрѣнію, но совершенно ложному, взятъ былъ подъ стражу. Онъ имѣлъ непріятелей, злыхъ и коварныхъ; предсѣдѣли доказательсва мнимой его измѣны и согласія съ мяшежниками; отецъ мой клялся въ своей невинности, но обстоятельство осуждали его, и рука вышняго судіи готова была подписать ему смерть.... надежда исчезла въ душѣ невиннаго — одинъ Всевышній могъ спасти его — и спасъ. Вѣрный другъ отворилъ ему дверь племницы — и родитель мой скрылся, взявъ съ собою самыхъ усерднѣйшихъ слугъ и меня, двѣнадцатилѣтняго сына своего. Въ предѣлахъ Россіи не было для насъ безопасности: мы удалились въ ту страну, гдѣ рѣка Свѣга вливается въ величественную Волгу, и гдѣ многочисленные народы поклоняются лжепророку Магомету — народы суевѣрные, но спраннылюбивые. Они приняли насъ дружески, и мы около десяти лѣтъ жили съ ними; не имѣли ни въ чемъ недостатка, но безпрестанно горевали о своемъ опечеснѣннѣ; сидѣли на высокомъ берегу Волги, и смотря на ея волны, несущіяся отъ странъ Россійскихъ, проливали жаркія слезы; всякая пшца, де-

тившая съ запада *, казалась намъ мнѣе; всякую пшцу, на западъ лептвиную, провожали мы глазами и—вздохами.—Между пѣмъ опецъ мой ежегодно посылалъ въ Москву найнаго гонца, и получалъ письма оиъ своего друга, конторыя всегда подавали ему надежду, что невиноснѣ наша рано или поздно опкроенся, и что мы съ честью можемъ возвращишься въ опечеснво. Но скорбь изеушила сердце моего родишеля; силы его нечезали, и глаза покрывались густымъ мракомъ. Безъ ужаса чувствовалъ оиъ приближеніе конца своего — благословилъ меня — и сказавъ: *Богъ и другъ наши не оставятъ тебѣ*, умеръ въ моихъ объятіяхъ. Не буду говоришь тебѣ о гореснн бѣднаго сироты; нѣсколько мѣсяцевъ глаза мои не просыхали. — Я увѣдомилъ друга нашего о моемъ нещасіи: въ опвѣнъ своемъ, изъясняя душевную скорбь о кончинѣ невиного спрадальца, умершаго въ сирани нноплеменихъ, и погребеннаго въ землѣ не Христіанской, сей благодѣтельный другъ звалъ меня въ Россію. «Верснхъ въ 40 оиъ Москвы писалъ оиъ) въ «дремучь, непроходимомъ лѣсу, носпроилъ я «судиненный домикъ, неизвѣсннй никому, «кромя меня и надежныхъ людей моихъ. Тамъ «будешь ны живишь до времени въ совершенной безопасности. Посланный знаенъ сіе мѣсто.» — Я изъясилъ благодарноснѣ мою гостепріимнымъ жишелямъ Вожекихъ береговъ;

* То есть, оиъ Россіи.

проснулся съ зеленою могилною родинею моего; поцеловать и оросить слезою каждый цвѣточекъ, каждую травку, на ней раснувшую; возвратился съ вѣрными слугами въ предѣлы Россіи, облюбовать опечисленную землю — и въ густойнѣ темнаго лѣса, на узкой равнинѣ, напелъ сей пусынный домикъ, гдѣ нынѣ со мною, любезная Цанзалья. Здѣсь встрѣтили меня съдой снарецъ и сказали дрожащимъ голосомъ: *Ты сынъ Боярина Любославскаго! Господи! мой, стрѣльчій другъ его—моя, кто хотѣлъ быть вторымъ отцомъ твоимъ, и строилъ для тебя сіе жилище—скончался! Но онъ помнилъ о сиротѣ при кончинѣ своей. Здѣсь найдешь все нужное для жизни; найдешь сокровища: они твои. — И подыять глаза на небо; молчать — и слезы мои капающе трюномъ.* «Кто будетъ моимъ помощникомъ? думать я: «моимъ наставникомъ? Я одинъ въ свѣтъ!... «Всесвѣтлый! Ты, Кому поручилъ меня родителемъ мой! не оставь бѣднаго!»

«Я поселился въ пусынѣ; видѣть у себя множеству серебра и золота, но ни мало имъ не употребился. Черезъ нѣсколько дней захотѣлось мнѣ побывать въ царствennomъ градѣ, гдѣ никому не могъ узнать меня. Снарой служившемъ моего благодѣтеля указать мнѣ на деревьяхъ разные мѣны, коимъ великъ большой Московской дорогѣ, и коимъ никому кромѣ насъ не могли быть понятны. Я увидѣлъ блестящія главы церквей, народное множество, огромные дома, все чудеса Великаго града, и

радостныя слезы сверкнули въ глазахъ моихъ. Злачные дни младенчества, дни невинности и забавы, проведенныя мною въ Русской синолицѣ, представились моимъ мыслямъ какъ веселое сновидѣнiе. Я искалъ нашего бывшаго дому, и нашелъ одиѣ пустыя стѣны, въ которыхъ порхали ленивiя мыши — холодной ужасъ разлился по моей внутренности.

«Потомъ я часто бывалъ въ Москвѣ, оснащавливаясь въ одной тихой гостиницѣ и называя себя иногороднымъ купцомъ; часно видалъ Государя, отца народнаго; часно слыхалъ о благодѣянiяхъ родителея моего, когда Бояре, собираясь на площади прошивъ соборной церкви, рассказывали другъ другу все добрыя и похвальныя дѣла, украшавшiя синолицу. Возвращаясь въ пустыню, я сражался съ дикими звѣрями, которыхъ мы должны были истреблять для собственнoй нашей безопасности; но часто, выпуская изъ рукъ добычу, упалъ на землю и проливалъ слезы. Вездѣ было мнѣ грустно — въ пустомъ лѣсу и среди народа. Съ горестiю ходилъ я по улицамъ царственнаго града, и смѣтря на людей, которые всмѣрщались со мною, думалъ: *Они идутъ къ роднымъ и ближнимъ; ихъ дожидаются; имъ будутъ рады — лишь идти не къ кому; меня никто не дожидается; никто о сиротѣ не думаетъ!* Иногда хотѣлось мнѣ броситься къ ногамъ Государя, увѣривъ его въ невинности отца моего, въ моей вѣрности къ Царю благочестивому, и поручивъ его милосердию судъ-

бу мою; но какая-то могущественная невидимая рука не допускала меня исполнить сего намеренія.

«Пришла мрачная осень, пришла скучная зима; льденое усидиженіе сдѣлалось для меня еще нестерпимѣе. Я чаще прежняго спалъ въздвигъ въ городъ и—увидѣть тебя, прекрасная Нанашья. Ты показалась мнѣ Ангеломъ Божиимъ — и въспѣ! говорятъ, что сіяніе Ангеловъ ослабляетъ глаза человѣческіе, и что на нихъ нельзя смотрѣть долго; а мнѣ хотѣлось безпрестанно глядѣть на тебя. Я видалъ прежде многихъ красавицъ, дивился ихъ прелестямъ, и часто думалъ: *Господь Богъ не сотворилъ ничего лучше красныхъ Московскихъ дѣвушекъ*; но глаза мои на нихъ смотрѣли, а сердце молчало и не шлогалось — онѣ казались мнѣ *чужими*. Ты же первымъ взглядомъ влила какой-то огонь въ мое сердце; первымъ взглядомъ привлекла къ себѣ душу мою, которая тотчасъ полюбила тебя какъ *родную свою*. Мнѣ хотѣлось броситься и прижать тебя къ моей груди, шакъ крѣпко, чтобы ничто уже не могло разлучить насъ.—Ты ушла, и мнѣ показалось, что красное солнце закатилось, и ночь наступила. Я стоялъ на улицѣ, и не чувствовалъ снѣга, который на меня сыпался; наконецъ я пришелъ въ себя—спалъ разспрашиваешь, и узнавъ, кто ты, возвратился въ свою гостиницу, и размышлялъ о милой дочери Боярина Машвѣ. Бабушка часто говаривала мнѣ о любви, которую почувствовалъ онъ къ матери моей,

видѣвъ ее въ первый разъ, и которая не давала ему покоя до самаго того времени, какъ ихъ повели въ церковь. «Со мною же дѣлашся, думать я: и мнѣ не льзя бытъ ни спокойнымъ, ни щасливымъ безъ милой Пашалы. Но какъ надѣяться? Любимой Царской Боярницѣ захочетъ ли выдать дочь свою за такого человѣка, котораго оицеъ починается преслушникомъ? Правда, еслили бы она полюбила меня... съ нею и пусыныя лучше Москвы бѣлокаменной. Можеть бытъ оиобаюсь — только мнѣ казалось, что она взглядывала на меня ласково... но я вѣрно оиобаюсь. Какъ этому бытъ? Такое щасіе не вдругъ приходитъ!» — Паспушила ночь — и прошла, но глаза мои сномъ не смыкались. Ты безпрестанно была передо мною или въ душѣ моей — крестилась бѣлою рукою своею, и принимала ее подъ соболью шубейку. — На другой день почувствовать я сильную боль въ головѣ и превеликую слабость, которая заставляла меня около двухъ сутокъ пролежать на постелѣ. — *Такъ!* перервала Пашалы: *такъ!* я это знала; сердце мое тосковало не даромъ. Ни на другой, ни на третій день не было тебѣ у обѣди.

«Однакожь и самая болѣзнь не мѣшала мнѣ о тебѣ думать. Одинъ изъ слугъ моихъ былъ въ домѣ своего родственна, видѣлся съ своею нянею, и уговорилъ ее принести ко мнѣ въ госпитальницу. И открытъ спарушкъ любовь мою; просилъ, кланялся, увѣрялъ въ моей бла-

годарности — наконецъ она согласилась бытъ мнѣ помощницею. — Прочее ты знаешь. Я видѣть тебѣ въ церкви — иногда льстился бытъ любимымъ, примѣчая въ глазахъ твоихъ тихую умиленность, и краску на лицѣ твоемъ, когда встрѣчались наши взоры — наконецъ рѣшился узнать судьбу мою — ухватить ногами твоими, и бѣдной сироты снасть несчастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтъ. Могъ ли я послѣ твоего признанія разсѣяться съ тобою? Могъ ли жить подъ другимъ кровомъ, и всякой часъ безпокоиться, и всякой часъ думать: жива ли она? не угрожаютъ ли ей какія опасности? не тоскуетъ ли ее сердце? ахъ! не сватается ли за прекрасную какой нибудь жениха, богатой и знатной? — Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ оставалось умереть, или жить съ тобою! — Священникъ загородной церкви, которъй насъ вѣчалъ, бытъ не подкупленъ, а упрощенъ мною; слезы мои пронули снарца.

«Теперь извѣстно тебѣ, кто супругъ твой; теперь совершились все мои желанія. Грустно, скука! прости мне! Для всѣхъ уже нѣтъ мѣста въ уединенномъ моемъ домикѣ. Милая Нанналья любишь меня, милая Нанналья со мною! — Но я вижу немощность въ глазахъ твоихъ; тебѣ надобно успокоиться, любезная души моей. Ночь проходитъ, и скоро утренняя заря покажется на небѣ.»

Алексѣй поцѣловалъ Наннальину руку. Красавица вздохнула, *Ахъ! для чего нѣтъ съ нами*

батюшки! сказала она, прижавшись къ сердцу супруга: когда мы съ нимъ увидимся? когда онъ благословитъ насъ? когда я при немъ поцѣлую тебя, сердечнаго друга моего? — «Топъ (опвѣчалъ Алексѣй), Топъ милостивый Богъ, Который далъ мнѣ тебя, вѣрно все для насъ сдѣлаетъ. Положимся на Него: Онъ пошлетъ намъ случай унаспѣ къ ногамъ твоего родителя и принять его благословеніе.»

Сказавъ сіи слова, онъ вспалъ и вышелъ въ переднюю горницу. Тамъ сидѣли люди его съ нянею, которая (увѣрившись, что они не разбойники, и что длинныя ноги служатъ имъ только обороною отъ лѣсныхъ звѣрей) пересидѣла боясь, познакомилась съ ними, и съ любопытствомъ спарой женщины разспрашивала о молодомъ ихъ господинѣ, о причинѣ пустынноической жизни его, и проч. и проч. Алексѣй пошепталъ на ухо одному человеку, и черезъ минушу никого не осталось въ передней: старушку схватили подъ руки и увели въ другую половину. Молодой супругъ возвратился къ своей любезной — помогъ ей раздѣться — сердца ихъ бились — онъ взялъ ее за бѣлую руку.... Но скромная Муза моя закрываетъ бѣлымъ платкомъ лице свое — ни слова!.... Священный занавѣсъ опускается, священный и не проницаемый для глазъ любопытныхъ!

А вы, щастливые супруги, блаженствуйте въ сердечныхъ восторгахъ подъ вліяніемъ звѣздъ небесныхъ; но будьте цѣломудренны

въ самыхъ высочайшихъ наслажденіяхъ страсти своей! Невинная спыдливоснѣ да живетъ съ вами неразлучно — и пѣкныя цвѣтны удовольствія не завянутъ никогда на супружескомъ ложѣ вашемъ! —

Уже солнце взошло высоко на небѣ, и рассыпало по свѣгу миллионы блестящихъ діамантовъ; но въ спальнѣ нашихъ супруговъ все еще царствовало глубокое молчаніе. Спарушка мама давно встала, разъ десять подходила къ двери, слѣдила и ничего не слыхала; наконецъ вздумала пыхонько поспучанься, и сказала довольно громко: *пора вставать — пора вставать!* Черезъ нѣсколько минутъ дверь отперли. — Алексѣй былъ уже въ голубомъ кафтанѣ своемъ; но красавица лежала еще на постелѣ, и долго не могла взглянуть на спарушку, спыдаясь — не извѣстно, чего. Ресны на щекахъ ея не много поблѣднѣли; въ глазахъ изображалась немая слабоснѣ — но никогда Пашалья не была такъ привлекательна, какъ въ сіе утро. Она одѣлась съ помощію своей няни, помолилась Богу со слезами, и дожидалась супруга своего, которой между нѣмъ занимался хозяйствомъ, приказывалъ гошовитъ обѣдъ и прочее, что нужно въ домашнемъ быту. Когда онъ возвратился къ любезной супругѣ, она съ пѣкноснѣю обняла его и сказала тихимъ голосомъ: *Милой другъ! я думаю о батюшкѣ — ахъ! онъ сильно тоскуетъ, плачетъ, сокрушается!.... Мнѣ бы хотѣлось обѣ немъ слышать; хотѣлось бы знать —* Пашалья не

договорила: но Алексѣй понять ся желаніе, и немедленно отправилъ въ Москву человека, чтобы навѣдаться о Бояринѣ Манивѣ.

Но мы предупредимъ сего посланнаго и посмотримъ, что дѣлается въ царственномъ градѣ. Бояринѣ Манивѣ долго ждалъ къ себѣ поухру милой своей Пашалы, и наконецъ пошелъ въ ся черемъ. Тамъ все было пусто, все въ безпорядкѣ. Онъ изумился — увидѣлъ на столѣкъ письмо, развернулъ его, прочиталъ — не вѣрилъ глазамъ своимъ — прочиталъ въ другой разъ — хотѣлъ еще не вѣривъ — но дрожація ноги его подогнулись — онъ упалъ на землю. Нѣсколько минутъ продолжалось его безсознательно. Образумившись, приказалъ онъ людямъ веснн себя къ Государю. *Государь!* сказать пренесущій снарецъ— *Государь!....* Онъ не могъ говорить, и подалъ Царю Алексѣево письмо. Челю благочестиваго Монарха помрачилось гнѣвомъ. *Кто сей недостойный соблазнитель?* сказать онъ: *но вездѣ найдетъ его грозная рука правосудія* — сказать, и во все страны Русскаго царства отправились гонцы, съ повелѣніемъ искать Пашалы и ея похитителей.

Царь узнавалъ Боярина какъ своего друга. Вздохи и слезы облегчили снѣженную грудь несчастнаго родственна, и чувство гнѣва въ сердцѣ его уснуло мѣсно иъжкою горести. «Богъ видить» — сказать онъ, взглянувъ на небо — «Богъ видить, какъ я люблю тебѣ, «неблагодарная, жесноткая, милая Пашалы!...

«Такъ, Государь! она и теперь мила мнѣ бо-
«лѣе всего на свѣтѣ!... Кто увезъ ее изъ ро-
«динцельскаго дому? Гдѣ она? что съ нею дѣ-
«лалось?... Ахъ! на старости лѣтъ моихъ я
«побѣждалъ бы за нею на край свѣта!... Мо-
«жетъ быть какой нибудь злодѣй обольститъ
«невинную и послѣ броситъ, погубитъ ее....
«Нѣтъ! дочь моя не могла полюбить злодѣя!...
«Но для чего же не открылся родичею?...
«Кто бы онъ ни былъ, я обнялъ бы его какъ
«сына. Развѣ Государь меня не жалуетъ? Развѣ
«онъ не спалъ бы жалованья и званія моего?...
«Не знаю, что думаю!... Но ее нѣтъ!... Я
«плачу: она не видитъ слезъ моихъ — умру:
«она не закроетъ глазъ отца, которому по-
«лагать въ ней жизнь и душу свою?... Правда,
«безъ воли Всевышняго ничего не дѣлается;
«можетъ быть я заслужилъ наказаніе руки
«Его... Покорюсь безъ рошанія!... Объ од-
«номъ прошу тебя, Господи: будь ей отцомъ
«милосерднымъ во всякой странѣ. Пусть умру
«въ горести — лишь бы дочь моя была бла-
«гополучна!... Не лъзя, чтобы она не любила
«меня! не лъзя....» — Гунъ Бояринъ Манвѣ
«взялъ письмо, и снова прочиталъ его.» — «Ты
«плакала; эта бумага мокра отъ слезъ тво-
«ихъ: я буду хранить ее на моемъ сердцѣ,
«какъ послѣдній знакъ любви твоей. — Ахъ!
«если бы ты ко мнѣ возвратилась, хотя за
«часъ до моей смерти!... Но какъ угодно Все-
«вышнему! — Между нѣтъ отецъ твой, си-
«ропа на старости, будетъ отцомъ неща-

«стѣнныхъ и горестныхъ; обнимая ихъ какъ «дѣшей своихъ — какъ своихъ браний — онъ «скажетъ имъ со слезами: *друзья! молитесь о «Наталь.*» — Такъ говорилъ Бояринъ Манвѣй, и чувствительной Царь былъ пронунъ до глубины сердца.

Ошнынъ, добрый Бояринъ, жизнь твоя покрывается мракомъ печали — увы! и самая добродѣтель не можетъ насъ предохранить отъ горести! Безпрестанно будешь ты думать о милой сердца твоего—вздыхать и сидѣть подгорюнившись передъ широкими воротами своего дому! Никко, никко не принесешь тебѣ въспи о прелестной Наталь! Царскіе тонцы возвращаясь, и вздохъ ихъ будетъ опивѣномъ на вопросы швон. Сядунъ бѣдные за снолы нищелюбиваго Боярина, но хлѣбъ его покажется имъ горекъ—ибо они увидяшъ скорбь на лицѣ своего благодѣтеля! —

Между нѣмъ Алексѣевъ посланный возвращался въ пусыню съ извѣстіемъ, что Бояринъ Манвѣй былъ во дворцѣ Царскомъ, и что во всей Россіи велѣно искать его пропавшей дочери. Наталя хотѣла знать болѣе, и спрашивала, что написано было на лицѣ родителя ея, когда онъ шелъ изъ дворца Государева; вздыхалъ ли онъ, плакалъ ли, не произносилъ ли тихонько ея имени? Посланный не могъ опивѣчать ни да, ни нтъ: ибо онъ хопя и видѣлъ Боярина, но смотрѣлъ на него не проникательными глазами нѣжной дочери. Для чего, сказала Наталя, для чего не могу

я превратиться въ невидимку или въ маленькую птичку, чтобы слетать въ Москву блокаменную, взглянуть на родителя, поцеловать руку его, выронить на нее слезу горячую, и возвратиться къ милому моему другу? — «Ахъ нѣтъ! я не пустилъ бы тебя! отвѣчай Алексѣй: почему знаешь, что бы могло съ тобою случиться? Нѣтъ, мой другъ! я не могу и вздумать о разлукѣ — а ты можешь!» — Наташа почувствовала нѣжную укоризну, и оправдалась передъ супругомъ улыбкою, слезами и поцѣлуемъ.

Теперь надлежало бы мнѣ описывать счастье юныхъ супруговъ и любовниковъ, сокрытыхъ тѣснымъ мракомъ отъ цѣлаго свѣта; но вы, которые наслаждаетесь подобнымъ счастьемъ, скажите, можно ли описать его? — Наташа и Алексѣй, живучи въ своемъ уединеніи, не видали, какъ текло или летѣло время. Часы и минуты, дни и ночи, недѣли и мѣсяцы сливались въ пустынь ихъ какъ сиропъ рѣчный, не различаемыя глазомъ человеческимъ. Ахъ! удовольствія любви бываютъ всегда одинаковы, но всегда новы и безчисленны. Наташа просыпалась и — любила; вставала съ постели и — любила; молилась и — любила; что ни думала, все любила и всемъ наслаждалась. — Алексѣй по же, и чувства ихъ соснавлили восхищительную гармонию.

Но чинашель не долженъ думать, чтобы они въ уединенной жизни своей только смотрѣли другъ на друга и сидѣли отъ утра до

вечера поджавъ руки — итътъ! Наталья принялась за рукоделье, за пальцы, и скоро вышила разными шелками и разными узорами двѣ прекрасныя ширинки: первую для милаго супруга, чтобы онъ упиралъ ею бѣлое лице свое, а другую для любезнаго родимеля. *Когда нибудь мы поведемъ къ нему!* говорила красавица, и тихонько вздыхала. — Что принадлежить до Алексѣя, но онъ, сидя подлѣ своей супруги, рисовалъ перомъ разные ландшафты и картинки—любовался нѣмъ, что правилось Натальѣ, и старался поправить то, что ей казалось несовершеннымъ. Такъ, любезный читатель! Алексѣй умѣлъ рисовать, и приномъ весьма не худо, ибо сама Природа выучила его сему искусству. Онъ видѣлъ образъ кудрявыхъ деревьевъ въ рѣкахъ прозрачныхъ, и вздумалъ означать нѣмъ сію на бумагѣ; онъишъ былъ удаченъ, и скоро чертешки его сдѣлались вѣрными копіями Натуры; не только дерева, но и другіе предметы изображались имъ съ величайшею точностію. Красавица смотрѣла на движеніе руки его, и дивилась, какъ онъ могъ одними чертами пера своего представлять разные виды: то рощу дубовую, то башни Московскія, то дворецъ Государевъ. — Но Алексѣй уже не сражался съ дикими звѣрями: ибо они (какъ будно бы изъ уваженія къ прекрасной Натальѣ, новой обитательницѣ ихъ дремучаго лѣса) не приближались къ жилищу супруговъ, и ревѣли только въ отдаленіи.

Такимъ образомъ прошла зима; снѣгъ рас-

нялась; рѣки и ручьи зашумѣли, земля оцумилась нравкою, и зеленые пучки распустились на деревьяхъ. Алексѣй выбѣжалъ изъ своего домику, сорвалъ первой цвѣточекъ и принесъ его Нанналь. Она улыбнулась, поцѣловала своего друга — и въ самую сію минуту зацвѣли въ лѣсу весеннія шишечки. *Ахъ! какая радость! какое веселье!* сказала красавица: *мой другъ! пойдѣмъ гулять!* — Они пошли, и сѣли на берегу рѣки. «Знаешь ли, сказала Нанналь супругу своему — знаешь ли, что прошедшею весною не могла я безъ грусти слушать шишечекъ? Теперь мнѣ кажется, будто я ихъ разумью и одно съ ними думаю. Посмотри: здѣсь на кусночекъ воюють дѣвѣ шишечки — кажутся, малиновки — посмотри, какъ онѣ обнимаются крылышками; онѣ любятъ другъ друга, такъ, какъ я люблю тебѣ, мой другъ, и какъ ты меня любишь! Не правда ли?» Всякой можетъ вообразить себѣ оныишь Алексѣевъ и разные удовольствія, которыя весна принесла съ собою для нашихъ пусышниковъ.

Но всякая дочь, наслаждаясь любовію, не забываетъ и своего родителя. Алексѣй долженъ былъ всякую недѣлю два или три раза посылать въ Москву человека, навѣдывающагося о Бояринѣ Манувѣ. Весни привозились одинакія: Бояринъ дѣлать добрыя дѣла, печалится, кормить бѣдныхъ и говорить имъ: *Друзья! помолитесь о Настоль!* Нанналь вздыхала и смотрѣла на образъ.

Однажды возвратился посланный съ великою

поспѣшностію. «Государь! сказалъ онъ Алек-
«стю: Москва въ смященіи. Свиртыые Липов-
«цы возсѣли на Русское Царство. Я видѣлъ,
«какъ жинели преспольнаго града собирались
«передъ дворцомъ Государевымъ, и какъ Боя-
«ринъ Манивій, именемъ Царя православнаго,
«ободрялъ воиновъ; я видѣлъ, какъ толпы на-
«родныя бросали вверхъ шанки свои, воскли-
«кая въ одинъ голосъ: умремъ за Царя Госу-
«даря! умремъ за отечество, или побѣдимъ Ли-
«товцевъ! Я видѣлъ, какъ Русское воинство
«въ ряды спановилось, какъ сверкали его мечи
«и бердыши и конья булатныя. Завтра вы-
«деиъ оно въ поле, подъ начальствомъ Воеводъ
«храбрѣйшихъ.» — Сердце Алексево запре-
«пенаю; кровь закипѣла — онъ схватилъ со-
«спѣны мечъ оица своего — взглянулъ на су-
«ругу—и мечъ уналъ на землю — слезы пока-
«зались въ глазахъ его. Пашалья взяла его за
руку и не говорила ни слова. — «Любезная
Пашалья! сказалъ Алексѣй по нѣкоторомъ
молчаніи: ны желасень возвращишься въ домъ
къ своему родителю?»

Пашалья. Съ побою, мой другъ, съ побою!
Ахъ! я не смѣла говорить тебѣ; только мнѣ
всегда казалось, что мы напрасно скрываемся
отъ батюшки. Увидя насъ, онъ такъ обра-
дуются, что все забудешь; а я возьму за руку
тебя и его, заплачу отъ радости, и скажу:
соть они; вотъ ты, которыхъ люблю—теперь
я совершенно счастлива!

Алексѣй. Но мнѣ надобно заслужить преж-

де милость Царскую. Теперь есть къ тому случай.

Наталя. Какой же, мой другъ?

Алексѣй. Ъхашь на войну, сразись съ непріятелями Русскаго Царства, и побѣдишь. Царь увидитъ тогда, что Любославскіе любящъ его, и вѣрно служатъ своему опечесству.

Наталя. Поведемъ, мой другъ! Липы бы ты были со мною: я всюду готова.

Алексѣй. Что ты говоришь, милая Наталя? Тамъ лежатъ смертоносныя стрѣлы; тамъ рубятся мечами: какъ тебѣ ѡхашь со мною?

Наталя. И такъ ты хочешь меня оставить? хочешь моей смерти? потому что я не могу жить безъ тебя. Давно ли, мой другъ, давно ли говорилъ ты, что никогда не покинешь меня? А теперь думаешь ѡхашь одинъ, и еще шуда, гдѣ лежатъ стрѣлы? Кто защититъ тебя?... Ишь, ты возмешь меня съ собою — или бѣдная Наталя не мила уже сердцу твоему!

Алексѣй обнялъ свою супругу. «Поведемъ, сказалъ онъ, поведемъ, и умремъ вмѣстѣ, если ли такъ Богу угодно! Только на войнѣ не бываешь женщиной, милая Наталя!» — Красавица подумала, улыбнулась, пошла въ спальню и заперла за собою дверь. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда прекрасной ои-рокъ... Алексѣй изумился; но скоро узнать въ семъ юномъ красавцѣ любезную дочь Боярина

Машвья, и бросился целовать ее. Нанальа одѣлась въ платье своего супруга, которое носилъ онъ будучи двенадцати или четырнадцатилѣтнъ. «Я меньшей братъ твой, сказала она съ усмѣшкою: теперь дай мнѣ только мечъ острый и копье буланное, панцирь и шпиль желѣзной — увидишь, что я не хуже мушкетера.» — Алексѣй не могъ нарадоваться своимъ милымъ героямъ, выбрать ему самое легкое оружіе, нарядить его въ панцирь, сдѣланный изъ мѣдныхъ колецъ (на которыхъ было подписано: съ нами Богъ: никто же на ны! ^); вооружить людей своихъ, готовыхъ умереть за любезнаго господина; надѣть лавны покойнаго отца своего — и черезъ нѣсколько часовъ въ пустынномъ домикѣ осналась одна Нанальина мама съ двумя шариками.

А мы оснавимъ на нѣсколько времени супруговъ нашихъ, въ надеждѣ, что Небо не оснавишь ихъ, и будутъ имъ защитною въ опасностяхъ, тамъ, гдѣ летаютъ смертоносныя стрѣлы, гдѣ мечи сверкаютъ какъ молніи, гдѣ копьа прещаютъ и ломаются, гдѣ кровь человѣческая льется рѣками, гдѣ герои умираютъ за свое опечесиво и дѣлаются бессмертными. Возвратимся въ Москву — тамъ началась наша исторія, тамъ должно ей и кончиться.

Увы! какая пуспона въ столицѣ Россійскѣй!

* Въ Оружейной Московской Палатѣ я видѣлъ много панцирей съ сею надписью.

Все тихо, все печально. На улицахъ не видно никого, кромѣ слабыхъ снарцевъ и женщинъ, копорые съ унылыми лицами идутъ въ церковь, молить Бога, чпобы Онъ ошврашить грозную пучу онъ Русскаго Царсшва, даровать побѣду православнымъ воинамъ, и разсѣять сошмы .Инновскіе. Добросердечный, чувствительный Царь сшонитъ на высокомъ крыльцѣ своемъ, и съ неперитѣемъ ожидаетъ вѣсти онъ начальниковъ вошсшва, пошедшаго на вепрѣчу врагамъ многочисленнымъ. Бояринъ Манвѣй неразлученъ съ Царемъ благочесшвымъ. «Государь! говоритъ онъ: надѣйся на Бога и на храбросш своихъ подданныхъ, храбросш, копорая ошличаетъ ихъ онъ всѣхъ лныхъ народовъ. Сшранно разитъ мечи Россійскіе; шверда, подобно камню, грудь сыновъ швоихъ — побѣда будетъ всегда вѣрною ихъ подругою.» — Такъ говоритъ Бояринъ; думать о благѣ ошсчсшва — и шосковать о своихъ дочери.

Въ поту, въ пыли прискакаетъ вѣшникъ— Царь вепрѣчаситъ его на половинѣ крыльца, и дрожащею рукою развершсшваетъ шсшмо военачальниковъ... Первое слово сшнъ *побѣда!*— *Побѣда!* восклицаетъ онъ въ радости—*побѣда!* восклицаютъ Бояре — *побѣда!* народъ повшоряетъ — и во всемъ царшвенномъ градѣ раздавался одинъ голосъ: *побѣда!* и во всѣхъ сердцахъ было одно чувство: *радость!*

Начальники доносили Государю обо всемъ съ величайшею подробносшю. Сраженіе было са-

мое жестокое. Уже первый рядъ Русскаго воинства, истребимый безчисленнымъ множествомъ Липовцевъ, начиналъ колебаться, и хотѣлъ уступитьъ врагу сильнѣйшему; но вдругъ какъ громъ загрѣмѣлъ голосъ: *умремъ или побѣдимъ!* и въ то же мгновеніе опъ рядовъ Россійскихъ отдѣлился молодой воинъ, и съ мечемъ въ рукѣ бросился на непріятелей; за нимъ бросился и другіе; все воинство двинулось, и восклицая: *умремъ или побѣдимъ!* устремилось какъ буря на Липовцевъ, которые, не взирая на великое число свое, скоро побѣжали и разсыпались. «Мы не можемъ, иисали начальники, восхвалять по достоинству юнаго воина, которому принадлежитъ вся честь побѣды, и которой гналъ, разилъ непріятелей, и собственною рукою плѣнилъ ихъ предводителя. Повсюду слѣдовалъ за нимъ братъ его, прекрасной опрокъ, и закрывалъ его щитомъ своимъ. Онъ не хотѣлъ объявить имени своего никому, кромѣ себя Государя.— Побѣжденные Липовцы съѣхались изъ предѣловъ Россіи, и скоро воинство свое возвратится со славою во градъ Москву. Мы сами представимъ Царю непобѣдимаго юношу, спасителя опечеснѣва, и достойнаго всей швоей милости.» —

Царь съ непрерывнымъ ожиданіемъ своихъ героевъ, и выѣхалъ встрѣтить ихъ въ поле, вмѣстѣ съ Бояриномъ Матвѣемъ и съ другими чиновниками. Въ Москвѣ никого не осталось; слабые спарцы, забывъ слабость, съѣхали за городъ

на вспирѣчу къ своимъ дѣшьямъ; супруги и манс-
ри, неся младенцевъ или ведя ихъ за руки,
сѣвшили шуда же. Первый рядъ воинсшва по-
казался, — вишорой и шреній; разноцвѣшныя
знамена вѣшали надъ ошыми: вишны или съ
обнаженными мечами, ровнымъ шагомъ; назади
ѣхали коншы — впереди начальники, подъ
сѣшю профеевъ. Увидѣли Государя, и воскли-
щанія: *побѣда и здравіе Царю Россійскому!* за-
гремяли въ воздухъ. Воеводы ушли передъ
нимъ на колѣна. Онъ поднялъ ихъ и сказа-
лъ съ улыбкаю милосши: *благодарю васъ именемъ*
отечества. — «Государь! ошвѣчали они: мы
спарались исполнить должность свою! Но
Богъ даровалъ намъ побѣду рукою сего юнаго
вишва.» — Тунъ юный вишъ, сшоявшій по-
дѣ ихъ съ пошущеннымъ взоромъ, преклонилъ
колѣно. *Кто ты, арабръй вишва?* спросилъ
Государь, просширая къ нему правую руку
свою: *имя твое сшжно быть славно въ предѣ-
лахъ Русскаго царства.* — «Государь! ошвѣ-
чалъ вишва: сынъ осущденнаго Боярина Лю-
бославскаго, скончавшаго дни свои въ сшранъ
иновѣрныхъ, приносилъ тебѣ свою голову.» —
Царь поднялъ глаза на небо. «Благодарю Тебя,
Боже! (сказа-
лъ онъ) чшо Ты посылаешь мнѣ
случай хоня ошчасши загладишь неправосудіе
и злобу людей, и за сшраданіе невишнаго вишва
наградишь досшойнаго сына! Такъ, храбрый
вишва! невишность родившей швоего ошкры-
лась—къ нещасшю, поздно! Увы! я былъ шог-
да незрълымъ ошпрокомъ, и Бояринъ Машвѣй

еще не имѣть мѣсна въ совѣтъ моемъ. Злые Бояре оклеветали Любославскаго; одинъ изъ нихъ, кончая недавно жизнь свою, признался въ несправедливости доносовъ, по которымъ осудили невиннаго. Видишь слезы мои. — Будь же другомъ Царя своего, первымъ по Бояринъ Манувъ!» — «И такъ памянь отца моего, сказать Алексѣй, чиста онъ поношеніа!.. Но я — я винюсь передъ тобою, Государь великій! я увезъ дочь Боярина Манувъ изъ родителскаго дому!» — Царь удивился. *Гдѣ-жь она?* спросилъ онъ съ неперерывіемъ — — Но Бояринъ уже напелъ дочь свою: прекрасная Нанальа, въ одеждѣ воина, бросилась въ его объятія; вишиакъ сталъ съ головою ея, и русые волосы по плечамъ разсыпались. Изумленный, восхищенный родителъ не смѣлъ въ-ринуть сему явленію; но сердце чувствительнаго снарца сильнымъ пренесомъ своимъ укрѣ-ряло его, чино милая наплася. Едва могъ онъ перенести радости свою, и унать бы на землю, есильн бы другіе Бояре не поддержали его. Долго не говоритъ онъ ни слова, опустивъ голову на плечо Нанальы; наконецъ назвалъ ее именемъ, какъ будно бы желая видѣшь, оп-кликнется ли она — назвалъ ее своею милою, красивою, — и при каждомъ ласковомъ словѣ сіялъ новой лучъ радости на лицѣ его, ко-шорое такъ долго было печальнымъ! Казалось, будно языкъ его учился произносить давно забытыя имена: споль медленно онъ ихъ вы-говаривалъ! и повпорялъ споль часно! Нанальа

цѣловала его руки. Ты меня такъ же любишь! говорила она — такъ же любишь! и шепелье ручки слезъ договаривали за нее прочее. Все воинство пребывало въ тишинѣ и въ молчаніи. Государь былъ пронупъ сердечно, взялъ Алексея за руки и подвелъ его къ Боярину. Вотъ, сказала Напалья — вотъ супругъ мой! прости его, родитель мой, и люби такъ, какъ меня любишь! Бояринъ Манвѣй поднялъ голову, пошморгать на Алексея и подаль ему дрожащую руку свою. Молодой человекъ хотѣлъ броситься передъ нимъ на колѣни; но спарець прижалъ его къ своему сердцу вмѣстѣ съ милою дочерью....

Царь. Они достойны другъ друга, и будутъ своимъ утѣшеніемъ въ старости.

«Она дочь моя (сказалъ Бояринъ Манвѣй прерывающимъ голосомъ) — онъ сынъ мой — Господи! дай мнѣ умереть въ ихъ объятіяхъ!»

Спарецъ снова прижалъ ихъ къ своему сердцу.

==

Чишпель вообразилъ себѣ все послѣдующее. — Спарушку няню привезли въ городъ: Бояринъ Манвѣй просилъ ее; и призвавъ къ себѣ того Священника, которой вѣнчалъ Алексея и Напалью, хотѣлъ, чтобы онъ снова благословилъ ихъ въ его присутствіи. Супруги жили щастливо и пользовались особенною

Царскою милостию. Алексѣй оказалъ важныя услуги опечеснву и Государю, услуги, о ко-
норыхъ упоминается въ разныхъ историче-
скихъ рукописяхъ. Благодѣтельной Бояринъ
Матвѣй дожидъ до самой глубокой старости,
и веселился своею дочерью, своимъ зятемъ и
прекрасными дѣтьми ихъ. Смерть явилась ему
въ видѣ юнѣйшаго и любезнѣйшаго внука его;
онъ хотѣлъ обнять милаго опрока — и скон-
чался. — Больше я ничего не слыхалъ опъ
бабушки моего дѣдушки; но за нѣсколько лѣтъ
передъ симъ, прогуливаясь осенью по берегу
Москвы рѣки, близъ темной сосновой рощи,
нашелъ надгробной камень, заросшій зеленымъ
мохомъ и разломленный рукою времени — съ
великимъ трудомъ могъ я прочесть на немъ
слѣдующую надпись: *здесь погребенъ Алексѣй
Любославской съ своею супругою*. Старые люди
сказывали мнѣ, что на семь мѣсѣтъ была нѣ-
когда церковь—вѣроянно, самая та, гдѣ вѣн-
чались наши любовники, и гдѣ они захопѣли
лежать и по смерти своей.

г. 1792.

СИЕРРА-МОРЕНА.

Въ цвѣтущей Андалузѣи — тамъ, гдѣ шумятъ гордыя пальмы, гдѣ благоухаютъ мирровыя рощи, гдѣ величественный Гвадалквивиръ капаютъ медленно свои воды, гдѣ возвышася розмариномъ увѣщанная Сіерра-Морена * — тамъ увидѣтъ я Прекрасную, когда она въ уныніи, въ горести, спочила подлѣ Алонзова памятника, опершись на него лѣвѣею рукою своею; лучъ утѣшеннаго солнца позлащаетъ бѣлую урну, и возвышаетъ прогачельныя прелести нѣжной Эльвиры; ея русые волосы, разсыпаясь по плечамъ, падали на черный мраморъ.

Эльвира любила юнаго Алонза: Алонзо любилъ Эльвиру, и скоро надѣялся быти супругомъ ея; но корабль, на которомъ плыли они изъ Маіорки (гдѣ жилъ отецъ его), погибъ въ волнахъ моря. Сія ужасная вѣсть сразила Эльвиру. Жизнь ея была въ опасности... Наконецъ опечаленіе превратилось въ тихую скорбь и тоску. Она соорудила мраморный памятникъ любимцу души своей, и каждый день орошала его жаркими слезами.

* То есть, *Черная гора*.

Я смывалъ слезы мои съ ея слезами. Она увидѣла въ глазахъ моихъ изображеніе своей горести, въ чувствованіяхъ сердца моего узнала собственныя свои чувства, и назвала меня другомъ. Другомъ!... Какъ сладостно было имя сіе въ устахъ любезной! — Я въ первый разъ поцѣловалъ тогда руку ея.

Эльвира говорила мнѣ о своемъ незабвенномъ Алонзѣ; описывала красоту души его, свою любовь, свои восторги, свое блаженство; пономъ опчаяніе, поску, горестъ, и наконецъ—унышеніе, опраду, находимую сердцемъ ея въ миломъ дружествѣ. Тунъ взоръ Эльвирины блискала свѣтъ; розы на лицѣ ея оживлялись и пылали; рука ея съ горячностью пожимала мою руку.

Увы! въ груди моей свирѣпствовало пламя любви: сердце мое старало оны чувства своихъ; кровь кипѣла — и мнѣ надлежало тайно спрассъ свою!

Я тайно оную; тайно долго. Языкъ мой не дерзалъ именовать того, что кипѣла въ себѣ душа моя: ибо Эльвира клялась не любить никого, кромѣ своего Алонза; клялась не любить въ другой разъ. Ужасная клятва! Она угрождала ушна мои.

Мы были неразлучны; гуляли вмѣстѣ на зланныхъ берегахъ величественнаго Гвадальквивира; сидѣли надъ журчащими его водами, подлѣ горестнаго Алонзова памятника, въ тишинѣ и безмолвіи; одни сердца наши говорили. Взоръ Эльвирины, встрѣчаясь съ моимъ,

опускался къ землѣ или обращался на небо. Два вѣзда вылетѣли, соединились, и мѣнялись съ зѣфиромъ, исчезали въ просиранснвахъ воздуха. Жаръ дружескихъ моихъ объятій возбуждалъ иногда прененъ въ нѣжной Эльвириной груди — быснрый огонь разливался по лицу прекрасной — я чувствовалъ скорое бѣненіе пульса ея — чувствовалъ, какъ она хотѣла успокоиться, хотѣла удержанъ спремленіе крови своей, хотѣла говорить... но слова на устахъ замирали. — Я мучился и наслаждался.

Часто темная ночь заснигала насъ въ отдаленномъ уединеніи. Звучное эхо повноряло шумъ водопадовъ, кошорый раздавался между высокихъ ущесовъ Сіерры-Морены, въ ея глубокихъ разетлинахъ и долинахъ. Сильные вѣтры волновали и крушили воздухъ; багряныя молніи вились на черномъ небѣ, или блѣдная луна надъ съдыми облаками восходила. — Эльвира любила ужасы Панауры: они возвеличивали, восхищали, нншали ея душу.

Я былъ съ нею!... и радовался стущенію ночныхъ мраковъ. Они сблизжали сердца наши; они скрывали Эльвиру отъ всей Природы—и я въ темъ живѣе, въ темъ нераздѣльнѣе наслаждался ея присутствіемъ.

Ахъ! можно сражаться съ сердцемъ, долго и упорно; но кто побѣдитъ его? — Бурное спремленіе яросныхъ водъ разрывалось въ оилоны, и каменные горы распадаются отъ

силы огненного вещества, въ ихъ нѣдрахъ заключеннаго.

Сила чувствъ моихъ все преодолила, и долго-наимая спраснь излилась въ нѣжномъ признаніи!

Я споялъ на колѣняхъ, и слезы мои текли рѣкою. Эльвира бѣднѣла — и снова унодоблялась розѣ. Знаки страха, сомнѣнія, скорби, нѣжной помясности, мѣнялись на лицѣ ея!...

Она подала мнѣ руку, съ умильнымъ взоромъ. — «Жесткокой!» сказала Эльвира — но сладкой голосъ ея смягчилъ всю жестокость сего упрека — «жесткокой! ты не доволенъ крошечными чувствами дружбы; ты принуждаешь меня нарушить обѣтъ священный и порожественный!... Пусть же громы небесные поразятъ клятвопреступницу!... Я люблю тебя!»... Огненные поцѣлуи мои запечатались ушна ея.

Боже мой!... Сія минута была щастливѣйшею моею жизни!

Эльвира пошла къ Алонзову памянику, снала передъ нимъ на колѣни, и обнимая бѣлую урну, сказала трогательнымъ голосомъ: «Тынь любезнаго Алонза! простишь ли свою Эльвиру?.... Я клялась вѣчно любить тебя, и вѣчно любить не престану; образъ твой сохранился въ моемъ сердцѣ; всякой день буду украшать цвѣтами твой памятникъ; слезы мои будутъ всегда мѣшаться съ утреннею и вечернею росою на семъ хладномъ мраморѣ! — Но я клялась еще не любить никого, кромѣ

шебя... и люблю!... Увы? я надѣялась на сердце свое, и поздно увидѣла опасность. Она шоковала — было одно въ просиранномъ мѣрѣ — искало утѣшенія — дружба явилась ему въ вѣщъ невинности и добродѣтели.... Ахъ!... любезная пѣнь! просиши ли свою Эльвиру?»

Любовь моя была краснорѣчива: я успокоить милую, и все облака исчезли въ Ангельскихъ очахъ ея.

Эльвира назначила день для нашего вѣчнаго соединенія, предалась пѣжкимъ чувствамъ своимъ, и я наслаждался небомъ! — Но громъ собирался надъ нами... Рука моя пренецетъ!

Все радовалось въ Эльвириномъ замкѣ; все готовилось къ брачному торжеству. Ея родственники любили меня — Андалузія должна была быть вѣнцомъ моимъ ошечесствомъ!

Уже розы и лиліи на ошарѣ благоухали, и я приближился къ оному съ прелестною Эльвирою, съ восторгомъ въ душѣ, съ сладкимъ пренетомъ въ сердцѣ; уже священникъ готовился утвердить союзъ нашъ своимъ благословеніемъ — какъ вдругъ явился незнакомецъ, въ черной одеждѣ, съ блѣднымъ лицомъ, съ мрачнымъ видомъ; книжка блещала въ рукѣ его. «Вѣроломная?» сказалъ онъ Эльвирѣ: ты «клялась быти вѣчно моею, и забыла свою клятву! Я клялся любить тебѣ до гроба: «умираю... и люблю!»... Уже кровь лилась изъ его сердца; онъ воцѣлъ книжку въ грудь свою, и палъ мерный на помостъ храма.

Эльвира, какъ громомъ пораженная, въ из-

снупленіи, въ ужасъ воскликнула: «Алонзо! Алонзо!».... и лишилась памяти. — Все спало неподвижно. Внезапною страшнаго явленія изумила присутствующихъ.

Сей блѣдный незнакомецъ, сей грозный самоубійца, былъ Алонзо. Корабль, на которомъ онъ плылъ изъ Маіорки, погибъ; но Аджирцы извлекли юношу изъ волнъ, чтобы оковать его цѣпями тяжкой неволн. Черезъ годъ онъ получилъ свободу—ленгъ къ предмету любви своей — услышалъ о замужествѣ Эльвириномъ, и рѣшился наказать ее.... своею смертію.

Я вынесъ Эльвиру изъ храма. Она пришла въ себя — но пламя любви навѣкъ угасло въ очахъ и сердцѣ ея.

«Небо спрaвно наказало клятвопреступницу.» сказала мнѣ Эльвира: «я убійца Алонзова! Кровь его палила меня. Удался онъ несчастной! Земля разсунулась между нами, и лицемерно будень простираешь ко мнѣ руки свои! Бездна раздѣлила насъ навѣки. Можешь только взорами своими расправляешь неизлечимую рану моего сердца. Удался онъ несчастной!»

Моя горестъ, мое отчаяніе не могли пронзить ее—Эльвира погребла несчастнаго Алонза на томъ мѣстѣ, гдѣ она кивала некогда мнимую смерть его, и заключилась въ спрoжайшемъ изъ женскихъ монастырей. Увы! она не хотѣла проститься со мною!.. не хотѣла, чтобы я въ послѣдній разъ обнялъ ее со всею

горячностію любви и видѣть въ глазахъ ся
хоня одно сожалѣніе о моей участи!

Я былъ въ изступленіи — искалъ въ себѣ
чувственнаго сердца; но сердце подобно
камню лежало въ груди моей — искалъ слезъ,
и не находилъ ихъ — мертвое, спрашивное уе-
диненіе окружало меня.

День и ночь слылъ для глазъ моихъ въ
вѣчный сумракъ. Долго не зналъ я ни сна, ни
оподобленія; скинался по нѣмъ мѣсяцамъ,
гдѣ бывалъ вмѣстѣ — съ жестокою и пенца-
сною; хотѣлъ найти слѣды, осипки, ча-
сти моей Эльвиры, напечатлѣнія души ея....
но хладъ и тѣма вездѣ меня встрѣчали!

Иногда приближался я къ уединеннымъ снѣ-
намъ того монастыря, гдѣ заключилась не-
умолимая Эльвира: — тамъ грозныя башни
возвышались, желѣзные запоры на вратахъ
чертились, вѣчное безмолвіе обитало, и какой-
то унылой голосъ вѣщалъ мнѣ: «для тебя уже
нѣтъ Эльвиры!»

Наконецъ я удалился отъ Сіерры-Морены —
оставилъ Андалузію, Гвишанію, Еврону — ви-
дѣлъ печальные осипки древней Пальмиры,
нѣкогда славной и великолѣпной — и тамъ,
окершись на развалины, внималъ глубокой,
краснорѣчивой тишинѣ, царящей въ семъ
запустѣніи, и одними громами прерываемой.
Тамъ, въ объятіяхъ меланхоліи, сердце мое
размягчилось — тамъ слеза моя оросила сухое
плѣніе — тамъ, помышляя о жизни и смер-
ти народовъ, живо восчувствовалъ я суену

всего подлуннаго, и сказалъ самому себѣ: «Что есть жизнь человѣческая? что быніе наше? Одинъ мигъ, и все исчезнетъ! Улыбка счастья и слезы бѣдствія покроются единою горькою черной землі!» — Сѣи мысли чудеснымъ образомъ успокоили мою душу.

Я возвратился въ Еерону, и былъ нѣкоторое время игроушцемъ злобы людей, нѣкогда мною любимыхъ; хотѣлъ еще видѣть Андалузію, Сіерру-Морену, и узнать, что Эльвира переселилась уже въ обители небесныя; пролилъ слезы на ея могилѣ, и обнѣръ ихъ навѣки.

Хладный міръ! я тебя оставилъ! — Безумныя существа, человѣками именуемая! я васъ оставилъ! Свирѣпствуйте въ лютыхъ своихъ изнеумленіяхъ, персайте, умерщвляйте другъ друга! Сердце мое для васъ мертво, и судьба ваша его не трогаетъ.

Живу теперь въ снранѣ печальнаго сѣвера, гдѣ глаза мои въ первой разъ озарились лучемъ солнечнымъ; гдѣ величественная Пашура изъ нѣдръ безчувствія приняла меня въ свои объятія и включила въ снстему *эфемернаго* бытія — живу въ уединеніи, и внимаю бурямъ.

Тихая ночь — вѣчный покой — святое безмолвіе! къ вамъ, къ вамъ проспираю мои объятія!

ОСТРОВЪ БОРИГОЛЬМЪ.

Друзья! прошло красное лѣто; золотая осень поблѣднѣла; зелень увяла; деревья сносятъ безъ плодовъ и безъ листьевъ; туманное небо волнуется какъ мрачное море; зимній духъ сыплется на холодную землю — проснемся съ природою до радостнаго весенняго свиданія; укроемся отъ вьюгъ и маетелъ — укроемся въ пухомъ кабинетъ своемъ! Время не должно тяготивать насъ; мы знаемъ лекарство отъ скуки. Друзья! дубъ и береза шатаются въ камнѣ нашемъ — пусть свирѣтствуютъ въ теръ, и засыпаютъ окна бѣлымъ снѣгомъ! Сядемъ вокругъ алаго огня, и будемъ рассказывать другъ другу сказки и повѣсти и всякія были.

Вы знаете, что я сираспировалъ въ чужихъ земляхъ, далеко, далеко отъ моего отечества, далеко отъ васъ, любимыхъ моему сердцу; видѣлъ много чуднаго, слышалъ много удивительнаго; многое вамъ рассказывать, но не могъ рассказать всего, что случилось со мною. Слушайте — я повѣстную — повѣстную истину, не выдумку.

Англія была крайнимъ предѣломъ моего путешествія. Тамъ сказалъ я самому себѣ: «Отечество и друзья ожидаютъ тебя; время успокоиться въ ихъ объятіяхъ; время посвящать

«спранный жезлъ твой сыну Манну *;
«время повѣсиль его на густѣйшую вѣтвь
«того дерева, подъ которымъ игралъ пы въ
«юныхъ лѣтахъ своихъ» — сказать, и съѣзъ
въ Лондонъ на корабль *Британію*, чинобы плыть
къ любезнымъ спранамъ Россіи.

Быстро канули мы на бѣлыхъ нарусахъ
вдоль цѣпущихъ береговъ величественной
Темзы. Уже безпредѣльное море засияло съ пе-
редъ нами; уже слышали мы шумъ его волне-
ній — но вдругъ перемѣнился вѣтеръ, и ко-
рабль нашъ, въ ожиданіи благопріятнѣйшаго
времени, долженъ былъ остановиться про-
тивъ мѣстечка Гревзенда.

Вмѣстѣ съ Капитаномъ вышелъ я на берегъ;
гулялъ съ покойнымъ сердцемъ по зеленымъ
лугамъ, украшеннымъ Природою и трудолю-
біемъ, — мѣстамъ рѣдкимъ и живописнымъ;
наконецъ, утомленный жаромъ солнечнымъ,
легъ на траву, подъ столѣтнимъ вязомъ,
близъ морскаго берега, и смотрѣлъ на влаж-
ное пространство, на пыльные валы, ко-
норые въ безчисленныхъ рядахъ изъ мрачной
опдаленности неслися къ острову съ глухимъ
ревомъ. Сей унылой шумъ и видъ необозри-
мыхъ водъ начинали склонять меня къ пош
дремонѣ, къ тому сладоспному бездѣйствию
души, въ которомъ все идетъ и все чувству
оснанавливаются и цѣпятся, подобно вдругъ

* Во время древности спранники, возвращаясь въ отече-
ство, посвящали жезлы свои Меркурію.

замерзающимъ ключевымъ струямъ, и которое есть самой разительнѣйшей и самой пѣнической образъ смерти; но вдругъ вънви попрыскался надъ моею головою... Я взглянулъ и увидѣлъ—молодаго человѣка, худого, блѣднаго, шомнаго — болѣе привидѣніе, нежели человека. Въ одной рукѣ держалъ онъ гитару, другою срывалъ онъ листочки съ дерева, и смотрѣлъ на синее море неподвижными черными глазами своими, въ которыхъ сіялъ послѣдній лучъ угасающей жизни. Взоръ мой не могъ встрѣниться съ его взоромъ; чувства его были мершвы для вѣншихъ предметовъ; онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ меня, но не видалъ ничего, не слыхалъ ничего. — Нещасной молодой человѣкъ! думать я: ты убитъ рокомъ. Не знаю ни имени, ни рода швоего; но знаю, что ты нещасливъ!

Онъ вздохнулъ; поднять глаза къ небу, опустить ихъ опашь на волны морскія — опомелъ онъ дерева, сълъ на шраву, заигралъ на своей гитарѣ печальную прелодію, смотря безпресшанно на море, и запѣлъ тихимъ голосомъ, слѣдующую пѣсню (на Данскомъ языкѣ, которому училъ меня въ Женевѣ пріишель мой Докшоръ N. N.):

Законъ осуждаютъ
Предметъ моей любви;
Но кшо, о сердце! можешь
Пропившись шобѣ?

Какой законъ святѣ
Твоихъ врожденныхъ чувствъ?

Какая власнѣ сильнѣе
Любви и красоты?

Люблю, — любить ввѣкъ буду.
Кляннше спраснѣ мою,
Безжалостныя души,
Жестокія сердца!

Священная Природа!
Твой нѣжный другъ и сынъ
Невиненъ предъ тобою.
Ты сердце мнѣ дала;

Твои дары благіе
Украсили ее —
Природа! ты хотѣла,
Чтобъ Лицу я любить!

Твой громъ гремѣлъ надъ нами,
Но насъ не поражалъ,
Когда мы наслаждались
Въ объятіяхъ любви. —

О Боргольмъ, милый Боргольмъ!
Къ тебѣ душа моя
Спряминенъ безпрестанно;
Но тщетно слезы лью,

Томлюся и вздыхаю!
Навѣкъ я удаленъ
Родительскою кляпвой
Отъ береговъ твоихъ!

Еще ли ты, о Лица!
Живешь въ тоскѣ своей?

Или въ волнахъ шумящихъ
Скончала злую жизньъ?

Явился мнѣ, явился,
Любезнѣйшая пѣнь!
Я самъ въ волнахъ шумящихъ
Съ тобою погребусь.

Тунгъ по невольному винупренному движенію, хотѣлъ я броситься къ незнакомцу и прижать его къ сердцу своему; но Каннианъ мой въ самую сію минуту взялъ меня за руку, и сказалъ, что благопріятный вѣтеръ раздвѣшаетъ наши парусы, и что намъ не должно терять времени. — Мы поплыли. Молодой человекъ, бросивъ гишару и сложивъ руки, смотрѣлъ въ слѣдъ за нами, — смотрѣлъ на синее море.

Волны пѣлились подъ рулемъ корабля нашего; берегъ Гревзендекой скрылся въ ондаленіи; сѣверныя провинціи Англіи чертились на другомъ краю горизонта — наконецъ все исчезло, и пиццы, конорья долго висѣли надъ нами, полетѣли назадъ къ берегу, какъ будто бы усмращенные необозримою моря. Волненіе шумныхъ водъ и туманное небо остались единственными предметомъ глазъ нашихъ, предметомъ величественнымъ и страшнымъ. — Друзья мои! чтобы живо чувствовать всю дерзость человеческого духа, надобно быть на открытомъ морѣ, гдѣ одна тонкая дощечка, какъ говорятъ Виландъ, отдѣляетъ насъ отъ слаженной смерти; но гдѣ искус-

ный пловецъ, распуская парусы, лепитъ, и въ мысляхъ своихъ виднѣтъ уже блескъ золота, которымъ въ другой части міра наградится смѣлая его предпріимчивость. Nil mortali-
bus arduum est — *нѣтъ для смертныхъ невозможнаго*, думаю я съ Гораціемъ, теряясь взоромъ въ безконечности Пеншупова царства.

Но скоро жеспокой припадокъ морской болѣзни лишилъ меня чувства. Шесть дней глаза мои не открывались, и томное сердце, орошаемое пѣною бурныхъ волнъ *, едва билось въ груди моей. Въ седьмой день я ожилъ, и хоща съ блѣднымъ, но радостнымъ лицомъ вышелъ на палубу. Солнце по чистому лазоревому своду капилося уже къ западу; море, освѣщаемое злыми лучами, шумѣло; корабль лепилъ на всѣхъ парусахъ по грудамъ разсѣкаемыхъ валовъ, которые нищетно сплились опередить его. Вокругъ насъ, въ разномъ отдаленіи, развѣвались бѣлые, голубые и розовые флаги; а на правой сторонѣ чернѣлось ничто подобное землѣ.

Гдѣ мы? спросилъ я у Капитана. «Плаваніе наше благополучно, сказалъ онъ: мы прошли Зундъ; берега Швеціи скрылись отъ глазъ нашихъ. На правой сторонѣ видите вы Датской островъ Борнгольмъ, мѣсто опасное для кораблей; тамъ мели и камни таятся на днѣ морскомъ. Когда наступитъ ночь, мы бросимъ якорь.»

* Въ самомъ дѣлѣ пѣна волнъ часто орошала меня, лежащаго почти безъ памяти на палубѣ.

Островъ Боригольмъ, островъ Боригольмъ! повторилъ я въ мысляхъ, и образъ молодого Гревзендскаго незнакомца оживился въ душѣ моей. Печальные звуки и слова пѣсни его оживались въ моемъ слухѣ. «Они заключаютъ въ себѣ тайну сердца его, думаю я: но кто онъ? Какіе законы осуждаютъ любовь несчастнаго? Какая клятва удалила его отъ береговъ Боригольма, сподъ ему милаго? Узнаю ли когда нибудь его пѣнію?»

Между нѣмъ сильной вѣтеръ несъ насъ прямо къ острову. Уже открылись грозныя скалы его, откуда съ шумомъ и нѣною свергались кипящіе ручьи въ глубину морскую. Онъ казался со всѣхъ сторонъ неприсущнымъ, со всѣхъ сторонъ огражденнымъ рукою величественной Натуры; ничего, кромѣ спрашнаго, не представлялось на сѣдыхъ утесахъ. Съ ужасомъ видѣлъ я тамъ образъ холодной, безмолвной вѣчности, образъ немолимой смерти, и того неописаннаго Творческаго могущества, передъ которымъ все смертное пренешанъ должно.

Солнце погрузилось въ волны — и мы бросили якорь. Внѣрь утѣхъ, и море едва, едва колебалось. Я смотрѣлъ на островъ, который неизъяснимою силою влекъ меня къ берегамъ своимъ; немное предчувствіе говорило мнѣ: «тамъ можешь удовлетворишь своему любопышству, и Боригольмъ ошанеся на вѣки въ твоей памяти!» — Наконецъ, узнавъ, что недалеко отъ берега сѣнь рыбачьи хижины, рѣшился я просить у Каншана шлюпки и тѣхъ

на островъ съ двумя или тремя манпрозами. Онъ говорилъ объ опасности, о подводныхъ камняхъ; но видя непреклонность своего пассажира, согласился исполнить мое требованіе, съ нѣмъ условіемъ, чтобы я на другой день рано по утру на корабль возвратился.

Мы поплыли, и благополучно причалили къ берегу, въ небольшомъ тихомъ заливѣ. Тутъ встрѣтили насъ рыбаки, люди грубые и дикіе, выросшіе на холодной снѣжнѣ, подъ шумомъ валовъ морскихъ, и незнакомые съ улыбочкою дружелюбнаго привѣтствія; впрочемъ не хищные и не злые люди. Услышавъ, что мы желаемъ посмотрѣть острова и почевать въ ихъ жилищахъ, они привязали нашу лодку, и повели насъ, сквозь расщепляющуюся кремнистую гору, къ своимъ жилищамъ. Черезъ полчаса вышли мы на просторную, зеленую равнину, гдѣ, подобно какъ на долинахъ Альпійскихъ, разсыпаны были низенькіе деревянные домики, рощицы и громады камней. Тутъ оставилъ я своихъ манпрозовъ, а самъ пошелъ далѣе, чтобы насладиться еще нѣсколько времени пріятностями вечера; мальчикъ, дѣтъ принадлежани, былъ проводникомъ моимъ.

Алая заря не угасла еще на свѣтломъ небѣ; розовой свѣтъ ея сыпался на бѣлыя гранины, и вдали, за высокимъ холмомъ, освѣщала обширныя башни древняго замка. Мальчикъ не могъ сказать мнѣ, кому принадлежалъ сей замокъ. «Мы туда не ходимъ, говорилъ онъ, — и Богъ знаетъ, что тамъ дѣлается!» — Я

удвоить шаги свои, и скоро приблизился къ большому гошническому зданію, окруженному глубокимъ рвомъ и высокою стѣною. Вездѣ царшировала тишина; вдали шумѣло море; послѣдній лучъ вечерняго свѣта угасалъ на мѣдныхъ шпицахъ башенъ.

Я обошелъ вокругъ замка — вороша были занерны, мосты подняты. Проводникъ мой боялся, самъ не зная чего, и просилъ меня идти назадъ къ хижинамъ; но могъ ли любознательный человѣкъ уважить такую просьбу?

Наступила ночь, и вдругъ раздался голосъ — эхо повторило его, и опять все умолкло. Мальчикъ опять спрѣха схватилъ меня обѣими руками, и дрожалъ, какъ преслушникъ въ часъ казни. Черезъ минушу снова раздался голосъ — спрашивали: *кто тамъ?* Чужеземецъ, сказалъ я, приведенный любознательствомъ на сѣноспровъ; и сѣняли госпепринмениво починалися добродѣтельно въ снѣгахъ вачего замка, но вы укроение спрашипка на шемное время ночи. — Ошвѣна не было; но черезъ нѣсколько минушъ загрѣмѣлъ и опустился съ верха башни подъемной мостъ: съ шумомъ опворились вороша — высокой человѣкъ, въ длинномъ черномъ плащѣ, вспрѣшила меня, взять за руку и повелъ въ замокъ. Я оборотился назадъ: но мальчикъ, провожатой мой, скрылся.

Вороша хлопнули за нами; мостъ загрѣмѣлъ и поднялся. Черезъ обширной дворъ, заросши-

ній кустарникомъ, крапивою и полынью, пришли мы къ огромному дому, въ которомъ свѣтился огонь. Высокой перешли въ древнемъ вкусѣ вѣтъ къ желѣзному крыльцу, кошораго спускени звучали подъ ногами нашими. Вездѣ было мрачно и пусто. Въ первой залѣ, окруженной внутри готическою колонадою, висѣла лампада, и едва, едва изливала блѣдный свѣтъ на ряды позлащенныхъ сноповъ, которые онѣ древности начинали разрушаться; въ одномъ мѣстѣ лежали часни карниза, въ другомъ опломки пиласпоровъ, въ третьемъ цѣлыя унавшія колонны. Пустоводитель мой нѣсколько разъ взглядывалъ на меня пронцапельными глазами, но не говорилъ ни слова.

Все сіе сдѣлало въ сердцѣ моемъ странное впечатлѣніе, смѣшенное опчасни съ ужасомъ, опчасни съ тайнымъ неизъяснимымъ удовольствіемъ, или лучше сказать, съ пріятнымъ ожиданіемъ чего-то чрезвычайнаго.

Мы прошли еще черезъ двѣ или три залы, подобныя первой, и освѣщенныя такими же лампадами. Потомъ отворилась дверь на право — въ углу небольшой комнаты сидѣлъ почтенной сѣдовласой старецъ, облокотившись на снопъ, гдѣ горѣли двѣ бѣлыя восковыя свѣчи. Онъ поднялъ голову, взглянулъ на меня съ какою-то печальною ласкою, подавъ мнѣ слабую свою руку, и сказалъ тихимъ пріятнымъ голосомъ: «Хотя вѣчная гореснь обитасихъ въ снѣгахъ здѣшняго замка, но странникъ, требующій госпепріимства, всегда най-

дешъ въ немъ мирное признаніе. Чужеземецъ! я не знаю тебя; но ны человекъ — въ умирающемъ сердцѣ моемъ жива еще любовь къ людямъ — мой домъ, мои обѣщанія тебѣ опровержены.» — Онъ обнялъ, посадилъ меня, и спараясь развеселить мрачный видъ свой, уподоблялся хоня ясному, но хладному осеннему дню, конкорой напоминаешь болѣе горестную зиму, нежели радостное лѣто. Ему хотѣлось быть привѣтливымъ, — хотѣлось улыбкою вселить въ меня довѣренность и пріятныя чувства двужелобія; но знаки сердечной печали, углубившіеся на лицѣ его, не могли исчезнуть въ одну минуту.

«Ты долженъ, молодой человекъ — сказать онъ — ны долженъ извѣстить меня о происшествіяхъ свѣта, мною оснавленнаго, но еще не совсѣмъ забытаго. Давно живу я въ уединеніи; давно не слышу ничего о судьбѣ людей. Скажи мнѣ, царствуютъ ли любовь на земномъ шарѣ? Курятся ли олимпіамъ на олимпіяхъ добродѣтели? благоденствуютъ ли народы въ спирахъ, шобою видѣнныхъ?» — Слышь наукъ, ошвѣчалъ я, распростираясь болѣе и болѣе; но еще спруншея на земѣ кровь человѣческая — лиюшея слезы несчастныхъ — хваляшея имя добродѣтели, и спорашъ о существованіи ея. — Спарецъ вздохнулъ и пожалъ плечами.

Узнавъ, что я Россіянинъ, сказалъ онъ: «Мы превосходимъ онъ одного народа съ вами. Древніе жилиши острововъ Рюгена и Борн-

гольма были Славяне. Но вы прежде насъ оза-
рились свѣтомъ Христіанства. Уже велико-
лѣнные храмы, единому Богу посвященные,
возносились къ облакамъ въ странахъ вашихъ;
но мы, во мракъ идолопоклонства, приносили
кровавыя жертвы безчувственнымъ идиука-
намъ. Уже въ перекосившихся гимнахъ сла-
вили вы великаго Творца вселенной; но мы,
ослепленные заблужденіемъ, хвалили въ не-
спиройныхъ пѣсняхъ идоловъ баснословія.» —
Спарецъ говорилъ со мною объ исторіи съ-
верныхъ народовъ, о происшествіяхъ древно-
сти и новыхъ временъ; говорилъ такъ, что
я долженъ былъ удивляться уму его, знані-
ямъ, и даже краснорѣчію.

Черезъ полчаса онъ всталъ и пожелалъ мнѣ
доброй ночи. Слуга, въ черномъ плащѣ, взявъ
со стола одну свѣчу, повелъ меня черезъ длин-
ные узкіе переходы — и мы вошли въ боль-
шую комнату, обвѣшенную древнимъ оружі-
емъ, мечами, коньями, лансами и шишаками.
Въ углу, подъ золотымъ балдахинномъ, стояла
высокая кровать, украшенная рѣзбою и древ-
ними барельефами.

Мнѣ хотѣлось предложить множество во-
просовъ сему человеку; но онъ, не дожидаясь
нихъ, поклонился и ушелъ; желѣзная дверь
хлопнула — звукъ страшно раздался въ пу-
стыхъ снѣгахъ — и все утихло. Я легъ на
постелью — смотрѣлъ на древнее оружіе, освѣ-
щаемое сквозь маленькое окно слабымъ лучемъ
мѣсяца—думалъ о своемъ хозяинѣ, о первыхъ

словахъ его: *здесь обитаетъ свѣчая горестъ*—мечталъ о временахъ прошедшихъ, о нѣхъ приключеніяхъ, копорымъ сей древній замокъ бывалъ свидѣтелемъ — мечталъ, подобно такому челоѡву, копорой между гробовъ и могилъ взираетъ на прахъ умершихъ, и оживляетъ его въ своемъ воображеніи. — Наконецъ образъ печальнаго Гревсендекаго незнакомца преденавился душѣ моеи, и я заснулъ.

Но сонъ мой не былъ покоенъ. Мнѣ казалось, что все лапы, вистѣвшія на снѣгѣ, превратились въ рыцарей; что сіи рыцари приближались ко мнѣ съ обнаженными мечами, и съ гнѣвнымъ лицомъ говорили: «Недасиной! какъ дерзнуть ты приешанъ къ нашему острову? Развѣ не бѣдѣтѡишь плаваніемъ при видѣ граниннхъ береговъ его? Какъ дерзнуть ты войши въ спранный сванилице замка? Развѣ ужасъ его не треминъ во всехъ окресниеніяхъ? Развѣ спранныкъ не удащенъ онъ грозныхъ его баменъ? Дерзкой! умри за сіе пагубное любовишени!» — Мечи заснутили надо мною; удары сыпались на грудь мою — но вдругъ все скрылось — я пробудился, и черезъ минуу оинъ заснулъ. Тутъ новая мечта возмущила духъ мой. Мнѣ казалось, что спранный громъ раздавался въ замкѣ; желѣзныя двери снутили, окна тряслись, полъ колебался, и ужасное крыланое чудовище, котораго описать не умю, съ ревомъ и свистомъ летѣло къ моеи постели. Сновидѣніе исчезло; но я не могъ уже спать, чувственно-

валъ нужду въ свѣжѣмъ воздухѣ, приближился къ окну, увидѣлъ подлѣ него маленькую дверь, отворилъ ее, и по крушой лѣстницѣ сошелъ въ садъ.

Ночь была ясная; свѣтъ полной луны осребрялъ темную зелень на древнихъ дубахъ и вязахъ, которые составляли густую длинную аллею. Шумъ морскихъ волнъ соединялся съ шумомъ листьевъ, попрыскаемыхъ вѣтромъ. Вдали бѣлѣлись каменные горы, которые, подобно зубчатой стѣнѣ, окружаютъ островъ Боригольмъ; между ими и стѣнами замка виднѣть было съ одной стороны большой лѣсъ, а съ другой открытая равнина и маленькія рощицы.

Сердце все еще билось у меня отъ спрашивныхъ сновидѣній, и кровь моя не переставала волноваться. Я вошелъ въ темную аллею, подъ кровъ шумящихъ дубовъ, и съ изкопнымъ благоговѣніемъ углублялся во мракъ ея. Мысль о Друндахъ возбудилась въ душѣ моей — и мнѣ казалось, что я приближаюсь къ тому священному, гдѣ хранятся все таинство и все ужасы ихъ богослуженія. Наконецъ сія длинная аллея привела меня къ розмариновымъ кустамъ, за которыми возвышался песчаной холмъ. Мнѣ хотѣлось взойти на вершину его, чтобы отсюда при свѣтѣ ясной луны взглянуть на картину моря и острова; но шумъ предсказавшееся глазамъ моимъ опроверженіе во внутренности холма: человекъ съ трудомъ могъ войти въ него. Преодолимое любопытство вле-

кю меня въ сію пещеру, которая походила болѣе на дѣлю рукъ человѣческихъ, нежели на произведеніе дикой Пануры. Я вошелъ — почувствовалъ сырость и холодъ, но рѣшился итти далѣе, и сдѣлавъ шаговъ десяти впередъ, разсмотрѣлъ нѣсколько ступеней внизъ и широкую желѣзную дверь: она, къ моему удивленію, была не заперта. Какъ будто бы невольнымъ образомъ рука моя опиралась на — ну итъ, за желѣзною рѣшеткою, на которой висѣлъ большой замокъ, горѣла лампада, привязанная ко своду; а въ углу, на соломенной постелѣ, лежала молодая, блѣдная женщина въ черномъ плащѣ. Она спала; русые волосы, съ которыми перемѣлились желныя соломенки, закрывали высокую грудь ея, едва, едва дышавшую; одна рука, блѣлая, но иссохшая, лежала на землѣ, а на другой покоилась голова спящей. Если бы живописецъ хотѣлъ изобразить поминутую, безконечную, всегдашнюю скорбь, осыпанную маковыми цвѣтами Морфея: но сія женщина могла бы служить прекраснымъ образцомъ для кисти его.

Друзья мои! кого не прогаеишь видѣ несчастнаго? Но видѣ молодой женщины, страдающей въ подземной пещинѣ — видѣ слабѣйшаго и любезнѣйшаго изъ всѣхъ существъ, угнетеннаго судьбою — могъ бы войти чувство въ самой камень. Я смотрѣлъ на нее съ горестію, и думалъ самъ въ себѣ: «Какая варварская рука лишила тебя дневнаго свѣта? не уже ли за какое нибудь тяжкое преступ-

племіе? Но миловидное лице твое, но тихое движеніе груди твоей, но собственное сердце мое увѣряютъ меня въ твоей невинности!»

Въ самую сію минушу она проснулась — взглянула на рѣшетку — увидѣла меня — изумилась — подняла голову — вспала — приблизилась, — опустила глаза въ землю, какъ будто бы собираясь съ мыслями — снова успремилла ихъ на меня, хотѣла говорить, и — не начинала.

«Естьли чувствительность сираника — (сказать я черезъ нѣсколько минутъ молчанія) — рукою судьбы приведеннаго въ здѣшній замокъ и въ эту пещеру, можешь облегчить твою участь; естьли искреннее его состраданіе заслуживаетъ твою довѣренность: пребудь его помощи!» — Она смотрѣла на меня неподвижными глазами, въ которыхъ видно было удивленіе, нѣкоторое любопытство, нерѣшимость и сомнѣніе. Наконецъ, послѣ сильнаго внутренняго движенія, которое какъ будто бы электрическимъ ударомъ потрясло грудь ея, оповѣчала твердымъ голосомъ: «Кію бы ты ни былъ; какимъ бы случаемъ ни зашелъ сюда — чужеземецъ! я не могу пребывать опъ себя ничего, кромѣ сожалѣнія. Не въ твоихъ силахъ перемѣнить долю мою. Я лобызаю руку, которая меня наказываетъ.» — Но сердце твое невинно? сказать я: оно конечно не заслуживаетъ такого жестокаго наказанія?» — Сердце мое, оповѣчала она, могло бытъ въ заблужденіи. Богъ проснитъ слабую.

Надѣюсь, что жизнь моя скоро кончится. Оставь меня, незнакомецъ!» — Тутъ приближилась она къ рѣшетоу, взглянула на меня съ ласкою, и тихимъ голосомъ повѣрила: «Ради Бога оставь меня!... Есильли онъ самъ послалъ тебѣ — шонъ, котораго страшное проклятіе гремитъ всегда въ моемъ слухъ — скажи ему, что я спрадаю, спрадаю день и ночь; что сердце мое высохло отъ горести; что слезы не облегчаютъ уже щеки моей. Скажи, что я безъ роуона, безъ жалобъ спонну заключеніе; что я умру его нѣжною, несчастною» — Она вдругъ замолчала, задумалась, удалилась отъ рѣшетки, села на кровать, и закрыла руками лице свое; черезъ минуту посмотрѣла на меня, снова опустила глаза въ землю, и сказала съ нѣжною робостію: «Ты, можетъ быть, знаешь мою исторію; но есильли не знаешь, то не спрашивай меня — ради Бога не спрашивай!.... Чужеземецъ, проси!» — Я хотѣлъ идти, сказавъ ей нѣсколько словъ, излившихся прямо изъ души моей; но взоръ мой еще всмѣрщился съ ея взоромъ — и мнѣ показалось, что она хотѣтъ узнать отъ меня нѣчто важное для своего сердца. Я остановился, — ждать вопроса; но онъ, послѣ глубокаго вздоха, умеръ на блѣдныхъ устахъ ея. Мы расстались.

Вышедши изъ пещеры, не хотѣлъ я зашворить желѣзной двери, чтобы свѣжій, чистый воздухъ сквозь рѣшетку проникъ въ пещицу и облегчилъ дыханіе несчастной. Заря алѣла

*

на небѣ; птички пробудились; въперокъ свѣ-
валъ росу съ кустовъ и цвѣточковъ, кошорые
росли вокругъ песчаного холма. — Боже мой!
думалъ я — Боже мой! какъ горесинно были
исключеннымъ изъ общеснва живыхъ, воль-
ныхъ, радосннхъ шварей, кошорыми вездѣ на-
селены необозримыя проснранспнва Пашуры!
Въ самомъ свверѣ, среды высокнхъ мннспыхъ
скалъ, ужасныхъ для взора, швореніе руки
Твоей прекрасно, — швореніе руки Твоей вос-
хнщаенъ духъ и сердце. И здѣсь, гдѣ нѣнн-
сныя волны ошъ начала мѣра сражающнся съ
гранннннми уннсами, — и здѣсь десннца Твоя
нанечашаа живые знаки Творческой любви
и благосннн; и здѣсь въ часѣ унра розы цвѣ-
нунъ на лазоревомъ небѣ; и здѣсь нѣжныя
зефиры дышанъ ароматами; и здѣсь зеленые
ковры разспнлающнся какъ мягкой барханъ
подъ ногами человека; и здѣсь поющъ птички
— поющъ весело для веселаго, печально для
печальнаго, прїянно для всякаго; и здѣсь скор-
бящее сердце въ обьянїяхъ чувствннспельной
Пнрнорды можентъ облегчнннся ошъ бремени
своихъ горесннн! Но — бѣдная, заключенная
въ шемннцѣ, не нмѣентъ сего унншенїя; роса
ушренняя не окропляентъ ея нѣмнаго сердца;
вшперокъ не освѣжаентъ нсплѣвшей груди; лу-
чн солнечные не озаряющъ нспраченнхъ глазъ
ея; шнхїя бальзамическїя излїанїя луны не нн-
пающъ души ея кропнкими сновндѣнїями и прї-
яными мечтами. Творецъ! почнко даровалъ Ты
людямъ губельную властъ дѣлашъ несчастными

другъ друга и самихъ себя?——Силы мои ослабли и глаза закрылись, подъ вѣнъями высокаго дуба, на мягкой зелени. Сонъ мой продолжался около двухъ часовъ.

«Дверь была отворена; чужеспранецъ входилъ въ пещеру» — вошъ чшо услышалъ я, проснувшись—открылъ глаза и увидѣлъ сшарца, хозяина своего; онъ сидѣлъ въ задумчивости на дерюовой лавкѣ, шагахъ въ пяти онъ меня; подѣлъ него сшоялъ шонъ человекъ, кошорой ввелъ меня въ замокъ. Я подошелъ къ нимъ. Сшарикъ взглянулъ на меня съ нѣкоторою суровостію; всшалъ, пожалъ мою руку — и видѣ его сдѣлался ласковѣе. Мы вошли вмѣстѣ въ густую аллею, не говоря ни слова. Казалось, чшо онъ въ душѣ своей колебался, и былъ въ нерѣшимости; но вдругъ оснановился, и усшремилъ на меня пронщательный, огненшый взоръ, спросилъ швердымъ голосомъ: *ты видѣлъ ее?* — Видѣлъ, отшвѣчалъ я, видѣлъ, не узнавъ, кто она, и за чшо спрадасшъ въ темнищѣ. — Узнаешъ, сказаъ онъ, узнаешъ, молодой человекъ, и сердце швое обольеися кровію. Тогда спросилъ у самого себя: за чшо Небо изліяло всю чашу гнѣва Своего на сего слабаго, сѣдаго сшарца, сшарца, кошорой любилъ добродѣтель; кошорой чшилъ свяшые законы Его? — Мы сшли подъ деревомъ, и сшарецъ разсказаъ мнѣ ужаснѣйшую пещорію — пещорію, кошорой вы пеперь не услышите, друзья мои; она остаеися до другаго времени. На сей разъ скажу вамъ одно шю, чшо я узналъ

тайну Гревзендскаго незнакомца, — тайну страшную! —

Матрозы дожидались меня у воротъ замка. Мы возвратились на корабль, подняли парусы, и Боригольмъ скрылся опъ глазъ нашихъ.

Море шумѣло. Въ горестной задумчивости стоялъ я на палубѣ, взявшись рукою за мачту. Вздохи тѣснили грудь мою—наконецъ я взглянулъ на небо, — и въперъ свѣялъ въ море слезу мою.

г. 1793.

МАРОА ПОСАДШИЦА,

II. III

ПОКОРЕНИЕ НОВАГОРОДА.

Историческая повесть.

==

Вотъ одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ случаевъ Россійской Исторіи! говоритъ Издатель сей повѣсти. Мудрый Іоаннъ долженъ былъ для славы и силы опечеснѣва присоединить область Новгородскую къ своей Державѣ: хвала ему! Однакожь сопротивленіе Новгородцевъ не естъ бунтъ какихъ нибудь Якобичевъ; они сражались за древніе свои успавы и права, данныя имъ опчасни самими Великими Князьями: на примѣръ, Ярославомъ, утвердившемъ ихъ вольности. Они поступили только безразсудно: имъ должно было предвидѣть, что сопротивленіе обратится въ гибель Новугороду, и благоразуміе пребовало отъ нихъ добровольной жерны.

Въ нашихъ льнописяхъ мало подробностей сего великаго происшествія; но случай доставилъ мнѣ въ руки старинный манускриптъ, который сообщаетъ здѣсь любителямъ Исторіи и - сказокъ, исправивъ только слогъ его, немный и невразумительный. Думаю, что это писано однимъ изъ знавшихъ Новгородцевъ, переселенныхъ Великимъ Княземъ Іоанномъ Васильеви-

чемъ въ другіе города. Все главныя происшествія согласны съ Исторіею. И львоннен и старинныя пѣсни оцѣняютъ справедливостъ великому уму Марѣ Борецкой, сей чудной женщины, которая умѣла овладѣвъ народомъ и хитрѣла (весьма не ксшани!) быти Канцлеромъ своей Республики.

Кажется, что старинный Авторъ сей повѣсти даже и въ душѣ своей не винилъ Іоанна. Это доказываетъ честь его справедливости, хотя при описаніи нѣкоторыхъ случаевъ кровь Новгородская явно играетъ въ немъ. Тайное побужденіе, данное имъ фашизму Марѣ, доказываетъ, что онъ видѣлъ въ ней только *страстную*, пылкую, умную, а не великую и не добродѣтельную женщину.

К Н И Г А П Е Р В А Я.

Раздался звукъ *Вичеваго* колокола, и вздрогнули сердца въ Новгородѣ. Ошцы семейство вырываются изъ объятий супругъ и дѣтей, чинобы сѣвшипъ, куда зовенъ ихъ ошечесиво. Недоумѣніе, любопытство, страхъ и надежда влекутъ гражданъ шумными толпами на великую площадь. Всѣ спрашиваютъ: нѣкто не ошвѣстивуенъ.... Тамъ, противъ древняго дому *Ярославова*, уже собралися Посадники съ золотыми на груди медалями, Тысячскіе съ высокими жезлами, Бояре, Люди Жинные со знаменами и Старосцы всѣхъ пяти Концовъ Новгородскихъ * съ серебряными скирами. Но еще не видно никого на мѣстѣ лобномъ или *Вадимовомъ* (гдѣ возвышался мраморный образъ сего *Вичязя*.) Народъ крикомъ своимъ заглушаетъ звонъ колокола, и пребываетъ ошкрышій *Вича*. *Иосифъ Дѣлинскій*, именитый гражданинъ, бывшій семь разъ Спешеннымъ Посадникомъ — и всякой разъ съ новыми услугами ошечесиву, съ новою честью для своего имени — всходитъ на желѣзные ступени, ошкрываетъ съдую, почтенную свою голову, смиренно кланяется народу и говоритъ ему, что Князь Московскій прислалъ въ Великій Новгородъ своего Боярина, который желаетъ всенародно объявить его пребываніе.... По-

* Такъ назывались части города: Конецъ *Перовскій*, *Гонгарскій*, *Славянскій*, *Загородскій* и *Плотинскій*.

сидникъ сходитъ—и Бояринъ Іоанновъ является на Вадимовомъ мѣстѣ, съ видомъ гордымъ, препоясанный мечемъ, и въ ланахъ. То былъ Воевода, Князь Холмскій, мужъ благоразумный и швердый — правая рука Іоаннова въ предпріятіяхъ воинскихъ, око его въ дѣлахъ государственныхъ — храбрый въ битвахъ, веле-рѣчивый въ Совѣтѣ. Всѣ безмолвствуютъ. Бояринъ хочетъ говорить... но юные, надменные Новгородцы восклицають: *смирись предъ великимъ народомъ!* Онъ медлитъ — тысячи голосовъ повиноряють: *смирись предъ великимъ народомъ!* Бояринъ снимаетъ шлемъ съ головы своей — и шумъ умолкаетъ.

«Граждане Новгородскіе! вѣщаетъ онъ: «Князь Московскій и всея Россіи говоритъ съ вами — внимайте!

«Народы дикіе любятъ независимость, народы мудрые любятъ порядокъ: а нѣтъ порядка безъ власти самодержавной. Ваши предки хотѣли править сами собою и были жереною лопныхъ сосѣдовъ или еще лопѣйшихъ внутреннихъ междоусобій. Сшарецъ добродѣтельный, сшоя на прагъ вѣчности, заклиналъ ихъ избрать Владыцеля. Они повѣрили ему: ибо человекъ при дверяхъ гроба можетъ говорить только истину.

«Граждане Новгородскіе! въ снѣгахъ вашихъ родился, утвердился, прославился самодержавіе земли Русской. Здѣсь великодушный Рюрикъ шворилъ судъ и правду; на семъ мѣстѣ древніе Новгородцы лобызали ноги сво-

«его отца и Князя, который примирялъ вну-
«тренніе раздоры, успокоялъ и возвеличилъ
«городъ ихъ. На семь мѣсѣвъ они проклинали
«гибельную волюсость и благословляли спаси-
«тельную власть Единого. Прежде ужасные
«только для самихъ себя и несчастные въ
«глазахъ сосѣдовъ, Новгородцы подъ держав-
«ною рукою Варяжскаго Героя сдѣлались ужа-
«сомъ и зависію другихъ народовъ; и когда
«Олегъ храбрый двинулся съ воинствомъ къ
«предѣламъ юга, все племена Славянскія поко-
«рялись ему съ радостію, и предки ваши, по-
«вариицы его славы, едва вѣрили своему вели-
«чію.

«Олегъ, слѣдуя за теченіемъ Днѣпра, возлю-
«билъ красные берега его, и въ благословен-
«ной спирани Кіевской основалъ столицу сво-
«его обширнаго государства; но Великій Нов-
«городъ былъ всегда лѣстницею Князей Вели-
«кихъ, когда они славили дѣлами имя Русское.
«Олегъ подъ щитомъ Новгородцевъ приблизъ
«щитъ свой къ вранамъ Цареградецкимъ. Свя-
«тославъ съ дружиною Новгородскою разсе-
«ялъ какъ прахъ воинство Цимехія, и внукъ
«Ольгинъ съ вашими предками былъ прозванъ
«*Владѣтелемъ міра*.

«Граждане Новгородскіе! не только воин-
«скою славою обязаны вы Государямъ Русскимъ:
«еслили глаза мои, обращаясь на все Концы
«вашего града, видяиъ повсюду зланыя кре-
«сты великолѣпныхъ храмовъ святой Вѣры;
«еслили шумъ Волхова напоминаетъ вамъ шумъ

«великій день. въ копорый знаки идолюсуже-
«нія погибли съ шумомъ въ быспрыхъ волнахъ
«его: по всеомнише, что Владиміръ соорудилъ
«здѣсь первый храмъ истинному Богу; Влади-
«міръ низвергъ Перуна въ пучину Волхова!...
«Естьли жизнь и собищенность священны въ
«Новгородъ, по скажише, чья рука оградила
«ихъ безопасностію?.... Здѣсь» — (указывая
на домъ Ярослава) — «здѣсь жилъ мудрый за-
«конодатель, благошворитель вашихъ пред-
«ковъ, Князь великодушный, другъ ихъ, ко-
«торого называли они вперымъ Рюрикомъ!...
«Помощество неблагодарное! винмай сираведли-
«вымъ укоризнамъ!

«Новогордцы, бывъ всегда старшими сынами
«Россіи, вдругъ отдѣлились отъ браній сво-
«ихъ; бывъ вѣрными подданными Князей,
«нынѣ смѣются надъ ихъ власнію.... и въ
«какія времена? О спыдъ имени Русскаго! Род-
«ство и дружба познаются въ напастяхъ:
«любовь къ опечеснѣу также.... Богъ въ не-
«исповѣдимомъ совѣтѣ Своемъ положилъ нака-
«зати землю Русскую. Явились варвары безчи-
«сленные, пришельцы отъ сираиъ никому не-
«извѣстныхъ *, подобно снмъ шучамъ настѣко-
«мыхъ, копорыя Небо во гнѣвѣ своемъ гонитъ
«бурею на жаниву грѣшника. Храбрые Славя-
«не, изумленные ихъ явленіемъ, сражаются и
«гибнутъ; земля Русская обогрѣется кровію
«Русскихъ; города и села пылаютъ; гремятъ
«цѣпи на дѣвахъ и снарцахъ.... Чшожь дѣла-

* Такъ думали въ Россіи о Татарахъ.

«юшъ Новгородцы? Сигнантъ ли на помощь
«къ браньямъ своимъ?... Нынѣ! пользуясь сво-
«нимъ удаленіемъ онѣ мѣсятъ кровопролитія,
«пользуясь общимъ бѣдствіемъ Князей, опиши-
«маюшъ у нихъ власнѣ законную, держанъ
«ихъ въ снѣгахъ своихъ какъ въ немнищѣ,
«изгоняюшъ, призываюшъ другихъ и снова
«изгоняюшъ. Государи Новгородскіе, попомки
«Рюрика и Ярослава, должны были слушанъ-
«ся Посадниковъ и пренешанъ *Въчеслава коло-*
««кола, какъ трубы Суда Сираишаго! Наконецъ
«инкино уже не хопѣтъ быши Княземъ вашимъ,
«работъ мяшежнаго Вѣча.... Наконецъ Русскіе
«и Новгородцы не узнаюшъ другъ друга!

«Онѣ чего же такая перемѣна въ сердцахъ
«вашихъ? Какъ древнее племя Славянское мо-
«гло забыть кровь свою?... Корыснолюбіе, ко-
«рыснолюбіе ослѣпило васъ! Русскіе гибнутъ,
«Новгородцы богачюшъ. Въ Москву, въ Кіевъ,
«въ Владиміръ привозятъ ируны Христіан-
«скихъ выпязей, убіенныхъ невѣрными, и на-
«родъ, осыпавъ пепломъ главу свою, съ воплемъ
«вспрѣчаситъ ихъ: въ Новгородъ привозятъ
«товары чужеземные, и народъ съ радостными
«восклищаніями привѣстивуетъ гостей * ино-
«спранныхъ! Русскіе счищюшъ язвы свои
«Новгородцы счищюшъ зланыя монеты.
«Русскіе въ узахъ: Новгородцы славятъ воль-
«носнѣ свою!

«Вольноснѣ!.... но вы также рабствуете.
«Народъ! я говорю съ тобою. Бояре чеснолю-

* То естъ, купцовъ.

«бывые, уничтоживъ власнѣ Государей, сами
«овладѣли ею. Вы повинуетесь — ибо народъ
«всегда повиноваться долженъ — но только
«не священной крови Рюрика, а купцамъ бога-
«тымъ. О спыдъ! попомки Славянъ цѣнятъ
«златомъ права Власнишелей! Роды Княже-
«скіе, издревле именитые, возвысились дѣла-
«ми храбрости и славы: ваши Посадники,
«Тысячскіе, Люди Житые, обязаны своимъ
«достоинствомъ благопріятному въпру и хи-
«тростямъ корыснолюбія. Привыкли къ вы-
«годамъ торговли, торгуютъ и благомъ на-
«рода; кто имъ обѣщаетъ злато, тому они
«васъ обѣщаютъ. Такъ, извѣстны Князю Мо-
«сковскому ихъ дружественныя, шайныя связи
«съ Литвою и Казимиромъ. Скоро, скоро вы
«соберетесь на звукъ *Вичеваго колокола*, и
«надменный Полякъ скажетъ вамъ на лобномъ
«мѣстѣ: *вы рабы мои!*... Но Богъ и Великій
«Іоаннъ еще о васъ некушся.

«Новгородцы! земля Русская воскресаетъ.
«Іоаннъ возбудилъ опѣ сна древнее мужество
«Славянъ, ободрилъ унылое воинство, и бере-
«га Камы были свидѣтелями побѣдъ нашихъ.
«Дуга мира и завѣта возсіяла надъ могилами
«Князей Георгія, Андрея, Михаила. Небо при-
«мирилось съ нами, и мечи Татарскіе испу-
«стились. Настало время мессы, время славы
«и поржества Христіанскаго. Еще ударъ по-
«сѣдній не совершился; но Іоаннъ, избранный
«Богомъ, не опуститъ державной руки своей,
«доколѣ не сокрушитъ враговъ и не смѣша-

«есть ихъ праха съ земною персшю. Димитрій,
«поразивъ Мамая, не освободилъ Россіи: Іоаннъ
«все предвидишъ; и зная, что раздѣленіе Го-
«сударства было виною бѣдствій его, онъ уже
«соединилъ все Княжества подъ своею держа-
«вою, и признавъ Власпелникомъ земли Рус-
«ской. Дѣти онеческа, послѣ горешной дол-
«говременной разлуки, объемлюшея съ веселі-
«емъ предъ очами Государя и мудраго онца
«ихъ.

«Но радость его не будетъ совершенна, до-
«когда Новгородъ, древній, великій Новгородъ,
«не возвратится подъ сѣнь онеческа. Вы
«оскорбляли его предковъ: онъ все забываетъ,
«если не ему покоритесь. Іоаннъ, достойный
«владышъ міромъ, желаетъ только быти Го-
«сударемъ Новгородскимъ!... Вспомните, ког-
«да онъ былъ мирнымъ господемъ посреди васъ;
«вспомните, какъ вы удивлялись его величію,
«когда онъ, окруженный своими вельможами,
«шелъ по снотамъ Новаграда въ домъ Яро-
«славовъ; вспомните, съ какимъ благоволеніемъ,
«съ какою мудросшю онъ бесѣдовалъ съ ва-
«шими Боярами о древностяхъ Новгородскихъ,
«сидя на поставленномъ для него пронтъ близъ
«мѣста Рюрикова, откуда взоръ его обнималъ
«все Концы града и веселыя окрестности;
«вспомните, какъ вы единодушно восклицали:
«да здравствуетъ Князь Московскій, великій и
«мудрый! Такому ли Государю не славно пови-
«новаться, и для того единственно, чинобы
«вмѣстѣ съ нимъ совершенно освободить Рос-

«сію отъ нга варваровъ? Тогда Новгородъ еще
«болѣе украсится и возвеличится въ міръ.
«Вы будете *первыми* сынами Россіи: здѣсь Іо-
«аннъ пославшииъ прокъ свой и воскреснииъ
«щастливыйя времена, когда не шумное *Вѣче*,
«но Рюрикъ и Ярославъ судили васъ какъ оп-
«цы дѣшей, ходили по сногнамъ и вопрошали
«бѣдныхъ, не угнетаютъ ли ихъ богатые?
«Тогда бѣдные и богатые равно будущъ ща-
«стливы, ибо всѣ подданные равны предъ ли-
«цемъ Владыки самодержавнаго.

«Народъ и граждане! да власивуеиъ Іоаннъ
«въ Новгородъ, какъ онъ въ Москвѣ власиву-
«еиъ! или — внимайиъ его послѣднему слову
«— или храброе воинство, голное сокру-
«шениъ Татари, въ грозномъ ополченіи явни-
«ся прежде глазамъ вашимъ, да умирниъ мя-
«шежниковъ!... Миръ или война? онвѣстивуй-
«те!»

Съ симиъ словомъ Боярниъ Іоанновъ надѣтъ
шлемъ, и сошелъ съ лобнаго мѣсна.

Еще продолжася молчаніе. Чиновники и
граждане въ изумленіи. Вдругъ колеблюиъ
толпы народныя, и громко раздаюиъ воскли-
цаиъ: *Мароа! Мароа!* Она входииъ на желѣз-
ныя ступени, тихо и величаво; взираиъ на
безчисленное собраніе гражданъ, и безмолв-
ствуетъ.... Важность и скорбь видны на
блѣдномъ лицѣ ея.... Но скоро оживленнй го-
реснйю взоръ блеснулъ огнемъ вдохновенія;
блѣдное лицо покрылось румянцемъ и Мароа
въшала:

«Вадимъ! Вадимъ! здѣсь лилась священная
«кровь твоя: здѣсь призываю Небо и небя
«во свидѣтели, что сердце мое любитъ славу
«отеческую и благо согражданъ; что скажу
«истину народу Новгородскому, и гонима за-
«печатаю ея моею кровію. Жена дерзаетъ
«говорить на Вѣчѣ: но предки мои были друзья
«Вадимовы; я родилась въ станѣ воинскомъ
«подъ звукомъ оружія; отецъ, супругъ мой по-
«гибли, сражаясь за Новгородъ. Вотъ право
«мое быть защитницею вольности! оно ку-
«щено цѣною моего спасенія....»

Говори, славная дочь Новогорода! воскликнуть
народъ единогласно — и глубокое безмолвіе
снова изъявило его вниманіе.

«Попомни Славянъ великодушныхъ! васъ
«называютъ мачехниками!.... За что ли, что
«вы подыали изъ гроба славу ихъ? Они были
«свободны, когда звали съ воина на западъ
«избрать себѣ жилище во вселенной, свобод-
«ны подобно орламъ, парившимъ надъ ихъ
«главою въ обширныхъ пустыняхъ древняго
«міра... Они утвердились на красныхъ бере-
«гахъ Ильменя, и все еще служили одному
«Богу. Когда Великая Имперія (*), какъ веи-
«ское зданіе, сокрушалась подъ сильными уда-
«рами дикихъ Героевъ Сѣвера; когда Готы,
«Вандалы, Эрулы и другіи племена Скискія
«искали вездѣ добычи, жили убійствами и гра-
«бежомъ, тогда Славяне имѣли уже селенія и
«города, обрабатывали землю, наслаждались

* Римская.

«пріятными искусствами мирной жизни, но
«все еще любили независимость. Подъ сѣнію
«древа чувствительный Славянинъ игралъ на
«струнахъ изобрѣшеннаго имъ мусикійскаго
«орудія *, но мечъ его висѣлъ на выпьвахъ,
«готовый наказати хищника и тирана. Когда
«Баянъ, Князь Аварскій, спрашивалъ для Им-
«ператоровъ Греціи, потребовалъ, чтобы Сла-
«вяне ему поддались, они гордо и спокойно
«отвѣтствовали: *Никто во вселенной не мо-*
«*жетъ поработить насъ, доколь не выдутъ изъ*
«*употребленія мечи и стрѣлы *** !... О великія
«воспоминанія древности! вы ли должны скло-
«нять насъ къ рабству и къ узамъ?

«Правда, съ печеніемъ времени родились въ
«душахъ новыя стремленія; обычаи древніе,
«спасительные, забывались, и неопытная
«юность презирала мудрые совѣты старцевъ:
«тогда Славяне призвали къ себѣ знамени-
«тыхъ храбросію Князей Варяжскихъ, да по-
«вѣлываютъ юнымъ, мятежнымъ воиисивомъ.
«Но когда Рюрикъ захотѣлъ самовольно вла-
«ствовать, гордость Славянская ужаснулась
«своей неосторожности, и Вадимъ Хра-
«брый звалъ его предъ судъ народа. *Мечи и бо-*
«*ги да будутъ нашими судіями!* отвѣтствовали
«Рюрикъ — и Вадимъ хватъ сѣтъ руки его,
«сказавъ: *Новгородцы! на мѣсто, обогрѣтое*

* См. Византійскихъ Несториковъ, Осифлакиа и Осифа-
на.

** См. Меландера.

«моєю кровію, приходите оплакивать свое нера-
«зуміе — и слышать волюность, когда она съ
«торжествомъ явится снова съ стѣнахъ ва-
«шихъ.... Исполнилось желаніе великаго мужа:
«народъ собиравшися на священной могилѣ его,
«свободно и независимо рѣшить судьбу свою.

«Такъ, кончина Рюрика—да ошдадимъ спра-
«ведливоснѣ сему знаменитому Внннзю!—му-
«драго и смѣлаго Рюрика, воскресила свободу
«Новгородскую. Народъ, изумленный его вели-
«чіемъ, невольно и смиренно повиновался; но
«скоро, не видя уже Героя, пробудился онъ
«глубокаго сна, и Олегъ, испытавъ многократи-
«но его упорную непреклонноснѣ, удалился
«онъ Новгорода съ воинствомъ храбрыхъ Ва-
«ряговъ и Славянскихъ юношей, искавъ побѣ-
«ды, данниковъ и рабовъ между другими Сино-
«скими, менѣе онважными и гордыми племе-
«нами. Съ того времени Новгородъ признавалъ
«въ Кннзьяхъ своихъ единственнѣ полковод-
«цевъ и военачальниковъ: народъ избиралъ
«власнн гражданскія, и повинаясь имъ, пови-
«новался уснаву воли своей. Въ Кіевлянахъ и
«другихъ Россіянахъ оицы наши любили кровь
«Славянскую, служили имъ какъ друзьямъ и
«братьямъ, разили ихъ непріятелей и вмѣстѣ
«съ ними славились побѣдами. Здѣсь провелъ
«юность свою Владиміръ; здѣсь, среди примѣ-
«ровъ народа великодушнаго, образовался ве-
«ликій духъ его; здѣсь мудрая бесѣда сннрцевъ
«нашихъ возбудила въ немъ желаніе вопроснѣ
«все народы земные о пннспівахъ Вѣры ихъ,

«да откроется истина ко благу людей; и
«когда, убежденный въ святости Христіан-
«ства, онъ принять его отъ Грековъ, Ново-
«городцы, разумѣе другихъ племенъ Славян-
«скихъ, изъявили и болѣе ревности къ новой
«истиной Вѣрѣ. Имя Владиміра священо въ
«Новгородѣ; священна и любезна память Яро-
«слава: ибо онъ первый изъ Князей Русскихъ
«утвердилъ законы и вольность Великаго гра-
«да. Пусть дерзость называся отцевъ на-
«шихъ неблагодарными, за то, что они от-
«ражали власнолюбивыя предиріянія его по-
«помковъ! Духъ Ярославовъ оскорбленъ бы въ
«небесныхъ селеніяхъ, если бы мы не умѣ-
«ли сохранить древнихъ правъ, освященныхъ
«его именемъ. Онъ любилъ Новгородцевъ,
«ибо они были свободны; ихъ признательность
«радовала его сердце, ибо только души сво-
«бодныя могутъ быть признательными: рабы
«новнующеся и ненавидятъ! Итъ, благодар-
«ность наша неоржесивуетъ, доколѣ народъ
«его имя опечесива собирасея предъ домомъ
«Ярослава, и смонря на сіи древнія стѣны,
«говоритъ съ любовью: *тамъ жилъ другъ нашъ!*

«Князь Московскій укоряетъ себя, Новго-
«родъ, самымъ низкимъ благоденствіемъ — и
«въ сей винѣ не можемъ оправдаться! Такъ
«конечно: цвѣтущіе области Новгородскія,
«поля златящія класами, жнивы полны,
«богатства льются къ намъ рѣкою; Великая
«Ганза * гордится нашимъ союзомъ; чужезем-

* Союзъ вольныхъ Нѣмецкихъ городовъ, который имѣлъ свои конюры въ Новгородѣ.

«ные гости ищутъ дружбы нашей, удивля-
«ются славѣ Великаго града, красотѣ его зда-
«ній, общему избытку граждавъ, и, возвра-
«щаясь въ страну свою, говорятъ: мы видѣли
«Новгородъ, и ничего подобнаго ему не видали!
«Такъ конечно: Россія бѣднѣе — ея земля
«загрязнена кровію, всеи и грады опустѣли,
«люди какъ звѣри въ дѣсахъ укрываются;
«опицѣ ищутъ дѣшей и не находятъ; вдовы
«и сироты просятъ милосердія на распуш-
«яхъ. Такъ, мы несчастны — и виновны, ибо
«держали новикованье законамъ своего бла-
«га, держали не участвованье въ междоусо-
«біяхъ Князей, держали спасеніе имя Русское
«оптѣ сныда и поношенія, не принявъ оковъ
«Татарскихъ и сохранивъ драгоценное досто-
«инство народное!

«Не мы, о Россіяне несчастные, но всегда
«любезные намъ братья! не мы, но вы насъ
«оставили, когда были на колынахъ предъ гор-
«дымъ Ханомъ и пребывали цѣней для спасе-
«нія поспѣшной жизни; когда свирѣпый Батый,
«видя свободу единого Новгорода, какъ ярост-
«ный левъ усердился расхищать его смѣ-
«лыхъ граждавъ; когда опицы наши, готовясь
«къ славной битвѣ, оскрили мечи на смѣ-
«тахъ своихъ — безъ робости: ибо знали, что
«умрутъ, а не будутъ рабами!... Напрасно,
«съ высоты башенъ, взоръ ихъ искалъ вдали
«дружественныхъ легіоновъ Русскихъ, въ на-
«деждѣ, что вы заходите въ послѣдній разъ
«и въ послѣдней оградѣ Русской вольности

«еще сразиться съ невѣрными! Одинъ робкія
«полюпы бѣглецовъ являлись на пупяхъ Нова-
«града; не спукъ оружія, а вошь малодушнаго
«опчаянія были въспинкомъ ихъ приближе-
«нія; онѣ преобладали не сирѣчь и мечей, а
«хлѣба и крова!... Но Батый, видя опиваж-
«ность свободныхъ людей, предпочелъ безо-
«пасность свою злобному удовольствію мести.
«Онѣ сивилитъ удалились!... Напрасно граж-
«дане Новгородскіе молили Князей воспользо-
«ваться такимъ примѣромъ и общими силами,
«съ именемъ Бога Русскаго, ударить на варва-
«ровъ: Князья планили дань и ходили въ спанѣ
«Татарскій обвиняли другъ друга въ замы-
«слахъ противъ Батые; великодушіе сдѣла-
«лось предметомъ доносовъ, къ несчастію
«ложныхъ!.... И снѣзли имя победы въ пече-
«ніе двухъ столѣтій сохранилось еще въ язы-
«къ Славянскомъ, но не громъ ли Новгород-
«скаго оружія напоминалъ его землѣ Русской?
«не ошцы ли наши разили еще враговъ на бе-
«регахъ Невы? Воспоминаніе горестное! Сей
«Выпязь добродѣтельный, драгоцѣнный осна-
«шокъ древняго геройства Князей Варяжскихъ,
«заслуживъ имя безмерное съ вѣрною Ново-
«городскою дружиною, храбрый и щастливый
«между нами, оснавилъ здѣсь и славу и ща-
«стіе, когда предпочелъ имя Великаго Князя
«Россіи имени Новгородскаго Полководца: не
«величіе, но униженіе и горесть ожидали
«Александра во Владимірѣ — и шонѣ, кшо на
«берегахъ Невы давалъ законы храбрымъ Ли-

«воинскимъ Рыцарямъ, долженъ быть унасиъ
«къ ногамъ Сарпака.

«Іоаннъ желаетъ повелѣванъ Великимъ гра-
«домъ: не удивительно! онъ собственными гла-
«зами видѣлъ славу и богатство его. Но все на-
«роды земные и будущія столѣтія не преснади
«бы дивились, еслили бы мы захотѣли ему по-
«виноваться. Какими надеждами онъ можетъ
«обольстить насъ? Одни несчастные легковѣр-
«ны; одни несчастные желаютъ перемѣтъ — ко-
«мы благоденствуемъ и свободны! благоден-
«ствуемъ онъ много, чинъ свободны! Да молниѣ
«Іоаннъ Небо, чинобы Оно во гнѣвъ Своемъ ослѣ-
«пило насъ: тогда Новгородъ можетъ вознена-
«видѣтъ счастье и желанъ гибели; но доколь
«видимъ славу свою и бѣдствія Княжеснвъ
«Русскихъ, доколь гордимся ею и жальемъ объ-
«снхъ, доколь права Новгородскія всего свя-
«нѣ намъ по Богъ.

«Я не дерзну оправдыванъ васъ, мужи из-
«бранные общаго довѣренностию для правленія!
«Клевета въ устахъ власнолюбія и заисни
«недоснойна опроверженія. Гдѣ спраца цвѣ-
«тень и народъ ликуетъ, намъ правилили
«мудры и добродѣтелины. Какъ! вы шоргуеи
«благомъ народнымъ? но могутъ ли все сокро-
«вища міра замѣнить вамъ любовь согражданъ
«вольныхъ? Кипо узнать ся сладостъ, шому
«чего желанъ въ міръ? развѣ послѣдняго шас-
«тія умеренъ за опечеснво!

«Несправедливостъ и власнолюбіе Іоанна не
«запмѣваютъ въ глазахъ нашихъ его похваля-

«ныхъ свойствъ и добродѣтелей. Давно уже
«молова народная извѣстила насъ о его вели-
«чїи, и люди вольные желали имѣть господемъ
«Самовластителя; искреннія сердца ихъ сво-
«бодно изливались въ радостныхъ восклицанї-
«яхъ при его торжественномъ въездѣ. Но
«знаки усердія нашего конечно обманули Князя
«Московского; мы чопѣли изъяснить ему прї-
«янную надежду, что рука его свергнетъ съ
«Россїи иго Татарское: онъ вздумалъ, что мы
«нребуемъ отъ него уничтоженія нашей соб-
«ственной вольности! Ишь, ишь! да будетъ
«великъ Іоаннъ, но да будетъ великъ и Нов-
«городъ! Да славится Князь Московскій непре-
«блещемъ враговъ Христіанства, а не друзей
«и не браней земли Русской, коимъ она
«еще славится въ мірѣ! да прервемъ оковы
«ея, не возлагая ихъ на добрыхъ и свободныхъ
«Новгородцевъ! Еще Ахманъ дерзаетъ назы-
«вать его своимъ дѣшникомъ: да идетъ Іоаннъ
«прогнать Монгольскихъ варваровъ, и вѣрная
«дружина наша откроетъ ему путь къ стану
«Ахманову! Когда же сокрушимъ врага, тог-
«да мы скажемъ ему: Іоаннъ! мы возвратимъ
«земль Русской чести и свободу, коимъ мы
«никогда не перемъ. Владей сокровищами, най-
«денными тобою въ станѣ Татарскомъ: они
«были собраны съ земли нашей; на нихъ ишь
«клейма Новгородскаго: мы не платили дани
«ни Ваню, ни пономкамъ его! Царствуй съ
«мудростію и славою; залечи глубокія язвы
«Россїи; сдѣлай подданныхъ своихъ и нашихъ

брагій насильными — и есмьли когда нибудь соединенныя пвом Княжеснва превзойдуть славою Новгородъ; есмьли мы позавидуемъ благоденствію ншого народа; есмьли Всевышній накажетъ насъ раздорами, бѣдствіями, униженіемъ: тогда — клянемся именемъ ошечеснва и свободы! — тогда прїидемъ не въ снолицу Польскую, но въ царствешый градъ Москву, какъ некогда древніе Новгородцы пришли къ храброму Рюрику; и скажемъ — не Казимиру, но небѣ: *сладкій полни!* мы уже не умьемъ править собою!

«Ты содрогасься, о народъ великодушный!.. «Да идемъ мимо насъ сей печальный жребій! «Будь всегда досновитъ свободы, и будешь всегда свободнымъ! Небеса правосудны и ввергають въ рабство одни порочные народы. Не «спирались угрозы Іоанновыхъ, когда сердце «швое пылаешь любовію къ ошечеснву и къ «свяшнымъ уснавамъ его; когда можешь умереть за честь предковъ своихъ и за благо «потомства!

«Но есмьли Іоаннъ говоритъ истину; есмьли въ самомъ дѣлѣ гнуснее корыстелюбіе «овладѣло душами Новгородцевъ; есмьли мы «любимъ сокровища и нѣгу болѣе добродѣтели «и славы: то скоро ударитъ послѣдній часъ «нашей вольности, и *Вншній колъ долъ*, древній гласъ ся, падетъ съ башни Ярославовой «и навсегда умолкнетъ!... Тогда, тогда мы по- «завидуемъ наснню народовъ, которые никогда не знали свободы. Ея грозная нѣтъ бу-

«денъ являясь намъ подобно мерзвцу бѣд-
ному и мерзавъ сердце наше безполезнымъ
«раскалнѣмъ!

«Но знай, о Новгородъ! чинъ съ упираниюю
«вольности изсохнеть и самый источникъ
«пшоего богачества: она оживляетъ трудолю-
«бие, изощряетъ сѣрцы и златитъ пшвы; она
«привлекаетъ иностранцевъ въ наши сѣтны съ
«сокровищами торговли; она же окрѣпляетъ суда
«Новгородскія, когда они съ богатымъ грузомъ
«по волнамъ плывутъ... Бѣднось, бѣднось на-
«кажетъ недосройныхъ гражданъ, не умѣвшихъ
«сохранить наслѣдія ошцевъ своихъ! Померк-
«нетъ слава пшоя, градъ Великій, опустѣютъ
«многолюдныя *Концы* пшои; широкія улицы
«зароснутъ травою, и великолѣпное пшое, не-
«счезнувъ навѣки, будетъ баснею народовъ.
«Напрасно любознательный странникъ среди не-
«счастныхъ развалинъ захочетъ искать пшого
«мѣстна, гдѣ собиралось Вѣче, гдѣ стоялъ домъ
«Ярославовъ и мраморный образъ Вадима: ни-
«кого ему не укажетъ ихъ. Онъ задумается
«горестно и скажетъ только: здѣсь *былъ* Нов-
«городъ!...»

Гуль съспрашый вонъ народа не дасть уже
говоришь Посадницъ. «Итъ, итъ! мы все
сумремъ за опечесиво!» восклицаютъ безчи-
сленные голоса: «Новгородъ Государь нашъ! да
явнися Иоаннъ съ воинствомъ!» Мароа, споя
на Вадимовомъ мѣснѣ, веселился дѣйсви-
емъ ея рвчи. Чинобы еще болѣе восналить
умы, она показываеиъ дѣви, гремишь ея въ

рукъ своей и бросаешь на землю: народъ въ изступленіи гнѣва попираешь оковы ногами, взывая: *Новгородъ Государь нещъ! война, война Иоанну!* Напрасно Посолъ Московскій желаетъ еще говорить именемъ Великаго Князя и пренебрегаетъ вниманія: дерзкіе поднимаютъ на него руку, и Марфа должна защищать Боярина. Тогда онъ извлекаетъ мечъ, ударяетъ имъ о подножіе Вадимова образа, и возвысивъ голосъ свой, съ душевною скорбію произноситъ: «Нѣ-
«шакъ да будетъ война между Великимъ Кня-
«земъ Иоанномъ и гражданами Новгородскими!
«да возвращаются *клятвенныя грамоты* *! Богъ
«да судитъ вѣроломныхъ!...» Марфа вручаетъ Послу грамоту Иоаннову и принимаетъ Новгородскую. Она даетъ ему سپражу и знамя мира. Народныя толпы передъ нимъ разступаются. Бояринъ выходитъ изъ града. Тамъ ожидала его Московская дружина... Марфа слѣдуетъ за нимъ взоромъ своимъ, опершись на образъ Вадимовъ. Посолъ Иоанновъ садится на коня, и еще съ горестію взираетъ на Новгородъ. Желѣзные заноры спускаютъ на городскихъ воротахъ, и Бояринъ никуда не идетъ по Московской дорогѣ, провождаемый своими воинами. Вечерніе лучи солнца угасали на ихъ блестящемъ оружіи.

Марфа вздохнула свободно. Видя ужасный маетежъ народа (кошорый, подобно бурнымъ вол-

* Клятвенными грамотами назывались дружескіе договоры. При объявленіи войны надлежало всегда возвращать ихъ.

намъ, спрѣмляея по снопамъ и безпрестанно восклицать: *Новгородъ Государъ нашъ! смерть врагамъ его!*) внимаея грозному набатъ, копо-рый гремѣть во всѣхъ нѣши Концахъ города (въ знакъ объявленія войны, сія величавая жена подымаетъ руки къ Небу, и слезы текутъ изъ глазъ ея. «О пѣнь моего супруга!» тихо вѣщаетъ она съ умиленьемъ: «я испол-нила клятву свою! Жребій брошенъ: да бу-детъ, что угодно Судьбѣ!...» Она сходитъ съ Вадимова мѣсна.

Вдругъ раздаея прескъ и громъ на великой площади.... земля колеблетъя подъ ногами.... набатъ и шумъ народный умолкаютъ... всѣ въ изумленіи. Густое облако пыли закрываетъ очъ глазъ доль Ярославъ и лобное мѣсто... Сильный порывъ вѣтра разноситъ наконецъ густую мглу, и всѣ съ ужасомъ видятъ, что высокая башня Ярославова, новое гордое зданіе народного богатства, пала съ *Вичесымъ коло-коломъ* и дымнѣя въ своихъ развалинахъ *... Пораженные снѣмъ явленіемъ, граждане безмолв-ствуютъ... Скоро шипѣніа прерываея голо-сомъ, внявнымъ, но подобнымъ глухому сно-пу, какъ будто бы исходящему изъ глубокой пещеры: *О Новгородъ! такъ падетъ слава твоя! такъ исчезнетъ твое величіе!*... Сердца ужасну-лись. Взоры устремилея на одно мѣсто; по слѣдъ голоса исчезъ въ воздухъ вмѣстѣ съ сло-вами: напрасно некали, напрасно хонѣли знаніе

* Дѣломъ ея наши говорили о паденіи новой колокольни и ужасъ народа.

кню произнесъ ихъ. Вѣтъ говорили: мы слышали! никто не могъ сказать, оиъ кого? Именины Чинovníки, уснирашенные народнымъ вичанствіемъ болѣе, нежели самымъ произнесіемъ, всходили одинъ за другимъ на Вадимово мѣсто и синарались уснокоини гражданъ. Народъ пребывалъ мудрой, великодушной, смѣлой Марой: посланные нигдѣ не могли найини ое.

Между пѣтъ наснала бурная ночь. Засвѣтились факелы: сильный вѣтеръ безиреснанно задувалъ ихъ; безиреснанно надлежало приносини огонь изъ домовъ сосѣдственныхъ. По Тысячскіе и Бояре ревностно прудились съ гражданами: оирыли *Вичевый колоколъ* и повѣсили на другой башнѣ. Народъ хотѣлъ слышати священный и любезный звонъ его — услышати и казался покойнымъ. Священный Посадникъ распустилъ *Виче*. Толпы рѣдѣли. Еще друзья и ближніе останавливались на площадяхъ и на улицахъ говорить между собою; но скоро наснала всеобщая тишина, подобно какъ на морѣ послѣ бури, и самые огни въ домахъ (гдѣ жены Новогородекія съ безнокойнымъ любовныисинвомъ ожидали оицовъ, сунруговъ и дѣшей) одинъ за другимъ погасли.

К Н И Г А В Т О Р А Я.

Въ густотѣ дремучаго лѣса, на берегу великаго озера Ильменя, жилъ мудрый и благочестивый описельникъ Θεодосій, дѣдъ Марыи Посадницы, некогда знавшійся изъ Бояръ Новгородскихъ. Онъ семьдесятъ лѣтъ служилъ опечеснву: мечемъ, совѣномъ, добродѣтелию, и наконецъ захотѣлъ служить Богу единому въ тишинѣ пустыни; порожеснвенно простился съ народомъ на Вѣчь, видѣлъ слезы добрыхъ согражданъ, слышалъ сердечныя благословенія за долговременную Новгородскую вѣрность его, самъ плакалъ отъ умиленія и вышелъ изъ града. Златая медаль его висѣла въ Софійской церкви, и всякій новый Посадникъ украшался ею въ день избранія.

Уже давно онъ жилъ въ пустынѣ, и только два раза въ годъ могла приходиться къ нему Марья, бесѣдовавъ съ нимъ о судьбѣ Новгорода или о радостяхъ и печаляхъ ся сердца. Сосединъ съ Вадимова мѣсна при звукѣ набатъ, она слышала къ нему съ юнымъ Мірославомъ *, и нашла его спящаго на колѣняхъ предъ уединенною хижинною: онъ совершалъ вечернее моленіе. «Молись, добродѣтельный спарець!» сказала она: «буря угрожаетъ опис-

* Въ Новгородѣ было еще обыкновеніе называться древними Славянскими именами. Такъ, напримѣръ, лѣтописи сохранили намъ имя Рашмира, одного изъ товарищей Александра Невского.

человѣку.» — Знаю, ошвыщенствовать пустыни-
никъ, и съ гореснѣю указать рукою на небо*. Гусная шуча вилела и волновалась надъ Но-
вымградомъ; изъ глубины ея сверкали красныя
молнии и вылетали шары огненные. Шонюд-
ные враны снаницами парили надъ зланными
креснами храмовъ, какъ будно бы въ ожида-
нн скорой добычи. Между шѣмъ лонные звѣ-
ри снранно были во мракъ лѣса, и древнїя
сосны, ударяясь вѣтвями одна объ другую,
пирещали на корняхъ своихъ.... Мароа швер-
дымъ голосомъ сказала пустыннику: «Когда бы
«все небо запылаю и земля какъ море вѣско-
«лебалась подъ моими ногами, и тогда бы серд-
«це мое не уснранилось: есншли Новгороду
«должно погибнуть, шо могу ли думать о
«жизни своей?» Она извѣснила его о прошене-
снвн. Феодосїй обнялъ ее съ горячоснѣю.
«Великая дочь моего сына!» вѣцалъ онъ съ
умилснѣмъ: «послѣдняя опрасель нашего слав-
«наго рода! въ шебъ пыласнть кровь Молин-
«скихъ: она не совѣмъ охладѣла и въ моемъ
«сердцѣ, изнуренномъ лѣнами; посваснвъ его
«Шебу, еще люблю славу и вольноснѣ Новграда.
«да... Но слабая рука человѣческая ошведснть
«ли сокрушншсельные удары всевышней, Десни-
«цы? Душа моя содрогаснся: я предвнжу бѣд-
«снвїя...» Судьба людей и народовъ еснѣ шай-
на Провидѣнїя (ошвыщенствуетъ Мароа; но дѣла

* Въ снарнну хонѣли всегда чнпснть на небо прсдснотшую
гнбсль людей.

зависають онъ насъ единственно, и сего довольно. Сердца гражданъ въ рукъ моихъ: они не покорялися Іоанну, и душа моя поржесивуетъ! Самая опасность веселитъ ее... Чинобы не укоряешь себя въ будущемъ, поиребно только дѣйствозанъ благоразумно въ насмоящемъ, избираниъ лучшее и спокойно ожиданиъ сѣдснвій... Многочисленное воинство соберешся, гошовое опразниъ врага; но должно поручиши его вождю надежному, смѣлому, рѣшительному. Исаакъ Борецкій * во гробъ; въ сынахъ моихъ и гнѣтъ духа воинскаго; я воспитала ихъ усердными гражданами: они могутъ умереть за отечество, но единое Небо вливаетъ въ сердца не пламенное геройство, которое повѣтвуетъ рокомъ въ день битвы. — «Развѣ мало славныхъ вышзетъ въ Новаградъ?» сказать Феодосій: «ужасъ Ливоніи, Георгій Сильный...» — Преселился къ онцамъ своимъ. — «Побѣдншель Вишовна, Владиміръ Знаменитый...» — Онъ спаросиши мечъ вынать изъ руки его. — «Михаилъ Драбръ ей...» — Онъ врагъ Іосифа Двинскаго и Борецкихъ: можетъ ли бытиъ другомъ отечества? — «Димитрій Сильный...» — Сильна рука его, но сердце коварно: онъ вспрѣшилъ за городомъ Носла Іоаннова и лаянно говорилъ съ нимъ. — «Кпожъ будешъ главою войска и щинномъ Новаграда?» — Сей юноша! онъвыснзетъ Носланица, указавъ на Мірослава... Онъ снялъ пернатый шлемъ съ головы своей; заря вечерняя и блескъ молній

* Мужъ сл.

освѣщали величественную красону его. Θεο-
досій сморять съ удивленіемъ на юношу.

«Никно не знаешь его родившей,» говоритъ Марѳа: «онъ былъ найденъ въ пеленахъ на желѣзныхъ снуеніяхъ Вадимова мѣсяца, и воспитанъ въ училищѣ Ирослава *; рано удивлялъ снарцевъ своею мудроснію на Выцахъ, а Винязей храброснію въ битвахъ. Исаакъ Борецкій умеръ въ его обьяніяхъ. Всякой разъ, когда я вспрѣчалась съ нимъ на снотцахъ града, сердце мое влеклось дружбою къ юношѣ, и взоръ мой невольно за нимъ слѣдовать. Онъ сирота въ мірѣ; но Богъ любитъ сирыхъ, а Новгородъ великодушныхъ. Ихъ именемъ снавлю юношу на снечень величій; ихъ именемъ вручаю ему судьбу всего, чю для меня драгоцѣннѣе въ свѣтѣ: вольности и Ксеніи! Такъ, онъ будетъ супругомъ моей любезнѣйшей дочери! Тотъ, кто опаснымъ и великимъ савотъ вождя обратилъ на себя все снрѣдѣ и конья самовласній, мною раздраженнаго, не долженъ бытъ чуждымъ роду Борецкихъ и крови моей... Я изумила благородное и чувствительное сердце юноши: онъ клянется побѣдою или смертію оправданъ меня въ глазахъ согражданъ и пономснѣва. Благослови, мужъ свяный и добродѣтельный, волю иъжкой манеры, которая болѣе Ксеніи любитъ одно очечеснво! Сей союзъ доснонитъ нивсей правнукѣ: онъ за-

* Такъ называлось всегда главное училище въ Новгородѣ (теперь Альбертъ).

ключается въ день рѣшительный для Поваграда и соединяетъ ся жребій съ его жребіемъ. Супругъ Кесіи есть или будущій спаситель опечесива или обреченная жертва свободы!» Θεодосій обнялъ іоанну, называя его сыномъ своимъ. Они вошли въ хижину, гдѣ горѣла лампада. Спарецъ дрожащею рукою снялъ булатный мечъ, на сѣбѣ висѣвшій, и вручая его Мірославу, сказалъ: «Вонъ послѣдній остатокъ мірской славы въ жилищѣ опечесива! Я хотѣлъ сохранить его до гроба, но опдаю тебѣ: Раньміръ, предокъ мой, изобразилъ на немъ златыми буквами слова: *никогда врагу не достанется*... Мірославъ взялъ сей древній мечъ съ благоговѣніемъ, и гордо опвѣщивалъ: *исполню условіе!* — Марѳа долго еще говорила съ мудрымъ Θεодосіемъ о силахъ Князя Московскаго, о вѣрныхъ и невѣрныхъ союзникахъ Поваграда, и сказала наконецъ іоаннъ: «Возвратимся; буря утихла. Народъ покоишея въ Великомъ градѣ; но для сердца моего уже нѣтъ покоишівія!» Спарецъ проводилъ ихъ съ молитвою.

Восходящее солнце озарило первыми лучами своимъ на любномъ мѣсѣ Посадинцу, окруженную народомъ. Она держала за руку Мірослава и говорила: «Народъ! сей князь есть «Небесный даръ Великому граду. Его рожденіе «скрывается во мракъ таинства; но благословеніе Всевышняго явно ознаменовало іоанну. «Чѣмъ Небо отличаетъ Своихъ избранныхъ, «когда сей видъ геройскій, сіе чело гордое, «сей взоръ огненный не есть печать любви

«Его? Онъ нищомецъ опечеснѣва, и сердце его
«сильно бьенся при имени свободы. Вамъ из-
«вѣсны подвиги Мірославовой храбрости....»
«(Мароа съ жаромъ и краснорѣчіемъ описала
«ихъ)... «Сограждане!» сказала она въ заклю-
«ченіе: «Кого болѣе всѣхъ долженъ ненавидѣть
«Князь Московскій, тому болѣе всѣхъ вы мо-
«жете вѣрны: я признаю Мірослава достой-
«нымъ вождемъ Новгородскимъ!.... Самая цвѣту-
«щая молодость его вселяетъ въ меня надеж-
«ду; щасныя ласкаетъ юность!...» Народъ под-
нялъ вверхъ руки: Мірославъ былъ избранъ!...
Да здравствуетъ юный вождь силъ Новгород-
скихъ! восклицали граждане, и юноша съ ве-
личественнымъ смиреніемъ преклонилъ голову.
Бояре и Люди Живые осыпали его своими
знаменами. Іосифъ Двлинскій, другъ Мароы,
вручилъ юношѣ знаменъ жезлъ начальства.
Сшаросны были Концовъ Новгородскихъ сна-
ли предъ нимъ съ свирами, и Тысячскіе, гро-
могласно объявивъ собраніе войска, на лобномъ
мѣстѣ заносывали имена гражданъ для всякой
тысячи. Димитрій сильный обнималъ Міро-
слава, называя его своимъ повелителемъ; но
Михаилъ Храбрый, воинъ суровый, изъявлялъ
негодованіе. Народъ, раздраженный его укориз-
нами, хотѣлъ смиренъ гордаго; но Мароа и
Двлинскій великодушно спасли его: они ува-
жали въ немъ достоинство Витязя и щадили
врага личного, презирая мстень и злобу:

Мароа отъ имени Новграда написала убѣди-
тельное и прогнанельное письмо къ союзной

Псковской Республикѣ. «Опцы наши (говорила она, жилаи всегда въ мирѣ и дружбѣ; у нихъ было *одно* бѣдствіе и щасіе, ибо они *одно* любили и ненавидѣли. Бранья по крови Славянской и Вѣры православной, они назывались браньями и по духу народному. Псковичи шии въ Новгородѣ забываютъ, что онъ не въ опичизнѣ своей, и давно уже извѣстна пословица въ землѣ Русской: *сердце на Великой* *, *душа на Волховѣ*. Есильи мы чаще смогли помогати вамъ, нежели вы намъ; есильи страны дальніи онъ насъ свѣдали имя ваше; есильи условія, заключенныя Великимъ градомъ съ Великою Ганзою, оживили торговлю Псковскую; есильи вы заимствовали его спасительныя уснавы гражданскіе, и есильи ни хитроснѣ Танарѣ, ни власнолюбіе Князей Тверскихъ не повредили вашему благоденствію (ибо щитъ Новграда освѣять друзей его): но хвала единому Небу! Мы не гордимся своими услугами и щасливой только ихъ воспоминаніемъ. Шитъ, бранья, зовемъ васъ на помощь къ себѣ, не для опичаны за добро Новгородское, а для собственнаго вашего блага. Когда рука сильнаго сразитъ насъ, но и вы не переживете вѣрныхъ друзей своихъ. Самая покорность не спасетъ вашего бывшаго народнаго: гражданинъ не угодинъ самовластничею, пока не будетъ рабомъ законнымъ. — Увѣренныя въ вашей мудрости и любви къ общей славѣ, мы уже

* Имя Псковской рѣки.

«назначили предъ градомъ мѣсно для вѣрноподданной дружины Псковской.» — Чиновники подписали грамоту, и гонецъ немедленно отправился съ нею.

Трубы и диндавы воззвѣстили на великой площади явленіе гостей иностранныхъ. Музыканты, въ шелковыхъ красныхъ мантіяхъ, шли впереди; за ними граждане десяти вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ, по два въ рядъ, въ богатой одеждѣ, и несли въ рукахъ, на серебряныхъ блюдахъ, знанные слитки и камни драгоценные. Они приближались къ Вадимову мѣсту, и поставили блюда на ступени его. *Ратсгеръ* города Любека *требовалъ слова* — и сказалъ народу: «Граждане и чиновники! вольные люди Нѣмецкіе свѣдали, что сильный врагъ угрожаетъ Новуграду. Мы давно торгуемъ съ вами и хвалимся вѣрностью, славимся пріязнію Новогородекою; знаемъ благодарности, умѣемъ помогать друзьямъ въ нуждѣ. Граждане и чиновники! примите усердные дары добрыхъ гостей иностранныхъ, не столько для умноженія казны вашей, сколько для нашей чести. Требуемъ еще отъ васъ оружія и позволенія сражаться подъ знаменами Новогородекими. Великая Ганза не просила бы насъ, если бы мы опасались только свидѣтелями вашихъ опасностей. Имѣемъ 700 человекъ въ Великомъ градѣ: все выдемъ въ поле — и клянемся вѣрностью Нѣмецкою, что умремъ или побѣдимъ съ вами!» — Народъ съ живѣйшею благодар-

поспѣю принять такіе знаки дружескаго усердія. Самъ Мірославъ роздалъ оружіе госнямъ чужеземнымъ, которые желали сснавиши особенный легіонъ: Марѳа назвала его *дружинною великодушнымаъ*, и граждане общимъ восклицаніемъ подтвердили сіе имя.

Уже, среди шумныхъ воинскихъ приговоровъ, день склонялся къ вечеру—и юная Ксенія, сидя подъ окномъ своего дѣвическаго шерема, съ любовныиственномъ смотрѣла на движенія народныя: они казались чуждыми ей спокойному, крошечному сердцу!... Злополучная!... Такъ юный, невинный пасыръ, еще озаряемый лучами солнца, съ любовныиственномъ смотрѣніемъ на сверкающую вдали молнію, не зная, чію грозная шуча на крыльяхъ бури прямо къ нему стремилась, грядетъ и поразитъ его!... Восхищенная въ просномъ древнихъ Славянскихъ правозъ, Ксенія умѣла наслаждаться только одною своею Ангельскою непорочносною, и ничего болѣе не желала; никакое тайное движеніе сердца не давало ей чувствованій, чію есть на свѣтъ другое щасіе. Еслили иногда свѣтлый взоръ ея печально усиремлялся на юнойей Новгородскихъ, то она красѣлась, не зная причины: стыдливосиъ есиъ тайна невинносии и добродѣтели. Любиши мать и свяно исполняши ея волю, любиши братьевъ и милыми ласками доказываши имъ свою пѣжкосиъ, было единственною потребносію сей крошечкой души. Но Судьба несповѣдная захопѣла свергнути се въ мятежъ сирасшей че-

ловѣческихъ; прелестная какъ роза погибнуть въ бурѣ, но съ твердоснію и великодушіемъ: она была Славянка!... Искра едва не землетъ свѣтлннся: сильный вѣтеръ развѣсаетъ изъ нее пламя.

Отворяется дверь уединеннаго шерема, и служанки входятъ съ богатымъ нарядомъ: подаютъ Ксеніи одежду алую, ожерелье жемчужное, серьги изумрудныя; произносятъ имя манери ся, и дочь, всегда послушная, сѣвшннъ нарядннхся, не зная, для чего. Скоро приходитъ Марфа, смотрннхъ на Ксенію, смягчается душею и даетъ волю слезамъ манеринской горячоснн... Можентъ быннхъ, тайное предчувствіе въ сію минуту омрачило сердце ся; можентъ быннхъ, милая дочь казалась ей несчастною жертвою, украшенною для олнара и смернн! Долго не можентъ она говорннхъ, прижимая любезную, спокойную невинносннхъ къ пламенной груди своей; наконецъ укрѣпнлась сіюю мужесннхъ и сказала: «Радуйся, «Ксенія! сей день сннхъ насннхнхнхнхнхъ въ жнхнхнхнхнхнхъ нѣжная мать изобрааетъ тебѣ «супруга, доскойнаго быннхъ ся слышетъ!...» Она ведентъ ее въ храмъ Софійскій.

Уже народъ свѣдаетъ о семъ знаменномъ бракѣ, изъявляетъ радосннхъ свою и шумными толпами провожатъ Ксенію, изумленную, вснхревоженную сіюю внхзанною перемѣною судьбы своей... Такъ юная горлица, воспитанная подъ крыломъ манери, вдругъ видннхъ мирное гнѣздо свое разрушенное вихремъ, и сама несенна

имъ въ неизвѣстное происшествіе; напрасно хотѣла бы она слабымъ успѣемъ нѣжныхъ крыльевъ своихъ противиться стремленію бури... Уже Ксенія сплунъ предъ ошаремъ подѣть юноши; уже совершаеися обрядъ порожественный; уже она супруга: но еще не взглянула на того, кто долженъ бытъ опитъ власнелиномъ судьбы ея... О слава священныхъ правъ манеры и добродѣтельной покорности дѣвъ Славянскихъ!... Самъ Теофилъ^{*} благословилъ новообращенныхъ. Ксенія рыдала въ объятіяхъ манеры, которая, съ нѣжностію обнимала дочь свою и Мірослава, въ то же время принимала съ величіемъ усерднымъ поздравленія Чиновниковъ. Юсакъ, Длинскій имечъ всехъ гражданъ звалъ юношу въ домъ Ярославовъ. «Ты не имѣешь родныхъ,» говорилъ онъ: «ончестно признаешь себя великимъ сыномъ своимъ; и главный защитникъ правъ Новгородскихъ да живешь шамъ, «где Князь добродѣтельный утвердитъ ихъ своею печанію, и гдѣ Новгородъ желаетъ слыть угоститъ новообращенныхъ!....» Шитъ, опившесивовала Марфа: еще мечъ Юсакъ не преломился о шитъ Мірослава или не обогрѣла его кровію за Новгородъ!... и шихо примолвила: о верный другъ Борсикъ! хотя съ сей день, съ послѣдній разъ, да буду матерію, одна среди моего семейства! — Она вышла изъ храма съ дѣтьми своими. Чиновники не дерзали слѣдованъ за нею, и народъ далъ новообращ-

* Тогдашній Епископъ Новгородскій.

нымъ дорогу; жены знаменитыя усыпали се кѣльями до самыхъ воротъ Посадицы. Мірославъ велѣлъ пѣвную, пѣвную Ксению (в Новгороде никогда еще не видавъ смельчавшей чины) — впереди Марѳа — за нею два сына ея. Музыканты чужеземные шли вдали, играя на своихъ гармоническихъ орудіяхъ. Граждане забыли опасность и войну; веселіе сіяло на лицахъ; и всякой опенецъ, смотря на величественнаго юнѣшу, гордился имъ какъ сыномъ своимъ; и всякая мать, видя Ксению, хвалилась ею какъ милою своею дочерью. Марѳа веселилась усердіемъ народнымъ: облако вселенной задумчивости исчезло въ глазахъ ея; она взирала на вѣхъ съ улыбкою привычной благодарности.

Съ самой кончины Исаака Боредкаго домъ его представлялъ уныніе и духовному горю: теперь онъ снова украшается коврами драгоценными и богатыми шкатулками Нѣмецкими; вездѣ зажигаются свѣщальники серебряные, и вѣрные слуги Боредкихъ радостными поклонами всерьвчаютъ новообращенныхъ. Марѳа садится за еноль, съ дѣвками своими; ласкаются имъ, дѣлаютъ Ксению, и всю душу свою посвящаютъ въ нескромныхъ разговорахъ. Никогда милая дочь ея не казалась ей столько любезною. «Ксения!» говоритъ она: «сѣбяное, крошечное сердце мое узнаетъ теперь новое пламя. «любовь супружескую, коюрой весь другіа чувствва уснуваютъ. Въ ней жена малодѣльная, «осужденная рокомъ на одиѣ жалобы и слезы въ

«бѣдствіяхъ, находить твердоснѣ и рѣши-
«тельность, коюрой могутъ завидовать Ге-
«рои!... О дѣви любезныя! теперь открою
«вамъ тайну моего сердца!...» Она дала знакъ
рукою, и многочисленные слуги удалились...
«Было время, и вы поминие его (продолжала
«Марфа), когда мать ваша жила единственно
«для супруга и семейства въ интимѣ дома
«своего, боялась шума народнаго, и только
«въ храмы священные ходила по сикогнамъ; не
«знала ни вельносни, ни рабснва; не знала,
«повинуясь сладкому закону любви, что есть
«другіе законы въ свѣтѣ, отъ коихъ за-
«виситъ спасеніе и бѣдствіе людей. О время
«блаженное! твои милыя воспоминанія извле-
«каютъ еще иѣжныя слезы изъ глазъ моихъ!...
«Кто нѣтъ узнаетъ мать вашу? Нѣкогда роб-
«кая, боязливая, уединенная, съ смѣлою твер-
«доснѣю предъдасетъ теперь въ Совѣтъ Сна-
«рѣйшииъ, являиися на лебномъ мѣстѣ среди
«народа многочисленнаго, велииъ умолкнути
«тысячамъ, говорить на Вѣчѣ, волнуиъ на-
«родъ какъ море, пребыиъ войны и крово-
«пролитія — на, коюрую прежде одно имя
«ихъ ужасало!... Чиножъ дѣйснвуетъ въ душѣ
«моей? что превзило ее споль чудеснѣ? Ка-
«кая сила дасетъ мнѣ власнѣ надъ умами со-
«гражданъ? Любовь!... одна любовь... къ оицу
«вашему, сему Герою добродѣтели, коюрый
«жить и дышати оисчеснвомъ!... Гениовый
«высшунниъ въ полѣ противъ Личовцевъ,
«онъ казался задумчивымъ, безнокойнымъ; на-

«конецъ открывать мнѣ душу свою и сказать:
«Я могу положить голову въ сей войнѣ крово-
«пролитной; дѣти наши еще младенцы; съ мо-
«ею смертію умолкнетъ голосъ Борсикаго на
«Вльчѣ, гдѣ онъ издревле славилъ волю и
«воспалалъ любовь къ отечеству. Народъ слабъ
«и легкомысленъ: ему нужна помощь великой
«души въ важныхъ и рѣшительныхъ случаяхъ.
«Я предвижу опасности, и всталъ опаснѣе для
«всѣхъ Князь Московскій, который тайно желаетъ
«покорить Новгородъ. О другъ моего сердца;
«русской его! Лыбониси древній согражданинъ имъ-
«на которыхъ великихъ жено Славянскихъ:
«клянись мнѣ превзойти ихъ! клянись замѣнить
«Исаака Борсикаго въ народныхъ совѣтахъ,
«когда его не будетъ на свѣтѣ! клянись быть
«вѣчнымъ врагомъ непріятелей свободы Ново-
«городской: клянись умереть защитницею правъ
«ея! и тогда умру спокойно.... Я даю клятву...
«Онъ погибъ, вѣнчанъ съ моимъ щасіемъ....
«Не знаю, капились ли изъ глазъ моихъ слезы!
«на гробъ его: я не о слезахъ думала, но обо-
«жавъ суицида, пылала ревностно воскресить
«въ себѣ душу его. Мудрыя преданія древно-
«сти, языки чужеземные, лыбониси народовъ
«вольныхъ, опыты вѣковъ, просвѣтили мой
«разумъ. Я говорила — и сларцы съ удивле-
«ніемъ внимали словамъ моимъ; народъ добро-
«душный, обильный моими благодѣаніями,
«любилъ и славилъ меня; чиновники имѣли
«ко мнѣ довѣренность, ибо думаю только о
«славѣ Новграда; враги и завистники... но я

«презираю ихъ. Всеъ видяпшъ дѣла мои; но вы
содни знаете и теперь ихъ найный испочникъ.
«О Ксенія! я могу служить тебѣ примѣромъ;
«но ты, женщина, избранный сынъ моего серд-
ца, желай только сравняться съ оицемъ ея.
«Онъ любитъ супругу и дѣтей своихъ; но съ
«радоспїю предать бы насъ въ жертву оне-
«честиву. Гордоспїе, самоуправіе, героическая
«добродѣтель есть свойство великаго мужа:
«жена слабая бываетъ сильна одною любовію;
«но чувствуя въ сердцѣ ея небесное вдохно-
«веніе, она можетъ превзойти великодуніемъ
«самыхъ великихъ мужей, и сказать року: не
«страшусь тебѣ! Такъ Ольга любовію къ на-
«мани Игоря заслужила безсмертіе; такъ Мар-
«са будешь удивленіемъ попомнива, еспли
«слова не омрачатъ дѣла ея въ дѣлоуи-
«сахъ!....»

Она благословила дѣтей, и заключилась въ
уединенномъ своемъ перемѣ; но сонъ не смы-
кать глазъ ея. — Въ самую глубокую полночь
Марса слышитъ тихій шукъ у двери; ошво-
ряетъ ее — и входитъ человекъ суроваго ви-
да, въ одеждѣ не Русской, съ длиннымъ ме-
чемъ Липовскимъ, съ златою на груди звѣз-
дою; сдва наклоняетъ свою голову, объявля-
етъ себя найнымъ Посломъ Казимира, и пред-
снавляетъ Марѣ писмо его. Она съ гордою
скромноспїю ошвънчиваетъ: *жена Новгород-*
ская не знаетъ Казимира; я не возьму грамоты.
Хищрый Полякъ хвалитъ Героиню Великаго
Греда, повѣстную въ самыхъ ошдаленныхъ

сирѣнахъ, уважаемую Царями и народами. Онъ угодобляенъ ея великой дочери Краковой, и называенъ *Новгородскою Вандою* *.... Мароа внимаенъ ему съ равнодушїемъ. Полякъ описываенъ ей величіе своего Государя, шасніе союзниковъ и бѣдѣніе враговъ его. . Она съ гордеснію саднися. Казимиръ великодушно предлагаенъ Новгороду свое заснущеніе, говориши онъ: «пробуйше, и легіоны Польскіе окружанъ васъ своими щинами!...» Мароа задумалася... «Когда же спасемъ васъ, тогда...» Посадница бысиро взглянула на него... «Тогда благодарные Новгородцы должны признашъ въ Казимиръ своего благовориница — и власнелика, конорый безъ сомнїя не уопребиши во зло ихъ довѣренности....» Умолкши! грозно восклицаетъ Мароа... Изумленный пылкимъ ея гнѣвомъ, Посолъ безмолвствуетъ; но, усныдася робости своей, возвынаенъ голосъ и хоченъ доказанъ необходимую гибель Новгорода, еснѣли Казимиръ не зацнишиши его онъ Князя Московскаго... «Лучше погибнуши онъ руки Иоанновой, нежели спасиши онъ вашей?» съ жаромъ ошвыснуетъ Мароа: «Когда вы не были лютыми врагами народа Русскаго? когда мїръ надвѣлся на слово Польское? Давно ли самъ невѣрный Амураниъ удивлялся въроломству вашему **? И вы держасне мыслниши,

* О сей Королевъ Польскій льношней разсказываюши чудеса.

** Сіе прошеніе было тогда еще ново. Владиславъ, Король Польскій, едва заключивъ прекраснѣйшій миръ съ Султаномъ, печально попалъ на его владѣнія.

чю народъ великодушный захочетъ унасть на колѣна предъ вами? Тогда бы Иоаннъ справедливо укорялъ насъ измѣною. Ивнѣ! если ли угодно Небу, то мы надемъ съ мечемъ въ рукѣ предъ Княземъ Московскимъ: одна кровь течетъ въ жилахъ нашихъ; Русской можемъ покориться Русскому, но чужеземцу—никогда, никогда!... Удались немедленно; и еслили восходящее солнце освѣтитъ небо еще въ стѣнахъ Новгородскихъ, ты будешь высланъ съ безчестіемъ. Такъ, Марѳа любима народомъ своимъ; но она великиа ему ненавидима Личу и Польну... Воиъ ошвѣтъ Казимиру!» — Посолъ удаллся.

На другой день Новгородъ предсказалъ вѣдѣнъ и грозную дѣятельность воинскаго сана и великолѣпнѣ народнаго ширеснѣва, даннаго Марѳою въ знакъ ея семейственной радости. Снукъ оружія раздавался на снотнахъ. Вездѣ являлись граждане въ шлемахъ и въ ланахъ; снарицы сидѣли на великой площади и рассказывали о снотнахъ юнонамъ неопытнымъ, кошорые вокругъ ихъ шоллились, и еще въ первый разъ видѣли на себѣ доспѣхи блестящѣ. Въ то же время безчисленные сноты накрывались вокругъ Мѣсна Вадимова: ударили въ колоколъ, и граждане съли за нихъ; воины клали подѣтъ себя оружіе, и шировали. Рука изобилія подавала ясна. Борецкіе угощали народъ съ восточною роскошію. Мірославъ и Ксенія ходили вокругъ снотловъ и просили гражданъ веселиться. Юный полководецъ ла-

сково говорить съ ними; юная супруга его кланялась имъ привѣтливо. Въ сей день Новогородцы ссѣпавляли одно семейство: Марфа была его маиерью. Она садилась за всякимъ сноломъ, называла гражданъ своими господами любезными, служила имъ, дружески бесѣдовала съ ними, хитѣла казаться равною со всѣми и казалась Марицею. Громогласныя изъясненія усердія и радости вскрѣтали и превозносили ее; когда она говорила, все безмолвствовало; когда молчала, все говорило хитѣли, чинобы славить и величать Посадницу. За первымъ сноломъ и въ первомъ мѣсѣ сидѣлъ древнѣйшій изъ Новогородскихъ синарцевъ, котораго оиенъ помнилъ еще Александра Невского: внукъ съ сводою брадою принесъ его на нѣтъ народный. Марфа подвела къ нему новобрачныхъ: онъ благословилъ ихъ и сказалъ: *живите мои дѣти, но не переживайте славы Новгородской!*.. Сама Посадница налила ему серебряный кубокъ вина Фряжскаго: синарецъ выпилъ его, и новая кровь начала блеснѣть въ немъ обраданныяся. «Марфа!» говорилъ онъ: «я былъ свидѣтелемъ новаго славнаго рожденія на берегу Невы. Храбрый Мошискій занемогъ въ синахъ: войско не хотѣло сражаться до его выздоровленія. Мать моя съѣхала къ нему изъ Великаго града; и когда мы разили Нѣмецкихъ Рыцарей—когда родитель мой, еще блѣдный и слабый, мечемъ своимъ указывалъ намъ путь къ ихъ святому прапору, мы родились. Первый воинъ мой былъ для насъ гласомъ побѣ-

ды; но Мошинскій упалъ мертвый на пѣлю Великаго Магистра Рудольфа, имъ сраженнаго!... Финскій вождь, жившій тогда на берегу Невы, пророчески вѣдалъ, что судьба шведовъ будетъ слава, но...» Синарецъ умолкъ. Марса не хотѣла изъяснить любовныя сны.

Все чиновники вѣселись съ нею и дѣлами ея служили народу. Госни внесшанные украсили Великую площадь разноцвѣтными пирамидами, изобразивъ на нихъ имена и гербы вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ. Вокругъ пирамидъ, въ большихъ корзинахъ, лежали новары чужеземные: Марса дарилъ ихъ народу. Мраморный образъ Вадимовъ былъ увѣнчанъ искусственными лаврами; на щипъ его вырѣзали Дѣлинскій имя Мірослава: граждане, увидѣвъ то, воскликнули отъ радости, и Марса съ чувственностью обняла своего друга. Все Новогородцы ликовали, не думая о будущемъ: Михаилъ Храбрый не хотѣлъ брать участія въ народномъ веселіи, сидѣлъ въ задумчивости подлѣ Вадимовой синагуи и въ безмолвіи оспиралъ мечъ на ея подножкіи. — Пиршество заключилось ввечеру пощившими огнями.

Скоро голецъ возвратился изъ Искова и на лобномъ мѣстѣ вручилъ грамоту Спененному Посаднику. Онъ читалъ—и съ печальнымъ видомъ отдавалъ письмо Марѣ... «Друзья!» сказала она знаменитымъ гражданамъ: «Исковитяне, какъ добрые братья, желаютъ Новугороду шасія—такъ говорятъ они — только

даютъ намъ совѣты, а не войско — и какіе совѣты? ожиданіе всего отъ Іоанновой милосердіи!...» *Измышники!* воскликнули всѣ граждане. *Недостойные!* повнорали госени чужеземные. *Отметимъ имъ!* говоритъ народъ. *Презрѣніемъ!* опившиспивовала Марѳа; изорвала письмо, и на опрывкѣ его написала ко Іековичьянамъ: доброму желанію не стѣримъ, совѣтомъ гнушаемся, а безъ войска вашего обойтись можемъ.

Новгородъ, оставленный союзниками, еще съ болышею ревностію началъ вооружаться. Ежедневно отпраплялись гошцы въ его области, съ повелѣніемъ высылать войско. Жители береговъ Невскихъ, великаго озера Ильменя, Онеги, Мологи, Ловани, Шелоны, одни за другими являлись въ обществѣ снани, въ конорый Мірославъ вывелъ гражданъ Новгородскихъ. Усердіе, дѣятельность и воинскій разумъ сего юнаго Полководца удивляли самыхъ опытныхъ вѣнзелей. Онъ вспрѣчалъ на конѣ солнце, соснаплялъ легионы, пріучалъ ихъ къ снройному шеснвию, къ быспрымъ движеніямъ и снпремишельному нападенію, въ присущеснвѣи женъ Новгородскихъ, конорья съ любовншеснвомъ и шайнымъ ужасомъ смотрѣли на сей образъ бинвы. Между снаномъ и врашами Московскими возвышался холмъ; шуда обрацался взоръ Мірослава, какъ скоро порывъ вѣтра разсѣвалъ облака пыли: шамъ стояла обыкновенно, вмѣстѣ съ маперью, прелесшная Ксенія, уже страшная, чувствительная супруга.... Сердце невннное и скром-

ное любилъ тѣмъ пламеніе, когда оно, слѣдую закону Божественному и человѣческому, навѣкъ оплачется достойному юности. Жены Славянскія издревле славилась пѣвучестью. Ксенія гордилась Мірославомъ, когда онъ блестящимъ махомъ меча своего приводилъ все войско въ движеніе, леталъ орломъ среди полковъ — восклицалъ, и единымъ словомъ останавливалъ быстрыя тысячи; но чрезъ мину — слезы капали изъ глазъ ея.... она снѣжила опирающіе ихъ съ милою улыбкою, когда манъ на нее смотрѣла. Часомъ Мароа сходила съ высокаго холма, и въ шумномъ замѣшательствѣ ширялась между безчисленными рядами воиновъ.

Приняло извѣстіе, что Іоаннъ уже снѣжили въ Великому граду съ своими храбрыми, опытыми легіонами. Еще изъ дальнихъ областей Новгородскихъ, ониъ Каргополя и Двины, ожидали войска; но Верховный Совѣтъ далъ Вождю повелѣніе, и Мірославъ сорвалъ покровъ съ *горуги отчества*... она возвышалась, и громкое восклицаніе раздаюся: *друзья! въ поле!* Сердца родимцевъ и супруговъ запревели.... Тысячи колеблются и выслушиваютъ: первая и вторая состояли изъ знаменитыхъ гражданъ Новгородскихъ и Людей Живыхъ; одежда ихъ отличалась богатствомъ, оружіе блестящемъ, осанка благородствомъ, а сердца пылкостью; каждый изъ нихъ могъ уже славиться дѣлами мужества или почтенными ранами. Михаилъ Храбрый шелъ наряду съ другими,

какъ простой воинъ. Юный Мірославъ взялъ его за руку, вывелъ впередъ и сказалъ: *Честъ Витязей! послѣдней сими мужами знаменитыми!* Михаилъ хотѣлъ взглянуть на него съ гордоснію; но взоръ его изъяснить чувствительность... «Юнона! я врагъ Борецкихъ!...» «Но другъ славы Новгородской!» оиъвъисповалъ Мірославъ, и Витязъ обнялъ его, сказавъ: *ты хочешь моей смерти!* За симъ легиономъ шла дружина великодушныхъ, подъ начальствомъ Рансгера Любекскаго. Знамя ихъ изображало двѣ соединенныя руки надъ пылающимъ жертвенникомъ, съ надписью: *дружба и благодарность!* Они, вмѣстѣ съ Новгородцами, соснавлили большой полкъ, Онежцы и Волховцы передовой, жинели Деревской области правую, Шелонскіе лѣвую руку, а Цевскіе стражу *. Мірославъ велѣлъ войску основаннись на равнинѣ.... Мароа явилась посреди его и сказала:

«Воины! въ послѣдній разъ да обратятся глаза ваши на сей градъ, славный и великодушный: судьба его написана теперь на щитахъ вашихъ! Мы встрѣтимъ васъ со слезами радости или оплачанія, прославимъ героевъ или усныдимся малодушныхъ. Еслили возвратитесь съ побѣдою, то щасливцы родныели и жены Новгородскія, кошорые обнимутъ дѣтей и супруговъ; еслили возвратитесь по-

* Такъ раздѣлялись тогда арміи. Большимъ полкомъ назывался главный корпусъ, а справаго или спорожевымъ полкомъ аріерградъ.

бвѣдѣнные, то будущъ счастливы сирые, безчадные и вдовицы!... Тогда живые позавидуютъ мертвымъ!»

«О воины великодушные! вы идете спасти опечаленно и навѣки утвердить благіе законы его; вы любите ихъ, съ которыми должны сражаться: но почему же ненавидятъ они величіе Новграда? Опразните ихъ — и тогда съ радостію примиримся съ ними!

«Грядите — не съ миромъ, но съ войною для мира! Долженъ Богъ любить насъ; долженъ говорили народы: *кто противъ Бога и Великаго Новграда!* Онъ съ вами: грядите!»

Заиграли на трубахъ и лилаврахъ. Мірославъ вырвался изъ объятий Ксеніи. Мароа, возложивъ руки на юношу, сказала только: *исполни мою надежду.* Онъ съѣлъ на гордаго коня, блеснулъ мечемъ — и войско двинулось, громко взывая: *кто противъ Бога и Великаго Новграда!* Знамена развѣвались, оружіе гремѣло и сверкало, земля сползала отъ конскаго топота — и въ облакахъ пыли сокрылись грозныя тысячы. Жены Новгородскія не могли удержатъ слезъ своихъ; но Ксенія уже не плакала, и съ инвердосію сказала махери: *отнынѣ ты будешь моимъ приливомъ!*

Еще много жителей осмалось въ Великомъ градѣ; но лишнина, которая въ немъ царствуетъ ко отходу войска, скрываетъ число ихъ. *Торговая сторона* * опустѣла: уже иностранцы не раскладываютъ тамъ драгоцен-

* Часть города, гдѣ жили купцы.

ныхъ своихъ поваровъ для прельщенія глазъ; огромныя хранилища, наполненныя богатыми земли Русской, заворены; не видно никого на *Мѣстѣ Княжескомъ*, гдѣ юности любилъ славиться искусствомъ и силою въ разныхъ играхъ богатырскихъ—и Новгородъ, шумный и воинственный за нѣсколько дней предъ нѣмъ, кажется великою обителью мирнаго благочестія. Всѣ храмы оворены съ утра до полуночи: Священники не снимаютъ ризъ, свѣчи не угасаютъ предъ образами, оміамъ безпрестанно курится въ кадильцахъ, и молебное пѣніе не умолкаетъ на крылосахъ; народъ толпится въ церквахъ; сироты и жены преклоняютъ колѣна. Робкое ожиданіе, страхъ и надежда, волнуютъ сердца, и люди, встрѣчаясь на сногахъ, не видятъ другъ друга... Такъ народъ дерзко зовентъ къ себѣ опасными издали; но видя ихъ вблизи, бываетъ робокъ и малодушенъ! Одни чиновники кажутся спокойными — одна Мароа тверда душою, дѣлательна въ совѣтѣ, словоохотна на Великой Площади среди гражданъ и весела съ домашними. Юная Ксенія не уснуаетъ манеры въ знакахъ наружнаго спокойствія, но только не можетъ разлучиться съ нею, укрываясь въ душѣ видомъ ея геройской твердости. Они вмѣстѣ проводятъ дни и ночи. Ксенія ходила съ матерью даже въ Совѣтъ Верховный.

Первый гонецъ Мірославовъ нашелъ ихъ въ саду: Ксенія поливала цвѣты — Мароа сидѣла подъ вѣтвями древняго дуба, въ глубокомъ

размышлений. Мірославъ писалъ, что войско изъясняетъ жаркую ревность; что все именитые вельязы утврждаютъ его въ дружбѣ, и всехъ больше Димитрій Сильный; что Іоаннъ соединилъ полки свои съ Тверскими, и приближася; что славный Воевода Московскій, Василій Образецъ, идетъ впереди, и что Холмскій есть главный по Князю начальникъ. — Внорый гонецъ привезъ извѣщеніе, что Новгородцы разбили опрядъ Іоаннова войска, и взяли въ плѣтъ 50 Московскихъ дворянъ. — Съ иреннымъ Мірославъ написалъ только одно слово: *сражаемся*. Тутъ сердце Мары наконецъ задрожало: она сѣвнула на Великую Площадь, сама ударила въ *Внечный колоколъ*, объявила гражданамъ о началѣ рывншельной битвы, снала на Вадимовомъ Мѣстѣ, уснпремила взоръ на Московскую дорогу и казалась неподвижною. Солнце восходило... уже лучи его пылали, но еще не было никакого извѣщенія. Народъ ожидать въ глубокомъ молчаніи, и смонрѣтъ на Посадинцу. Уже наступалъ вечеръ... и Марѳа сказала: «я вижу облака пыли.» Все руки поднялися къ небу... Марѳа долго не говорила ни слова.... Вдругъ, закрывъ глаза, громко воскликнула: *Мірославъ убитъ! Іоаннъ побѣдитель!* и бросилась въ обѣщія къ несчастной Ксеніи.

К Н И Т А Т Р Е Т Я.

Марѳа съ высокаго Мѣсна Вадимова увидѣла разсыпанныя тысячи бѣгущихъ и среди ихъ колесницу, осыпанную знаменами: такъ издревле возили Новгородцы тѣла убитыхъ вождей своихъ...

Безмолвіе мужей и снарцевъ въ Великомъ градѣ было ужаснѣе воцѣлженъ малодушныхъ.. Скоро Посадница ободрилась и велѣла оповѣстить врана Московскія. Бѣглецы не смѣли явиться народу, и скрывались въ домахъ. Колесница медленно приближалась къ Великой Площади. Вокругъ ее шли, понунивъ глаза въ землю — съ гореснію, но безъ сныда—. Поди Жинные и воины чужеземные; кровь заисклась на ихъ оружіи; обломанные щиты, обрубленные племы, показывали слѣды безчисленныхъ ударовъ непріятельскихъ. Подъ свѣію знаменъ, надъ шѣломъ вожда, сидѣлъ Михаилъ Храбрый, блѣдный, окровавленный; въперъ разтѣвалъ его черные волосы, и шомная глава склонялась ко груди.

Колесница остановилась на Великой Площади.. Граждане обнимали воиновъ; слезы текли изъ глазъ ихъ. Марѳа подала руку Михаилу съ видомъ сердечнаго дружескаго; онъ не могъ ниши: чиновники внесли его на желѣзные ступени Вадимова Мѣсна. Посадница открыла шѣло убитаго Мірослава... на блѣдномъ лицѣ его изображалось вѣчное спокойствіе смерти... *Щастливый юноша!* произнесла она

тихимъ голосомъ, и спѣшила внимать Храброму Михаилу. Ксесія обливала слезами хладныя уста своего друга, но сказала махери: «будь покойна: я дочь своя!»

На щипахъ посадили вицязя, опъ ранъ ослабѣвшаго; но онъ собралъ изнуренныя силы, поднялъ помятую голову, оперся на мечъ свой, и въцалъ твердымъ голосомъ:

«Народъ и граждане! разбѣнно вопиешво храброе, убишъ полководецъ великій. Небо лишило насъ победы, — не славы!

«На берегахъ Шелоны мы встрѣтилишъ съ Иоанномъ. Его именемъ Князь Холмскій пресобовалъ тайнаго свиданія съ Мірославомъ. Увидимся на полѣ ратномъ! отвѣщивовалъ гордый юноша — и спройно пославилъ вопиешво. Онежны первые вступили въ бой на высотахъ Шелонскихъ: шамъ Образецъ, славный Воевода Московскій, принялъ ихъ удары на щипъ свой... Мы шли въ срединѣ, спихо и въ безмолвіи. Мірославъ впереди наблюдалъ движенія и силу враговъ. Вопиешво Иоанново было многочисленіе нашего; неозримые ряды его шѣснишъ на равнинѣ. Мы видѣли Князя Московскаго на блѣмъ конѣ; видѣли, какъ онъ распоряджалъ легіоны и блестящимъ мечемъ своимъ указывалъ на сердце Новгородское, на хоругвь отечества; видѣли Князя Холмскаго, съ сильнымъ опрядомъ идущаго окружитъ насъ... Мірославъ повелѣлъ, и Сиража Певская съ Димитріемъ Сильнымъ двинулась на вспрѣчу къ нему. Въ-

«роломный!.. Еще Онежцы и Волховцы не
«могли занявъ бугровъ Шелонскихъ: мечь
«вишнязя Образца дымился ихъ кровію. Міро-
«славъ, пылая неперитвнїемъ, лезлъ въ шуду на
«бурномъ конѣ своемъ: мы взглянули—и зна-
«мена Новгородскія уже развѣвались на хол-
«махъ — и Волховцы на щинахъ своихъ под-
«няли вверхъ шило убитаго начальника Мос-
«ковского. Тогда, воскликнувъ громкогласно:
«*кто противъ Бога и Великаго Новграда?* весь
«ряды наши успремились въ битву, и срази-
«лись.... На всей равнинѣ запрецало оружіе,
«и кровь полилась рѣкою. И видатъ битвы,
«но никогда такой не видывать. Грудь Русская
«была противъ груди Русской, и вишнязи съ
«обѣихъ сторонъ хотѣли доказать, что они
«Славяне. Взаимная злоба браній есть самая
«ужасная!... Тысячи падали; но первые ряды
«казались цѣлы и невредимы: каждый пылалъ
«ревностію заснувшихъ мѣсно убитаго, и без-
«жалостно попиралъ ногою пруть своего бра-
«та, чтобы только ошменить смерть его.
«Воины Іоанновы сноряли твердынею непоко-
«лебимою: Новгородскіе спремались на нихъ
«какъ бурныя волны. Одни сражались за честь,
«другіе за честь и вольность: мы шли вне-
«редъ!... за полководцемъ нашимъ, которъ
«искалъ взоромъ Іоанна. Князь Московскій
«былъ окруженъ знаменными вишнязями; Мі-
«рославъ разсѣкъ сію крѣпкую ограду — под-
«нялъ руку — и медля. Сильный оружено-
«сецъ Іоанновъ ударилъ его мечемъ въ главу,

«и племъ распался на части: онъ хотѣлъ
«повнорипъ ударъ; но самъ Іоаннъ закрылъ
«Мірослава щитомъ своимъ. Опасность вождя
«удвоила наши силы — и скоро главная дру-
«жина Московская замыналась. Новгородцы
«воскликнули побѣду; но въ тоже мгновеніе
«имя Іоанново гремѣло за нами.... Мы съ уди-
«вленіемъ обратили взоръ: Князь Холмскій
«спѣшу разить лѣвое крыло Новгородское....
«Димитрій измѣнилъ согражданамъ!.... не ис-
«полнилъ повелѣній вождя, завелъ Сиражу
«въ непроходимыя бѣла, не встрѣтилъ вра-
«га и далъ ему время окружить наше войско.
«Мірославъ спѣшилъ ободрить изумленныхъ
«Шелюнцевъ: онъ помогъ имъ только умеренъ
«великодушнѣе! Герой сражался безъ плема;
«но всякій усердный воинъ Новгородскій слу-
«жилъ ему щитомъ. Онъ увидѣлъ Димитрія
«среди Московской дружины—послѣднимъ уда-
«ромъ наказалъ измѣнника, и палъ онъ руки
«Холмскаго; но падая на берегу Шелюны, бро-
«силъ мечъ свой въ быстрия воды ея...»

Тутъ ослабѣлъ голосъ Михаила; взоръ по-
мрачился облакомъ; блѣдныя усна онѣмѣли;
мечъ выпалъ изъ руки его; онъ заирепеталъ
—взглянулъ на образъ Вадимовъ, и закрылъ
павѣки глаза свои... Чиновники положили тѣ-
ло его на колесницу, рядомъ съ Мірославовымъ.

«Народъ!» сказалъ Александръ Знаменитый,
старшій изъ вѣнзелей: «благослови память
«Михаила! Онъ вышелъ изъ битвы съ хоруг-

«*вою отечества, съ нѣломъ Мірослава, оба-*
«*грешный кровію безчеленныхъ враговъ и соб-*
«*снвенною; собрать останки храбрыхъ Лю-*
«*дей Живыхъ, Дружины великодушныхъ, и въ*
«*самомъ бѣдѣнн казался грознымъ Іоанну —*
«*враги видѣли насъ еще не меривыхъ, и сноя-*
«*ли неподвижно. Радоснѣ побѣды изображалась*
«*на ихъ лицахъ вмѣстѣ съ ужасомъ: они ку-*
«*сили се смернню славильныхъ Московскихъ*
«*вишазей. Народъ и чиновники! многіе Ново-*
«*городцы погибли славно: радуйтесь! неконо-*
«*рые спасены бѣгснвомъ: презирайте мало-*
«*душныхъ! Мы живы, но не снѣдимся! Со-*
«*чинные знаменныхъ гражданъ: ихъ осталосъ*
«*менѣ половины; всѣ они легли вокругъ го-*
«*ругви отечества.*» — «Сочинные насъ!» ска-
заль начальникъ *Дружины великодушныхъ*: «изъ
«семи сонъ чужеземныхъ браній Новгород-
«скихъ виднне пренню часнѣ: всѣ они легли
«вокругъ Мірослава.»

«Убиты ли сыны мои?» спросила Мароа съ
пешернѣемъ. *Оба, онѣвнснвоваль* Алек-
сандръ *Знаменитый* * съ гореснню. «Хвала
«Небу!» сказала Посадница. «Оицы и манери
«Новгородскіе! пенерь я могу ушвнаниъ васъ!..
«Но прѣжде, о народъ! будь спрөгимъ, неумо-
«слимымъ судією и рвни — судьбу мою! Уны-
«лое молчаніе царснвуенъ на Великой Пло-
«щади; я вижу знаки ончаяннѣ на многихъ

* Въ лѣнописяхъ сказано, что сынъ ея Димитрій былъ
взятъ въ плѣнъ.

«лицахъ. Можетъ быть, граждане сожалеютъ
«о томъ, что они не упали на колѣна предъ
«Іоанномъ, когда Холмскій объявилъ намъ во-
«лю его властвовать въ Новгородъ; можетъ
«быть, тайно обвиняютъ меня, что я хотѣ-
«ла оживить въ сердцахъ гордость народную!..
«Пусть говорятъ враги мои; и если они
«докажутъ, что сердца Новгородскія не
«оправдываютъ моему сердцу; что любовь къ
«свободѣ есть преступленіе для гражданки
«вольнаго опечесива: но я не буду оправды-
«ваться, ибо славлюсь моею виною, и съ ра-
«достью кладу голову свою на плаху. Пошли-
«те ее въ даръ Іоанну, и смѣло пребывайте его
«милости!...»

«Пынь! пынь!» воскликнулъ народъ въ жи-
вѣйшемъ усердіи: «мы хотимъ умереть съ
«тобою! Гдѣ враги твои? гдѣ друзья Іоанно-
«вы? Пусть говорятъ они: мы принесемъ ихъ
«головы къ Князю Московскому!» — Оницы, ко-
торые лишились дышей въ битвѣ Шелонской,
вронувъ великодушнѣмъ Марой, цѣловали
одежду ея и говорили: *прости намъ! мы пла-*
кали!... Слезы текли изъ глазъ Мары. «На-
«родъ!» сказала она: «съ такою душею ты еще
«не побѣжденъ Іоанномъ! Пынь величія безъ
«опасностей и бѣдствія: Небо искушаетъ
«ими любимцевъ своихъ. Бывали пучи надъ
«Великимъ градомъ; но оницы наши не опу-
«скали мечей, и мы родились свободными.
«Издравле шастіе воинское славится преврат-
«ностию. Новгородъ видалъ шѣла полководцевъ

«на лобномъ мѣстѣ; видалъ надменнаго врага
«предъ спѣнами своими: ктожь входитъ въ
«нихъ донынѣ? одни друзья его. Народъ вели-
«кодушный! будь швердъ и снокоенъ! Еще не
«все погибло: Борецкая жива и говоритъ съ
«тобою! Когда желѣзные снупени пресна-
«снутъ звучать подъ ногами моими; когда взоръ
«швой въ часъ рѣшительный напрасно будетъ
«исканъ меня на Вадимовомъ Мѣстѣ; когда
«въ глубокую ночь погаснутъ лампада въ мо-
«емъ высокомъ шеремѣ и не будетъ уже
«для тебя знакомъ, чинъ Мароа при свѣтѣ ея
«мыслишь о благѣ Новграда: тогда, тогда
«скажи: *все погибло!*... Теперь, друзья сограж-
«дане! воздадимъ послѣднюю честь вождю Ми-
«рославу и винызю Михаилу! Чиновники ваши
«искусены о безопасности града.»——Она дала
знакъ рукою, и колесница пронулась. Чинов-
ники и народъ проводили ее до Софійскаго
храма. Осифъ съ Духовенствомъ встрѣтилъ
ихъ. Снеженный Посадникъ и Тысячскій по-
ложили шѣла во гробы.

Глубокая ночь наступила. Никто не мыслитъ
успокоиться въ Великомъ градѣ. Чиновники
поспавили снажку и заключились въ домъ
Ярослава для совѣща съ Марою. Граждане
шолнились на снотнахъ, и боялись войны въ
домы свои — боялись воли жентъ и манерей
опчаяннхъ. Ушесленные войны не хотѣли он-
дохновенія; снотали предъ Вадимовымъ Мѣ-
стомъ, облокотясь на щипы свои, и говорили:
побѣжденные не отдыхаютъ!——Ксенія молилась
надъ шѣломъ Мірослава.

На зарѣ упренней раздалось святое пѣніе въ Софійскомъ храмѣ. Гробы вишнязей были открыты. Марфа, Ксенія, синарецъ, родичица Михаилловъ, и воины съ окровавленными знаменами окружали ихъ. Горесень изображалась на лицахъ; никто не дерзалъ смехаться и плакать. Иосифъ Дѣвнискій именемъ Новаграда положилъ во гробы *хартію славы!* *... ихъ опустили въ землю подъ вѣяніемъ *хоругви отечества*. Посадница села на могилу; она держала въ рукѣ цѣпы, и говорила: «Чеснь «и слава храбрымъ! спыдъ и поношеніе роб- «кимъ! Здѣсь лежатъ знаменитые вишнязи: «совершились ихъ подвиги; они успокоились «въ могилѣ и ничѣмъ уже не должны отече- «ству: но отечеству должно имъ вѣчною бла- «годарностию. О воины Новгородскіе! кто «изъ васъ не позавидуеетъ сему жребію? Хра- «брые и малодушные умираютъ: блаженъ, о «комъ жалуютъ верные сограждане, и чьею «смертію они гордятся! Взгляните на сего «синарца, родичица Михаиллова: согбенный лѣ- «шамъ и болѣзнями, безчадный при концѣ жи- «зни, онъ благодаритъ Небо, ибо Новгородъ «погребаетъ великаго сына его. Взгляните на «свою вдовицу юную: брачное пѣніе соедини- «лось для нее съ гимнами смерти; но она «шверда и великодушна, ибо ея супругъ умеръ «за отечество... Народъ! есмь ли Всевышнему

* На сихъ хартіяхъ (говоритъ Ашпортъ) изображались сла- ния дѣла усопшаго.

«угодно сохранить быніе нивое; еспльи гроз-
«ная пуча разсыеня надъ нами, и солнце
«озарить еще шоржесиво свободы въ Ново-
«городъ: но сіе мѣсно да будетъ для тебя
«священно! Жены знаменныя да украшаютъ
«его цвѣтами, какъ я мнерь украшаю ими
«могилу любезнѣйшаго изъ сыновъ моихъ...»
(Марѳа разсынала цвѣты)... «и виныа храбра-
«го, нѣкогда врага Борецкихъ; но шынъ его
«примирилась со мною: мы оба любилн ошече-
«сиво!... Снарцы, мужи и юноши да славятъ
«здѣсь кончину Героевъ и да клянунъ намишъ
«измѣнника Димитрія!» *Клятва, свячая клят-
ва его имени и роду!* воскликнули всѣ чинов-
ники и граждане — и брань Димитрія унелъ
мершвы въ нолнъ народной — и супруга его
ошчаянная бросилась въ шумную глубину Вол-
хова.

Уже легіоны Іоанновы приближались къ Ве-
ликому граду, и медленно окружали его: на-
родъ съ высокихъ стѣнъ смотрѣлъ на ихъ
грозныя движенія. Уже бывшій шанеръ Кня-
жескій, зланымъ шаромъ увѣнчанный, сновалъ
предъ вратами Московскими — и Смененный Ты-
сячскій ошправился посломъ къ Іоанну. Ново-
городцы, гонимые умеренъ за вольность, най-
но желали сохранить се миромъ. Марѳа знала
сердца народныя, душу Великаго Князя, и
спокойно ожидала его ошвѣща. Тысячскій воз-
вратился съ лицомъ печальнымъ: она велѣла
ему объявить всенародно уснѣхъ посольства..
«Граждане! сказалъ онъ: ваши мудрые чинов-

ники думали, что Князь Московскій, хопя и побѣдитель, но самою побѣдою, шрудною и случайною, увѣренный въ великодушїи Новгородскомъ, можетъ еще примириться съ нами... Бояре ввели меня въ пашеръ Іоанна.... Вы знаете его величіе: гордымъ взоромъ и повелительнымъ движеніемъ руки онъ иребовалъ отъ меня знаковъ рабскаго униженія.... «Князь Московскій!» я вѣщалъ ему: «Новгородъ еще свободенъ! Онъ желаетъ мира, не рабства. Ты видишь, какъ мы умираемъ за вольность: хочешь ли еще напраснаго кровопролитія? Поцѣди своихъ вѣнчезей: онечестиву Русскому нужна сила ихъ. Еслили казна твоя оскудѣла; еслили богашество Новгородское прельщаетъ тебя—возьми наши сокровища: завтра принесемъ ихъ въ сѣнахъ швой съ радостію, ибо кровь согражданъ намъ драгоценнѣе злата; но свобода и самой крови намъ драгоценнѣе. Оставь насъ только бытъ шаскливыми подъ древними законами, и мы назовемъ тебя своимъ благошворителемъ; скажемъ: Іоаннъ могъ лишить насъ верховнаго блага, и не сдѣлалъ того; хвала ему. Но еслили не хочешь мира съ людьми свободными, то знай, что совершенная побѣда надъ ними должна бытъ ихъ ишребленіемъ: а мы еще дышемъ и владѣемъ оружіемъ; знай, что ни ты, ни прешники швой не будутъ увѣрены въ икренней покорности Поваграда, доколѣ древнія шѣны его не опустыютъ или не примунтъ въ себя жителей, чуждыхъ крови

«нашей!» — *Покорность безъ условія, или гибель мятежникамъ!* ошвыенивовалъ Іоаннъ, и съ гнѣвомъ опивранилъ лице свое. Я удалился..

Марѳа предвидѣла дѣйствіе: народъ въ страшномъ озлобленіи истребовать полководца и бинны. Александру *Знаменитому* вручили жезлъ начальства — и бинны начались....

Дѣла славныя и великія! Одни Русскіе могли съ обѣихъ сторонъ шакъ сражаться, могли шакъ побѣждать и бинны побѣждаемы. Опышность, хладнокровіе мужества и число благоиріяшенивовали Іоанну; пылкая храбрость одушевляла Новгородцевъ, удвояла силы ихъ, замѣняла опышность: існоты, самые опроки спановились въ ряды на мѣсто убитыхъ мужей, и войны Московскіе не чувенивовали ослабленія въ ударахъ противниковъ. Съ шоржествомъ возманиалось имя Великаго Князя: иногда, хотя и рѣдко, имя вольности и Марѳы бывало шакже радостнымъ кликомъ побѣдителей (ибо вольность и Марѳа одно знаменовали въ Великомъ градѣ). Часко Іоаннъ, видя славу и гибель ушорныхъ Новгородцевъ, восклицалъ горестно: «я линаюсь въ нихъ доснотныхъ моего сердца подданныхъ!» Бояре Московскіе совѣтовали ему удалиться отъ града; но великая душа его содрогалась отъ мысли ушунить непокорнымъ. «Хотите ли (онъ съ гнѣвомъ ошвыенивовалъ), хотите ли, чтобы я вѣнецъ Мономаха положить къ ногамъ мятежниковъ?»... и суровые Муромцы, жинели

иemiныхъ лѣсовъ, — усердные Владиміръцы спѣшили къ нему на вспоможеніе. Три раза обновлялась *Дружина Княжеская*, изъ храбрыхъ дворянъ состоящая, и знамена ея (на которыхъ изображались слова: съ нами Богъ и Государь!), дымили кровію.

Какъ Іоаннъ величіемъ своимъ одушевлялъ легіоны Московскіе, такъ Марфа въ Новгородѣ воспаляла умы и сердца. Народъ, часно великодушный, не рѣдко слабый, унывалъ духомъ, когда новыя тысячѣ приходили въ епанъ Княжескій. «Марфа!» говорили онъ: кто нашъ союзникъ? кто поможетъ Великому граду?...» «*Небо*, ошвысивовала Посадница: «сваяная осень насмущаетъ; блана, насъ окружающія, скоро обращающія въ необозримое море; всхлынутъ пашеры Іоанновы, и войско его погибнетъ или удавится.» Лучъ надежды не угасалъ въ сердцахъ, и Новгородцы сражались. Марфа стояла на стѣнѣ, смотрѣла на битвы и держала въ рукъ хоругвь отечества; иногда, видя опечунеліе Новгородцевъ, она грозно восклицала, и махомъ святой хоругви обращала воиновъ въ битву. Ксенія не разлучалась съ нею, и, видя паденіе воязей, думала: *такъ былъ Мірославъ любезный!* Казалось, что сія невинная, крошкая душа веселилась ужасами кровопролитія — столько чудесно дѣйствіе любви! Сін ужасы живо представляли ей кенчину друга: Ксенія всего болѣе хотѣла и любила заниматься ею. Она знала Холмскаго по его оружію и доспѣхамъ, обогрѣннымъ

кровию Мірослава; огненный взоръ ея звалъ весь мечи, весь удары Новгородскіе на главу Московскаго Полководца: но желѣзный щитъ его отражалъ удары, сокрушалъ мечи, и рука сильнаго вишнязя опускалась съ тяжкими извѣстами и гибелію на смѣлыхъ противниковъ. Александръ *Затмѣнный* съ веселіемъ спышалъ на рашное поле, съ видомъ горестни возвращался; онъ предвидѣлъ неминуемое бѣдственное опечеснѣва, искалъ только славной смерти, и нашелъ ее среди Московской дружины. Съ того времени одни храбрые юноши здѣлывали мѣсто вождей Новгородскихъ, ибо князю всего опечакило. Никто изъ нихъ не умираетъ безъ славнаго дѣла.

Въ одну ночь Смиренный Посадникъ собралъ знаменитѣйшихъ Бояръ на думу — и при восходѣ солнца ударили въ *Виссѣй колоколъ*. Граждане лѣзъли на Великую Площадь, и все глаза устремились на Вадимово Мѣсто: — Мароа и Ксеція вели на его желѣзные ступени пусышника Феодосія. Народъ общимъ крикомъ изъяснилъ свое радостное удивленіе. Снарецъ въралъ на него дружеснобно, обнималъ знаиныхъ чиновниковъ — и сказать, поднявъ руки къ небу: «Опечеснѣно любезное! прійми «слова въ нѣдра свои Феодосія!... Въ несчастные дни нивон я молился въ пусышъ: но «бранья мои гибнутъ, и мнѣ должно умереть «съ ними, да совершится кляшвенный обѣтъ «моей юности и рода Молинскихъ!...» Іосифъ Дѣлинскій, провождаемый Тысячскими и Боя-

рами, несесть златую цѣпь изъ Софійскаго храма, возлагаеиъ ее на синарца и говоришиъ ему: «Будь еще Посадникомъ великаго града! «Исполни усердное желаніе Верховнаго Совѣта! «Съ радоснію уснунаю шебъ мое доснони- «снво: я могу владѣиъ оружіемъ; могу умеретиъ «въ полтъ!... Народъ! объяви волю свою!...» *Да будетъ! да будетъ!* громогласно опвѣтснво-вали граждане — и Мароа сказала: «О славное «поржеснво любви къ опечеснву! Синарецъ, «копорого Новгородъ уже давно оплакать какъ «мернваго, воскресеиъ для его служенія! Онъ «шельникъ, копорый въ нишннхъ нусныни и «земныхъ снрасней забыть уже веъ радосни «и скорби человека, веомнилъ еще обязан- «носнхъ гражданина: оснавлиеиъ мирную при- «снаниъ и хосеиъ дѣлиниъ съ нами онасносни «временъ бурныхъ! Народъ и граждане! може- «ше ли опчаяваниъся? Можете ли сомнваниъся «въ Небесной благосни, когда Небо уснунаеиъ «намъ Своего избраннаго; когда сполтъниная «мудресиъ и добродѣтелиъ будениъ председаиъ «въ Верховномъ Совѣтѣ? Возвранился Феодо- «сій: возвранииися и благоденснвиъ, копорымъ «вы нѣкогда подѣ его мудрымъ правленіемъ «наслаждаиисъ. Тогда воспоминаиъ минувшихъ «бѣдснвій, искуснвиныхъ нвердоснхъ сердецъ «Новгородскихъ, обратиися въ славу наниу, «и мы будемъ нѣмъ щаснливте: ибо слава «есть щасніе великихъ народовъ!»

Дѣлиискій и Мароа убѣдили Феодосія поржеснвснво явииъся въ Великомъ градѣ; они

думали, что сія нечаянность сильно подѣйствуетъ на воображеніе народа, и не обманулись. Граждане лобызали руки снарца, подобно дѣтямъ, копорья въ опсунувшіе оица были несчастливы и надѣюща, что оныиная мудроснь его прекранииъ бѣды ихъ. Долго-временное уединеніе и свяная жизнь напечатлѣли на лицѣ Феодосія невѣясиное величіе; но онъ могъ служииъ опечесиву только усердиыми обѣяами чистиой души своей — и без-полезными: ибо суды Выишиаго непремѣны!

Новый Посадникъ, слѣдуя древнему обыкно-венію, долженъ былъ угосиииъ народъ: Мар-оа приготовила великолѣпное иириесиво, и граждане еще дерзнули веселииъся! еще духъ браисива оживилъ сердца! Они веселииъся на могилахъ: ибо каждый изъ нихъ уже оплакалъ родишеля, сына или брата, убиныхъ на Шелонѣ и во время осады кровопролитной. Сіе минутное, щасливое забвеніе было послѣднимъ благодаріемъ Судьбы для Новогородцевъ.

Скоро открылося новое бѣдесивіе; скоро въ Великомъ градѣ, лишенномъ всякаго сообщенія съ его обласиями хлѣбородными, жииицы народныя, знаменитыхъ гражданъ и го-спей чужеземныхъ опусиъли. Еще нѣсколько времени усердіе къ опечесиву иерильиво сно-сило недоснаинокъ: народъ едва иишался и молчалъ. Осень наступала, ясная и ииная. Граждане всякое уииро снѣпили на высокія снѣжны и видѣли шаиры Московскіе, блескъ

оружія, грозные ряды воиновъ; все еще думали, что Іоаннъ удаленъ, и малѣйшее движеніе въ его снаниъ казалось имъ вѣрнымъ знакомъ ошеснуленія... Такъ надежда возрастала иногда съ бѣдственіемъ, подобно свѣщильнику, который, тоновясь угаснуть, расширяетъ пламя свое... Марѳа спрала во глубинѣ души, но еще являлась народу, въ видѣ снокойнаго величія, окруженная символами изобилія и дарами земными: когда ходила по снотамъ, многочисленныя слуги носили за нею корзины съ хлѣбами; она раздавала ихъ, вснрѣчая бѣдныхъ, изнуренныя лица—и народъ еще благословлялъ ея великодушіе. Чиновики день и ночь были въ собраніи... Уже нѣкоторые изъ нихъ молчаніемъ изъясляли, что они не одобряютъ упорства Посадницы и Дѣлинскаго; нѣкоторые даже ссывновали войны въ переговоры съ Іоанномъ; но Дѣлинскій грозно подымалъ руку, смолыный Феодосій съдыми власами оширать слезы свои, Марѳа вснупала въ храмину Совѣта, и все снова казалось нвердымъ. — Граждане, гонимые шоскою изъ домовъ своихъ, не рѣдко видали по ночамъ, при свѣтѣ луны, снарца Феодосія, снотящаго на колынахъ предъ храмомъ Софійскимъ; юная Ксенія вмѣстѣ съ нимъ молилась; но манъ ея, во время миншны и мрака, любила уединяться на кладбищѣ Борецкихъ, окруженномъ древними соснами: тамъ, облокотясь на могилу супруга, она сидѣла въ глубокой задумчиво-

ени, бесѣдовала съ его жѣною и давала ему опоченъ въ дѣлахъ своихъ.

Наконецъ ужасы глѣда сильно обнаружились, и снранный вошь, предвѣстникъ мятежа, раздался на снотнахъ. Несчастныя манери взывали: «грудь наша изсохла; она уже не питаетъ младенцевъ!» Добрые сыны Новгородскіе восклицали: «мы готовы умереть; но не можемъ видѣть лютой смерти оныхъ нашихъ!» Борецкая снѣнула на Вадимово Мѣсто; указывала на блѣдное лице свое; говорила, что она раздѣляетъ нужду съ бранцами Новгородскими, и что великодушное шервѣе еснѣ должноснѣ ихъ.... Въ первый разъ народъ не хотѣлъ уже внимать словамъ ея, не хотѣлъ умолкнуть; съ изнуреніемъ шѣстельныхъ силъ и самая душа его ослабѣла; казалось, что все погасло въ ней, и только одно чувствѣ глѣда шервало несчастныхъ. Враги Посадницы дерзали называть ее жестокою, честолюбивою, безчеловѣчною.... Она содрогнулась.... Тайные друзья Иоанновы кричали предъ домомъ Ярославовымъ: «лучше служите Князю Московскому, нежели Борецкой; онъ возвратитъ изобиліе Новуграду: она хотѣтъ обратитъ его въ могилу!....» Марфа, гордая, величавая, вдругъ упадаетъ на колѣна, поднимаетъ руки и смиренно молить народъ выслушать ее... Граждане, пораженные снѣмъ великодушнымъ униженіемъ, безмолвствуютъ. . . . «Въ послѣдній разъ» — взыкаетъ она — «въ послѣдній разъ» «заклинаю васъ быти шѣвердыми еще нѣсколь-

«ко дней! Отчаяніе да будетъ нашею силою! Оно есть послѣдняя надежда Героевъ. Мы еще сразимся съ Іоанномъ, и Небо да рѣшитъ судьбу нашу!...» Всѣ воины въ одно мгновеніе обнажили мечи свои, взывая: «идемъ, идемъ сражаться!» Друзья Іоанновы и враги Посадицы умолкли. Многіе изъ гражданъ прослезились; многіе сами упали на колѣна предъ Марѳою, называли ее матерію Новгородскою и снова клялись умереть великодушно. Сія минута была еще минутою шоржесства сей гордой жены. Врага Московскія опиворились; воины сѣвши въ поле: она вручила *хоругвь отечества* Дѣлинскому, который обнялъ своего друга, и сказавъ: *прости навѣки!* удалился.

Войско Іоанново встрѣтило Новгородцевъ... Битва продолжалась при часахъ; она была чудеснымъ успѣхомъ храбросии... но Марѳа увидѣла наконецъ *хоругвь отечества* въ рукахъ Іоаннова оруженосца, знамя *Дружины великодушныхъ* въ рукахъ Холмскаго; увидѣла пораженіе своихъ; воскликнула: *совершилось!* прижала любовную дочь къ сердцу, взглянула на любимое мѣсто, на образъ Вадимовъ — и тихими шагами пошла въ домъ свой, опираясь на плечо Ксєніи. Никогда не казалась она величественнѣе и спокойнѣе.

Дѣлинскій погибъ въ сраженіи; остатки воинства едва спаслись. Граждане, чиновники хотѣли видѣть Марѳу, и широкій дворъ ея наполнился толпами людей; она расшворила

окно, сказала: *дѣлайте, что хотите!* и закрыла его. Θεодосій, по прѣбыванію народа, оправила послѣвъ къ Іоанну: Новгородъ опдавалъ ему всѣ свои богатства, уснуналъ наконецъ всѣ обласни, желая единственнѣнно сохранишь собственное внутреннее правленіе. Князь Московскій опвѣщивалъ: *Государь милуетъ, но не пріемлетъ условій.* Θεодосій въ глубокую ночь, при свѣтѣ факеловъ, объявилъ гражда-намъ рѣшительный опвѣтъ Великаго Князя... Взоръ ихъ невольно искалъ Марю; невольно устремился на высокій перемъ ея: тамъ угасла ночная лампада! Они вспомнили слова Посадницы.... Нѣсколько времени царствовала горестное молчаніе. Никто не хотѣлъ первый изъявить согласія на прѣбываніе Іоанна; наконецъ друзья его ободрившись и сказали: «Богъ покоряетъ насъ Князю Московскому; онъ будетъ опцемъ Новаграда.» Народъ при-спалъ къ нимъ и молилъ старца бытъ его ходатаемъ. Граждане въ сію послѣднюю ночь власни передноу не смыкали глазъ своихъ, сидѣли на Великой Площади, ходили по снѣгамъ, нарочно приближались къ врагамъ, гдѣ стояла воинская спиража, и на вопросъ ея: кто они? еще съ тайнымъ удовольствіемъ опвѣщивали: «вольные люди Новгородскіе!» Вездѣ было движеніе; огни не угасали въ домахъ: только въ жилищѣ Борецкихъ все казалось мертвымъ.

Солнце восходило — и лучи его озарили Іоанна сидящаго на тронѣ, подѣ хоругвию Но-

вогородскою, среди воинскаго спана, полководцевъ и Бояръ Московскихъ; взоръ его сіялъ величіемъ и радоснію. Θεодосій медленно приближался къ трону; за нимъ шли все чиновники Великаго града. Посадникъ спалъ на колына и вручилъ Князю серебряные ключи отъ вратъ Московскихъ — Тысячкіе преломили жезлы свои, и Спаросны пани Концовъ Новогородскихъ положили съкиры къ ногамъ Иоанновымъ. Слезы лились изъ очей Θεодосія. «Государь Новаграда!» сказалъ онъ — и все Бояре Московскіе радосно воскликнули: *да здравствуетъ Великій Князь всея Россіи и Новаграда!*... «Государь!» продолжалъ старецъ: «судьба наша въ рукахъ твоихъ. Опинишь воля Самовласничева будетъ для насъ единственнымъ закономъ. Еснли мы, рожденные «подъ иными уснавами, кажемся тебѣ виновными, да падутъ наши головы! Все чиновники, все граждане виновны, ибо все любимъ свободу. Еснли просишь насъ, то будемъ вѣрными подданными: ибо сердца Русскія не знаютъ измѣны, и клятва ихъ надежна. «Твори, что угодно Владыкѣ самодержавному!...» Иоаннъ далъ знакъ рукою, и Холмскій поднялъ Θεодосія. *Судъ мой есть правосудіе и милость!* вѣщалъ онъ: *милость всемъ чиновникамъ и народу...* «Милоснъ! милоснъ!» воскликнули Бояре Московскіе. «Милоснъ! милоснъ!» радосно повнорало все войско: казалось, что она ему была объявлена — столь добродушны Русскіе! Одни чиновники Новогородскіе стояли

въ мрачномъ безмолвіи, понуниеть глаза въ землю. «Богъ судить меня съ Новгородцами:» сказалъ Іоаниъ: «кого наказать Онъ, того «милую! Идице: да узнаеиъ народъ, чію Іоаниъ «желаетъ быти опцемъ его!» Онъ далъ тайное повелѣніе Холмскому, конорый, взявъ съ собою опрядъ воиновъ, занятъ врана Московскія и принятъ начальство надъ градомъ: окрестныя селенія сѣвными доснавшими изобиліе его изнуренымъ жителямъ.

Друзья Борецкихъ хотѣли видѣти Мароу: она и дочь ея сидѣли въ шереми за рукодѣльемъ... «Не бойся мести Іоанновой,» сказали друзья: «онъ всехъ прощаетъ...» Мароа опивъивовала имъ гордою улыбкою — и въ сіе мгновеніе зашумѣло оружіе въ домъ ея. Холмскій входивъ, снанивъ воиновъ у дверей и великихъ Бояремъ Новгородскимъ удаливъ. Мароа, не измѣняясь въ лицѣ, дружески подала имъ руку и сказала: «Видице, чію «Князь Московскій уважаетъ Борецкую: онъ «считаетъ ее врагомъ опаснымъ! Простите!.. «Вамъ еще можно жити...» Бояре удалились. Холмскій съ угрозами началъ ее допрашивать о мнимыхъ тайныхъ связяхъ съ Литвою: Посадница молчала, и спокойно шила золотомъ. Видя непреклонную твердость ея, онъ смягчилъ голосъ и сказалъ: «Мароа! Государь повѣритъ одному слову твоему...» *Вотъ оно опивъивовала Посадница*: пусть Іоаниъ велитъ умертвить меня, и тогда можетъ не страшиться ни Литвы, ни Казимира, ни самага

Новограда!... Князь, благородный сердцемъ, въ шелъ, удивляясь ея великодушію. — Граждане толпились вокругъ дома Борецкихъ: напрасно воины хотѣли удалить ихъ; но вдругъ раздался звонъ колокольный во всѣхъ нѣши Концахъ, и народъ, всегда любопытный, забытъ на время судьбу Марѳы: онъ спѣшилъ на встрѣчу къ Іоанну, который съ величіемъ и торжествомъ въѣжалъ въ Новгородъ, подъ сѣнію хоругви отечества, среди легионовъ многочисленныхъ, въ вѣнцѣ Мономаха и съ мечемъ въ рукѣ.

Марѳа, заключенная въ домъ своемъ, услышала звонъ колокольный и громкія восклицанія: *да здравствуетъ Государь всея Россіи и Великаго Новограда!...*» Давно ли, сказала она милой дочери, которая, положивъ голову на грудь ея, съ тихимъ умиленіемъ смотрѣла ей въ глаза — «давно ли сей народъ славилъ «Марѳу и вольноснъ? Теперь онъ увидитъ «кровь мою, и не покажетъ слезъ своихъ; «иногда съ горестію будетъ воспоминашь «меня, но прощесствія новыя скоро займутъ «всю душу его, и только слабые, хладные слѣды бытія моего останутся въ преданіяхъ «суешнаго любопытства!... И геройство пылаешь огнемъ дѣтъ великихъ, жертвуетъ «драгоценнымъ спокойствіемъ и всѣми милыми радостями жизни... кому? неблагодарнымъ! «Я могла бы наслаждаться щастіемъ семейственнымъ, удовольствіями доброй матери, «богатствомъ, благопвореніемъ, всеобщею лю-

«бояню, починеніємъ людей и — самою тяжкою
«горестію о великомъ оницѣ живомъ; но я все
«принесла въ жертву свободѣ моего народа:
«самую чувствительность женскаго сердца —
«и хонѣла ужасовъ войны; самую тяжкую
«манеру, и не могла плакать о смерти сыновъ
«моихъ!»... Тутъ въ первый разъ глаза Мары
«наполнились слезами раскаянія... «Просни мнѣ,
«онѣнь великодушнаго супруга! Сіе движеніе
«было послѣднимъ гласомъ женской слабости.
«Я клялась заслужить живое мѣсто въ оиоче-
«сствѣ, и конечно исполнила клятву свою: ибо
«Князь Московскій считалъ меня достойною
«почтибуть выдать съ вольностію Новгород-
«скою! Ты позавидовалъ бы моей долѣ, если-
«бы еще дышалъ для оиочесства; самая не-
«благодарность народа возвысила бы въ гла-
«захъ живыхъ цѣну великодушной жертвы:
«награда признательности уменьшалась ея...
«Теперь я спокойно ожидаю смерти!... Знаю
«Іоанна; онъ знаетъ Марю, и долженъ однимъ
«ударомъ сразить гордость Новгородскую:
«кто дерзнетъ возмущать противъ Монарха,
«который наказалъ Борецкую?... Герои древ-
«ности, побуждаемые силою и щастіемъ, ли-
«шили себя жизни; безспрашные боялись ка-
«зни: я не боюсь ее. Небо должно расплатить
«жизнію и смертію людей: человекъ воленъ
«только въ своихъ дѣлахъ и чувствахъ.» —
Ксенія слушала мать свою, и разумѣла слова ея.

Іоаннъ предъ храмомъ Софійскимъ сошелъ
съ коня: Θεοφιльтъ и духовенство всерънни и

его со крестами. Сей великій Государь принесъ жертву моленія и благодарности Всевышнему. Всѣ славные Воеводы Московскіе, преклонивъ колѣна, слезами изъявляли радость свою. — Іоаннъ въ домъ Ярослава угостилъ роскошною пранезою знатнѣйшихъ Бояръ Новгородскихъ, и державною рукою своею сыпалъ злато на бѣднѣйшихъ гражданъ, которые нескренно и добросердечно славили его благодарительностію. Не грозный чужеземный завоеватель, но великій Государь Русскій побѣдилъ Русскихъ: любовь отца Монарха сіяла въ очахъ его.

Ввечеру многочисленныя спражки явились на спогнахъ, и повелѣли гражданамъ удалиться; но любопытныя украдкою выходили изъ домовъ и видѣли, въ глубокую полночь, Іоанна и Холмскаго, въ шипицѣ идущихъ къ Софійскому храму; два воина освѣщали ихъ пуншъ факеломъ, остановились въ оградѣ, и Великій Князь, — наклонился на могилу юнаго Мірослава; казалось, что онъ изъявляетъ горесть и съ жаромъ упрекаетъ Холмскаго смертію сего храбраго вѣнчанаго... Новгородцы вспомнили тогда, что Государь щипомъ своимъ опразилъ мечъ оруженосца, хотѣвшаго умеривши Мірослава; удивлялись — и никогда не могли свѣдѣть тайны Іоаннова благоволенія къ юношѣ. — Сіи любопытныя приведены были въ ужасъ другимъ зрѣлищемъ: они видѣли множество пламенниковъ на Великой Площади, слышали шептъ свѣжиръ — и высокій эшафотъ явился

предъ Домомъ Ярославъ. Новгородцы думали, что Іоаннъ нарушилъ слово, и что гнѣвъ его поразилъ всѣхъ имениныхъ гражданъ.

На развѣстѣ загремѣли воинскіе бубны. Всѣ легіоны Московскіе были въ движеніи, и Холмскій съ обнаженнымъ мечемъ скакать по снопамъ. Народъ шепснать, но собирався на Великой Площади узнать судьбу свою. Тамъ, на знафонтѣ, лежала съкира. Отъ Конца Славянскаго до Мѣсна Вадимова снопали войны съ блеснящимъ оружіемъ и съ грознымъ видомъ; Воеводы сидѣли на коняхъ предъ своими дружинами. Наконецъ желѣзные заноры упали, и врана Берцкихъ раснворилась: выходилъ Мароа, въ зланой одеждѣ и въ бѣломъ покрывалѣ. Старецъ Θεодосій несенъ образъ предъ нею. Бѣдная, но нвердая Ксенія веденъ ее за руку. Конья и мечи окружаютъ ихъ. Не видно лица Маровъ; но такъ величаво ходила она всегда по снопамъ, когда чиновники ожидали ее въ Совѣтъ или граждане на *Вѣчь*. Народъ и войны соблюдали мернвое безмолвіе; ужасная шншнна царшвовала: Посадншца оспановилась предъ Домомъ Ярославъ. Θεодосій благословилъ ее. Она хотѣла обнянъ дочь свою, но Ксенія упала; Мароа положила руку на сердце ся — знакомъ изъявила удовольствіе, и спѣшнла на высокій знафонтъ—сорвала покрывало съ головы своей: казалась шомною, но снжойною—съ любоньшнвомъ посмопръла на лобное мѣсно (гдѣ разбитый образъ Вадимовъ лежалъ во прахѣ)—взглянула на мрачное, обла-

ками покрытое небо — съ величественнымъ уныніемъ опустила взоръ свой на гражданъ... приближилась къ орудію смерти, и громко сказала народу: *подданные Иоанна! умираю гражданскою Новгородскою!*... Не спало Маровъ... Многіе невольно воскликнули отъ ужаса; другіе закрыли глаза рукою. Тѣло Посадницы одѣли чернымъ покровомъ... Ударили въ бубны—и Холмскій, держа въ рукѣ харитію, снѣлъ на бывшемъ Вадимовомъ Мѣстѣ. Бубны умолкли... Онъ снѣлъ пернатый шлемъ съ головы своей, и читалъ громогласно слѣдующее:

«Слава правосудію Государя! Такъ гибнутъ виновники мятежа и кровопролитія! Народъ си Бояре! не ужасайтесь: Иоаннъ не нарушилъ слова; на васъ мнѣющая десница его. Кровь Борецкой примиряетъ вражду единоплеменныхъ; одна жертва, необходимая для вашего покоенія, навѣки утверждаетъ сей союзъ неразрывный. Ошнытъ предадимъ забвенію все минувшія бѣдствія; ошнытъ вся земля Русская будетъ вашимъ любезнымъ опечеснвомъ, а Государь великій опцемъ и главою. Народъ! не вольносите, часно гибельная, но благоустройство, правосудіе и безопасность сунъ при снолна гражданского щасія: Иоаннъ обѣщаетъ ихъ вамъ предъ лицемъ Бога всемогущаго...»

Тутъ Князь Московскій явился на высокомъ крыльцѣ Ярославова Дому, безоруженъ и съ главою опкрыною: онъ взиралъ на гражданъ съ любовію и положилъ руку на сердце. Холмскій читалъ далѣе.

«Объщаетъ Россіи славу и благоденствіе;
«клянешся своимъ и всѣхъ его преемниковъ
«именемъ, что польза народная во вѣки вѣ-
«ковъ будетъ любезна и священна Самодерж-
«цамъ Россійскимъ — или да накажетъ Богъ
«клятвопресупника! да исчезнетъ родъ его,
«и новое, Небомъ благословенное поколѣніе да
«власивуетъ на пронтъ ко щасшію людей *!»

Холмскій надѣлъ шлемъ. Легіоны Княжескіе
взывали: *слава и долготіе Иоанну!* Народъ
еще безмолвствовалъ. Занграли на трубахъ—
и въ единое мгновеніе высокій эшафотъ раз-
рушился. На мѣстѣ его возвѣялось бѣлое знамя
Іоанново, и граждане наконецъ воскликнули:
слава Государю Россійскому!

Спарецъ Θεодосій снова удалился въ пусшы-
ню, и шамъ, на берегу великаго озера Ильме-
ня, погребъ шѣло Марѣы и Ксеніи. Госпи чу-
жеземные вырыли для нихъ могилу, и на гро-
бѣ изобразили буквы, которыхъ смыслъ доны-
нѣ осмѣается шайною. Изъ семи сошъ Нѣмец-
кихъ гражданъ шолько пашьдесять человѣкъ
пережили осаду Новгородскую: они немедлен-
но удалились во свои земли. *Вѣчевый колоколъ*
былъ снятъ съ древней башни и опвезенъ въ
Москву: народъ и нѣкоторые знаменитые граж-
дане далеко провожали его. Они шли за нимъ
съ безмолвною горестію и слезами, какъ нѣж-
ныя дѣти за гробомъ отца своего.

* Родъ Іоанновъ пресѣкся, и благословенная фамилія Рома-
новыхъ царшвуетъ.

г. 1802.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Ш Е С Т А Г О Т О М А.

	Стран.
Бѣдная Лиза	1
Прекрасная Царевна и щастливой Карла . . .	27
Юлія	45
Дремучій лѣсъ	74
Нашалья, Боярская дочь	86
Сіерра-Морена	147
Островъ Борнгольмъ	155
Марѳа Посадница, или покореніе Новгорода . .	175

18.47.67.6